

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**№ 7 (184)
ОКТЯБРЬ, 2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 7 (184). Октябрь, 2019

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
доктор филологических наук, профессор,
академик РАН, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
- Т. РУСЕН**
доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук, профессор,
Президент международного общества Достоевского
(Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики
(Прага, Чехия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- Ю. ИНОУЭ**
кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка, Университет Дзёти
(Токио, Япония)
- М. А. ЧЕРНЯК**
доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

Редакционная коллегия

- М. А. БОБУНОВА**
доктор филологических наук, профессор,
Курский государственный университет
(Курск, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
доктор филологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
доктор философии, профессор,
Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
- О. В. НИКИТИН**
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(Москва, Россия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)
- В. И. СУПРУН**
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-педагогиче-
ский университет (Волгоград, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
доктор филологических наук, доцент,
Всероссийский государственный институт кинематографии
имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
доктор филологических наук,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

№ 7 (184). October, 2019

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Filology, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, PhD in Filology

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

All articles are peer-reviewed

Editorial office address

Petrozavodsk State University

33 Lenin Ave., Petrozavodsk,

185910, Russian Federation

+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg Institute of History of RAS
(Saint Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kursk State University (Kursk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor, Northern Arctic
Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Eastern Finland
(Joensuu, Finland)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philological Sciences, All-Russian State
Institute of Cinematography
(Moscow, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences, Saint Petersburg
State University for Cinema and Television
(Saint Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philological Studies, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Марковская Е. В.	
Интервью		Поморские частушки военного времени в записях А. М. Линевского	62
Интервью с Т. Г. Ивановой	8	Сидоренко А. Ю.	
VIII конференция по традиционной культуре Русского Севера «Рябининские чтения-2019»		Идиллия борьбы: роман Лян Биня «История красного знамени»	70
Алпатов С. В.		ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
«Газета из ада» в Каргополье: проблема хронологической стратификации локальной традиции	13	Дьячкова И. Н.	
Бобунова М. А., Хроленко А. Т.		Количественно-именные сочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина	77
Сказительский идиолект Т. Г. Рябинина (на материале словаря былинной лексики)	19	Зорина Е. С.	
Власов А. Н., Еремина В. И.		Синтагматическое членение текста в аспекте замысла автора (на материале рассказа М. Шишкина «Пальто с хлястиком»)	81
Границы рецепции и интерпретации локального фольклора в трудах краеведов (к понятию фольклорной сингулярности)	26	Мухина И. К.	
Муллонен И. И.		Способы реализации отношений противоположности в синонимико-антонимическом комплексе «горячий ↔ холодный»	86
Названия-дублиеты в топонимической системе людиковского Прионежья	31	Новак И. П.	
Михайлова Л. П.		Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка	90
Прибалтийско-финский фонетический компонент в лексике говоров Заонежья	38	Твердохлеб О. Г.	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		Сочетательный повтор соматизмов в поэзии Андрея Белого	96
Житенев А. А.		Тейкин М. С.	
Миф о К. Н. Батюшкове в русской поэзии 1970-х – 2000-х годов	44	Этноним <i>камчадал</i> в лингвистическом пространстве Северо-Востока России	104
Розанов Ю. В.		Юбилей	
Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в общественно-политической ситуации 1960-х годов	51	К 85-летию со дня рождения Л. Н. Колесовой	113
Литинская Е. П., Шарапенкова Н. Г.		К 80-летию со дня рождения Л. П. Михайловой	114
Реминисценции античности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к постановке проблемы	56	К 70-летию со дня рождения В. Н. Захарова	115
		Научная информация	116
		Contents	118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.10.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 209

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
А. В. Пигун

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

23–27 сентября этого года в Петрозаводске состоялась VIII конференция по изучению и актуализации культуры Русского Севера «Рябининские чтения». Конференция с таким названием проводится по инициативе музея-заповедника «Кижы» один раз в четыре года и собирает большое число российских и зарубежных участников – фольклористов, этнографов, искусствоведов и представителей других специальностей. Председателями оргкомитета этого авторитетного форума являлись в разные годы крупные российские ученые Б. Н. Путилов, К. В. Чистов и Т. Г. Иванова. В настоящем номере журнала публикуются некоторые материалы конференции 2019 года.

Открывается номер интервью с главным научным сотрудником отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Т. Г. Ивановой – председателем оргкомитета Чтений с 2003 года. Отвечая на вопросы профессора С. М. Лойтер, Т. Г. Иванова делится с читателями размышлениями о роли «Рябининских чтений» в российской науке, рассказывает о собственной научной судьбе, излагает свою концепцию истории российской фольклористики первой половины XX века, освещает другие актуальные вопросы современной науки о традиционной народной культуре.

Далее публикуются статьи некоторых участников «Рябининских чтений – 2019»: фольклористов (С. В. Алпатова, А. Н. Власова и В. И. Ереминой) и лингвистов (М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко, И. И. Муллонен, Л. П. Михайловой). Данные публикации дают представление о вопросах, обсуждавшихся на Чтениях 2019 года: изучение фольклорных и рукописных текстов в локальных традициях Русского Севера, проблемы перекодировки устной культуры в письменную (на материале краеведческих сочинений), сказительского идиолекта, топонимии, влияния прибалтийско-финских языков на говоры Заонежья и др. Разумеется, это лишь небольшая часть тех вопросов, которые были затронуты в докладах участников конференции. Об истории конференции «Рябининские чтения» и о публикации ее материалов за все годы читатель может узнать из заметки («Хроника») И. В. Мельникова и Н. М. Мельниковой.

В разделе «Литературоведение» публикуются статьи, посвященные творчеству К. Н. Батюшкова, Ф. М. Достоевского, В. И. Белова, китайского писателя Лян Биня. В научный оборот вводится ценная информация о большой коллекции частушек, собранной писателем и археологом А. М. Линевским в поморских селах в 1944 году и хранящейся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (статья Е. В. Марковской). Различные аспекты изучения языка русской художественной литературы, карельских текстов, семантики отдельных лексем затрагиваются в статьях в разделе «Языкознание».

В рубрике «Юбилеи» публикуются поздравительные статьи в честь преподавателей Института филологии ПетрГУ – доцентов Л. П. Михайловой, Л. Н. Колесовой и профессора В. Н. Захарова.

Интервью доктора филологических наук С. М. Лойтер с доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН ТАТЬЯНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ИВАНОВОЙ

Татьяна Григорьевна, Вы – выпускница знаменитого филологического факультета Ленинградского университета. Что предопределило Ваш приход в филологию? Каковы были Ваши научные интересы в студенческие годы?

Я с детства была типичным гуманитарием. В школе соответственно не любила физику и математику. Любила книги, театр, музеи. В конце 10-го класса стала перед выбором – исторический факультет или филологический? Перевесил филологический, наверное, потому что учитель литературы в школе, где я училась, был замечательный и знаменитый Д. Н. Мурин. Он учил нас ЧИТАТЬ, работать с текстом, видеть и чувствовать каждое слово. А в университете я очень быстро определилась с научными интересами, то есть начался мой «роман» с фольклористикой. После первого курса летом 1971 года И. М. Колесницкая (она читала нам курс по русскому фольклору) предложила мне поехать в фольклорную экспедицию на Северную Двину. Кажется, в этом предложении мне больше всего понравилось – поехать куда-то далеко. Главное в этой поездке было, думаю, не приобретение полевого фольклористического опыта, а впечатления городской девочки от русской деревни и ее людей: двинские пейзажи, северные черные избы, доброжелательные люди. Что-то мы в эту фольклорную экспедицию записали (в 1970-е годы еще и сказка, и песня в деревне жила), привезли в Ленинград. Кстати, это были записи от руки! Магнитофона у нас с собой не было – университет не дал. Ирина Михайловна наставила нас, как надо обработать записи, определить жанры, систематизировать, чтобы представить их на кафедру русской литературы. А потом было нечто вроде отчета о поездке. Так начался мой путь в фольклористику.

Кто из ученых оказал на Вас особое влияние? Лекции, труды каких преподавателей оставили неизгладимый след в Вашей памяти?

Я уже сказала, что моим университетским учителем была И. М. Колесницкая. Мне, увы, не довелось знать В. Я. Проппа. Владимир Яковлевич скончался в августе 1970 года, и одно из первых моих впечатлений от вестибюля филологического факультета – извещение о его смерти. Тогда это имя мне ничего не говорило... Так что мой учитель – Ирина Михайловна. Она не была ярким лектором, была очень сдержанным человеком, но она умела учить тех, кто хотел учиться. Я прошла через ее семинары по русскому народ-

ному творчеству: отчеты по экспедициям (а после второго курса была поездка в Печорский район Псковской области, после третьего – в Подпорожский район Ленинградской области), рефераты, курсовые работы. Очень благодарна Ирине Михайловне за выучку, за дисциплину мысли, за ее введливость. Как она заставляла делать необходимые ссылки на каждый наш ученический тезис!

Яркие преподаватели? Таких было немало. Конечно, импозантный Г. П. Макогоненко – с его сигарой, которую он курил прямо на лекции. Он нам читал литературу первой половины XIX века. Бегала на необязательные лекции Г. А. Бялого – скромного, с тихим голосом, небольшого роста. Лекции собирали огромное количество слушателей – он читал о Льве Толстом, Достоевском, Короленко.

Как Вы оказались в аспирантуре? Кто был Вашим научным руководителем в аспирантуре? Темы Ваших кандидатской и докторской диссертаций и публикации по их следам?

В заочную аспирантуру Пушкинского Дома я поступила в 1977 году. Работала в школе учителем русского языка и литературы в Архангельской области, попав туда по распределению. Решилась пойти в аспирантуру, потому что на защите дипломной работы меня поддержал К. В. Чистов. Он был у меня оппонентом, взял в сборник «Русский Север» (1981) мою статью, сделанную на базе дипломного сочинения – о контаминации в сказке. Так что я Кирилл Васильевича считаю своим «крестным отцом» в науке. Формальным руководителем кандидатской диссертации был А. А. Горелов – заведующий Отделом русского народного творчества в Пушкинском Доме. Но он просто пустил меня в свободное плавание, и я стала выплывать, как могла. Тема кандидатской диссертации вытекала из задач Отдела, который тогда начал работу над серией «Былины» Свода русского фольклора, – «Текстология былин (по севернорусским записям второй половины XIX – XX веков)» (1981). Ничего не знала тогда о былинах – пришлось узнать. Первым оппонентом был у меня Б. Н. Путилов. С того времени и началось наше с ним знакомство. Я не знаю в научной среде еще одного такого обаятельного, доброжелательного человека, каким был Борис Николаевич. Его труды, конечно, стали одними из определяющих в моих дальнейших размышлениях над фольклором. А вот тему для докторской выбирала сама; шла к ней

через архивные материалы, через статьи – «Русская фольклористика начала XX века (Основные направления, школы, имена)» (1994). Защищала по своей первой монографии – «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках» (1993). На этот раз среди оппонентов был К. В. Чистов.

Среди Ваших более 400 трудов явно доминируют работы, посвященные двум сферам научной деятельности – истории фольклористики и библиографии фольклора. Несомненным событием для современной фольклористики стала вышедшая в 2009 году «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг.», большая, в 800 страниц, книга, аккумулировавшая в себе весь Ваш предшествующий исследовательский опыт: работы в области былинноведения, подготовку и комментирование изданий классиков науки, статьи о фольклористах и сказителях, участие в издании Свода русского фольклора, работу во многих архивах и Рукописном отделе Пушкинского Дома и публикации на их основе, постижение регионального фольклора. Предложенная Вами концепция периодизации фольклористики XX века позволила представить четыре десятилетия в тщательно воссозданной во всех сложностях «непрерывной» (Б. Н. Путилов) истории научной мысли, а не в выделенных «медальонах». На чем основана Ваша концепция и каковы ее принципы?

Вы очень правильно нашли слово «медальоны»: моя первая монография «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках» состояла из них. Тогда, в 1993 году, я могла осмыслить лишь научное наследие отдельных представителей науки в многообразии фольклористического поля предреволюционной эпохи. Я еще не была готова к осмыслению одновременно объемности фольклористических идей в каждый из периодов и линейности научной мысли. Очень надеюсь, что в книге «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг.» мне хотя бы отчасти удалось выстроить непрерывность развития фольклористики на обозначенном временном отрезке. Насчет концепции книги... История науки должна быть прочно увязана с историей страны. Нельзя понять процессы, которые происходят в науке, тем более в науке гуманитарной, если не знать, что же происходило в стране. Тем более в нашей стране с ее непростой историей, поэтому у меня в книге есть глава «Фольклористы и сталинские репрессии». Вычленение самих периодов так или иначе привязано к определенным историческим событиям – абсолютно узнаваемым: 1900–1916 годы (дореволюционный период), 1917–1928 годы (от взвихренного революционного времени до начала разгрома краеведения), 1929–1941 годы (от разгрома краеведения до

начала Великой Отечественной войны), 1941–1945 годы (война), 1946–1957 годы (от борьбы с космополитизмом до Московского фестиваля молодежи в Москве в 1957 году), 1958–1986 годы (от IV съезда славистов в Москве в 1958 году до конца брежневской эпохи), с 1986 года (с перестройки) по настоящее время. Второе – это положение о том, что только плюрализм научной мысли, наличие множества направлений, пересекающихся друг с другом и противопоставленных друг другу, является свидетельством «здоровья» научной дисциплины. Плюрализм научных направлений – это лакмусовая бумажка, по которой можно осмыслить тот или иной период и дать ему оценку. Третье, что мне было очень важно, – это разобраться в системе научных учреждений, существовавших в 1900–1941 годах. Кстати, это было не просто. Помните классическое положение о форме и содержании? Научные учреждения – это форма, научная мысль – содержание. И только их единство дает целое. Четвертое – фактография. Я очень люблю факт – место, дата, событие. Одно время вообще думала, что моя сфера в науке – исключительно фактография, без каких-то обобщений широкого плана. Но в книге «История русской фольклористики XX века», кажется, удалось приподняться над голым фактом. Но в любом случае: от системы фактов к концептуальному обобщению, а не наоборот. Пятое – личность, то есть фольклорист, собиратель, исследователь. Мне надо знать не только то, к какому научному направлению принадлежит тот или иной ученый, но и чувствовать его как личность, знать какие-то его биографические черточки. Ведь наука делается не сама по себе, а людьми. Они далеко не идеальны, очень часто вступают в конфликтные взаимоотношения друг с другом. Все это и хотелось отразить в книге.

Первый, самый большой раздел «Фольклористика в 1900–1916 гг.» начинается с полемики с выдающимся фольклористом, чтимым Вами М. К. Азадовским, который в завершающей главе своей «Истории русской фольклористики» назвал эпоху конца XIX – начала XX века «временем упадка и измельчания», когда в науке «господствуют эмпиризм, формализм, тенденции науки для науки». Ваша оценка этого периода полярно противоположна: «Предоктябрьская эпоха в фольклористике – это высшая точка в развитии всей дореволюционной науки <...> Фольклористика начала XX века представляет собой именно развитую, много направленную систему».

Марк Константинович, скончавшийся в 1954 году, в сфере моих научных размышлений, действительно, занимает очень важное место. Поколенчески я могу себя определить его «внучкой». К. В. Чистов был непосредственным учеником Азадовского, а я же считаю Кирилла

Васильевича, как уже сказала, своим «крестным отцом». Но дело не только в этом. Я иду в буквальном смысле вслед за Азадовским: его главная сфера в науке – история русской фольклористики, у меня тоже; он был великолепный текстолог (вспомним его статьи об источниках пушкинских сказок), мне тоже приходилось заниматься проблемами текстологии. Но мне, если не легче, то, без сомнения, в чем-то проще работать. Марк Константинович был скован идеологией, господствовавшей в Советском Союзе в 1930–1950-е годы. Я чуточку ухватила время диктата идеологии: в статье 1982 года о Н. Е. Ончукове, открывателе былинной традиции на Печоре и собирателе сказок в Архангельской и Олонецкой губерниях, мне не позволили сказать, что он закончил свою жизнь в 1942 году в одном из лагерей ГУЛАГа: цензура просто сняла соответствующий абзац. А монография моя «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг.» писалась уже в постперестроечное время. Марк Константинович должен был сверять свои мысли с идеологией государства, я была свободна в построении своей концепции истории науки о «живой старине». Писать то, что думаешь, – это большое счастье. Без сомнения, живи Марк Константинович в наше время, он бы по-иному построил свою книгу. Очень может быть, что и предреволюционный период в истории фольклористики он оценил бы по-другому, а может быть, и нет. Полемика в науке – это нормальная и в высшей степени полезная вещь. Только в любой полемике должно быть две составляющие. Во-первых, уважительное отношение к исследователю, с позицией которого ты споришь. Тем более она должна быть уважительной, если полемизируешь с ученым, который работал в условиях идеологического гнета. Легко нам сейчас быть свободными и раскованными! А что бы нам самим пришлось писать в сталинские времена? И второе: полемика плодотворна только тогда, когда тебе есть что сказать, полемика не должна быть ради полемики. Очень не люблю, когда некоторые начинающие ученые «задирают» имена наших классиков, но сами не могут выдать значимый научный продукт.

Из обозначенных, согласно Вашей концепции, семи периодов развития фольклористики XX века многопланово, досконально в «Истории...» представлены три. Вместе с тем в разделе «Вместо заключения» названы доминанты всех остальных четырех. Их обстоятельное изучение впереди. Скажутся ли реальные процессы – неотвратимое угасание и исчезновение классического фольклора, появление нефиксированного фольклора некрестьянской среды – на развитии современной фольклористики?

С книгой «История русской фольклористики XX века» произошла обычная история: размах-

нулась широко, но сил на весь XX век не хватило. К тому же и объем книги стал зашкаливать, и я решила остановиться, ограничив себя началом Великой Отечественной войны. Честно скажу: думала, издав книгу, продолжить работу над следующими периодами в развитии фольклористики. Концептуально и фактографически периоды Великой Отечественной войны и конца 1940-х – первой половины 1950-х годов с их бесовской борьбой с космополитизмом у меня в общем-то осмыслены. Но почему-то подступать к этой теме нет задора. Наверное, можно уже писать о 1960–1980-х годах в ракурсе истории фольклористики. Однако тут я не уверена: еще не все материалы отложились в архивах, да и не все документы, я абсолютно убеждена, можно раскрывать. Должно пройти время.

Что касается состояния современной фольклорной традиции... Вопрос непростой. Очевидно, что классическая традиция исчезла, она ушла во вторичные формы – в сферу фольклоризма. И в этом смысле ученым предстоит еще работать новые методы и подходы к осмыслению фольклоризма. Советскими представлениями о народной песне в художественной самостоятельности здесь не обойдешься. А вот фольклор как явление культуры, по моему мнению, не исчезнет никогда, пока человечество вербально. Устная, понимаемая широко (включая сферу Интернета), коммуникация в области устной культуры (кстати, первым на эту тему начал писать К. В. Чистов), традиция, устанавливающая преемственность (включая историко-типологические отношения, о которых так великолепно писал Б. Н. Путилов) и вариативность – это те опорные точки, которые, считаю, незыблемы. Сама же фольклористика, конечно, будет трансформироваться, как она трансформировалась на протяжении всего времени своего развития. Когда-то во времена П. В. Киреевского, в 1830–1850-е годы, собиратели в основном записывали песенный текст (фольклор сопрягался с литературой). С конца XIX века фольклористика начала смыкаться с этнографией (процесс этот был далеко не линейным), то есть фольклорный текст осмыслялся в связи с местом, временем, действием и предметом. Сейчас наука о «живой старине» все более сопрягается с антропологией и даже с социологией. Мне эти тенденции в науке не близки, но их не отменить, да и не надо этого делать. Самое главное – сохранить плюрализм направлений в научной мысли.

Вторая сфера Ваших многолетних научных интересов – библиография. Вы составитель пяти томов указателя «Русский фольклор», продолжающих одноименный указатель первопроходца фольклористической библиографии М. Я. Мельц. Вами составлены три библиографические персоналии (Б. Н. Путилов, А. Ф. Некрылова,

М. А. Лобанов). Около десяти лет тому назад Вами и известным фольклористом А. Л. Топорковым был разработан проект Биобиблиографического словаря XVIII–XIX веков «Русские фольклористы», а в 2010 году вышел его пробный выпуск. Дальнейшая титаническая и кропотливая работа по составительству и редактуре пятитомника «Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.» осуществлялась Вами. Теперь в издательстве «Дмитрий Буланин» вышли три тома Словаря, на подходе четвертый. И они своим составом и уровнем еще раз подтверждают существующее мнение о том, что ни одна из областей филологии не имеет такого полного библиографического обеспечения, как фольклористика. Убежденная в том, что появление Словаря «Русские фольклористы» – неординарное событие для гуманитарной науки, прошу Вас подробнее остановиться на его задачах, принципах составления, структуре, содержании словарной статьи, отборе персоналий.

Проект Словаря обсуждался на кижской земле. В 2007 году в конце V Рябининских чтений, во время традиционной поездки на Кижы, мы с А. Л. Топорковым пошли гулять по острову, тогда-то в разговоре и получил первые очертания будущей Словарь. Мы задумали поначалу Словарь, который должен был включать материал о фольклористах XVIII–XXI веков. Но после составления словника стало понятно, что надо ограничить себя более узким периодом. Основной принцип Словаря, который я для себя сформулировала с самого начала, таков: мы берем не только крупные имена фольклористов, которые всем известны, но и мало кому известных краеведов (учителей, священников, врачей и т. д.). Последний ряд имен, на мой взгляд, гораздо важнее осмыслить для дальнейшего развития фольклористики, чем дать стандартные словарные статьи о таких выдающихся ученых, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер и др. О них мы уже многое знаем. Поэтому было принято решение, что объем статьи зависит не от величины имени, а от собственно биографического материала. Биография никому не известного краеведа, если биографический материал пришел «в руки», может быть развернута равновелико биографии видного ученого. И еще один принцип: освещать биографию персонажа во всем многообразии его деятельности – профессиональной и краеведческой. Поэтому называются его труды, далекие от фольклористики. Сейчас работа над Словарем, который вылился в 5 полнообъемных томов (каждый том 800–900 страниц), почти что завершена. В будущем году я надеюсь издать пятый том. Но мне хочется подчеркнуть, что Словарь – это не подведение итогов, а всего лишь толчок к дальнейшей работе. Многие словарные статьи еще очень зыбко наполнены биографическим материалом. Мне очень хочется надеяться, что Словарь

побудит к дальнейшей работе современных краеведов. Ждем дополнений, уточнений! Думаю, Словарь позволяет поставить в науке множество проблем. Например, роль русского духовенства в развитии фольклористики; место народных учителей в собирании устной поэзии; своеобразие каждого из регионов в разворачивании фольклорно-этнографических исследований и т. д.

С 2003 года Вы – руководитель и председатель оргкомитета Международной научной конференции «Рябининские чтения» в Петрозаводске (2003, 2007, 2011, 2015, 2019). И это объясняется не только Вашим статусом главного научного сотрудника Пушкинского Дома, а прежде всего Вашим глубоким знанием фольклористики Карелии, ее магистральных и не очень известных путей. Карельская тема проходит через все разделы Вашей «Истории фольклористики XX века». Вами очень обстоятельно, на всех этапах освещена экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность в Олонецкой губернии / Карелии, воплотившаяся в сборниках, ставших классическими. Фольклорные богатства Карелии в том числе позволили Вам обратиться к проблеме становления «русской школы» изучения индивидуальности сказителя и сделать вывод: «Открытие феномена народного сказителя в русской фольклористике состоялось именно благодаря Заонежью». Много работая в региональных фольклорных архивах и хорошо их зная, Вы выделили созданный в 1930-е годы научный архив Карельского научно-исследовательского института, который, утверждаете Вы, «занимает одно из ведущих мест в фольклористической архивистике» (наряду с архивом Пушкинского Дома и Государственного литературного музея). Пятый раз Вы оказываетесь председателем Рябининских чтений, составителем и ответственным редактором их материалов. Как Вы оцениваете место и значение Чтений? Что значит для Вас Русский Север и Карелия в частности?

Русский Север для меня – *alma mater* в фольклористике. Если хотите, для меня образ русского фольклора – это прежде всего образ народной поэзии Русского Севера. Я уже сказала, что моя первая студенческая экспедиция была на Северную Двину. А Карелия, Петрозаводск – это часть этой самой *alma mater*. Я впервые в Петрозаводске оказалась после четвертого курса летом 1974 года. Целый месяц просидела в архиве Карельского филиала АН СССР – собирала материал для дипломного сочинения по севернорусской сказке. Кстати, это был мой первый опыт работы в архиве. Карелия и научный архив Карельского научно-исследовательского центра в моей книге занимают большое место в силу того, что петрозаводская фольклористика в 1930-е годы была тесно связана с ленинградской командой М. К. Азадовского. Он и его ученики не только

совершали в высшей степени успешные экспедиции в бывшую Олонецкую губернию, но и оказывали постоянную, если хотите, «шефскую» помощь в становлении тогдашнего Карельского научно-исследовательского института. Да и вообще, два города, носящие имя Петра, кажется, обречены на доброе сотрудничество.

В 1974 году я впервые побывала в Кижях. Знала ли, что в дальнейшем моя научная жизнь так тесно будет связана с Карелией? Знала ли, что самым дорогим подарком в своей жизни я буду считать лемех с Преображенской церкви (коллеги-кижане подарили на прошлых Чтениях). Поверьте – это не кокетство. Рябининские чтения – это подарок судьбы, причем данный авансом, не по заслугам. У истоков Чтений стоял Б. Н. Путилов, который, увы, ушел из жизни в 1997 году. Затем Рябининские чтения возглавлял К. В. Чистов. Так получилось, что, когда здоровье не позволило Кириллу Васильевичу приезжать в Петрозаводск, который он очень любил, организаторы Чтений почему-то обратились ко мне. Так и пошло – с 2003 года Рябининские чтения занимают прочное место в ряду общероссийских гуманитарных научных форумов, думаю, потому, что дают возможность собраться на одной площадке представителям разных специальностей. Чтения начинались во многом с определенным большим весом сугубо фольклористической составляющей. И это естественно. Инициаторами их были фольклористы – сотрудник «Кижей» Р. Б. Калашникова и Б. Н. Путилов. Обоих уже нет с нами. Чтения освящает имя выдающегося былинщика Т. Г. Рябинина. Но постепенно эти Чтения начинают равновелико охватывать разные сферы традиционной культуры. Меня радует, что археология, история и этнография занимают весомое место в них. Проблемы языкознания, книжности находят здесь свое место. Естественно, что с каждым очередными Чтениями растет количество докладов, посвященных деревянному зодчеству и народным ремеслам. Чтения обращаются и к сугубо практической проблематике – музееведению, актуализации народной культуры. Думаю, что определенный авторитет Чтениям придает и регулярное издание сборника материалов.

Помимо огромной исследовательской работы Вы много лет преподаете фольклор в вузах Петербурга – Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова и СПбГУ. Вы автор нестандартных лекционных курсов и семинарских занятий. Как эта ипостась преподавателя согласуется с ипостасью академического ученого?

Замечательно согласуется! Действительно, я 20 лет читала курс по фольклору на историческом факультете СПбГУ и одновременно в Консерватории. Сейчас сотрудничаю с удовольствием только с Консерваторией. Там на

кафедре этномузыкологии готовят «штучный» товар. Как я иногда завидую этим молоденьким девочкам и мальчикам! Они получают не только теоретические знания о фольклоре, но и поют – поют народные песни, но не в их обезличенной сценической форме, а в многообразии региональных традиций. Я сама, увы, не пою... Студенты с первого курса ездят в экспедиции. К концу четвертого курса у них уже солидный полевой опыт.

Честно скажу, мне очень повезло, что когда-то покойный А. М. Мехнецов, создавший и выпестовавший кафедру этномузыкологии, пригласил меня в Консерваторию. Пригласил, как я понимаю, потому что Б. Н. Путилов, который до меня читал консерваторцам филологическую часть фольклористики, решил отказаться от этой должности. Пришла я в Консерваторию вроде бы уже доктором филологических наук, но абсолютно неопытным лектором. И главное – багажа знаний катастрофически не хватало! Ну, знала я что-то о былинах, о сказках... А песни? А частушки? А обрядовые формы? Пришлось перечитывать классические работы по фольклору, пришлось гораздо более активно читать новинки нашей литературы. Думаю, что я прошла бы мимо многих книг, если бы не необходимость доносить до студентов какие-то знания. Мои учебные курсы складывались медленно, постепенно. Сейчас я читаю «Поэтику фольклора», «Текстологию фольклора», «Историю русской фольклористики». Последний курс – на протяжении четырех семестров. Кажется, ни в одном из вузов России такого большого курса по истории науки о «живой старине» для будущих фольклористов не читается.

И последний вопрос: расскажите, какие у вас новые научные проекты?

Не знаю, можно ли назвать мои планы проектами. Есть у меня долги. Я должна наконец-то закончить обработку архивного фонда Б. Н. Путилова (личный фонд после кончины ученого находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома) и сделать этот фонд доступным для научного сообщества. В начале 2000-х годов я начала разбирать его, а потом ушла в проект «Русские фольклористы: Библиографический словарь». Сейчас, когда работа над Словарем уже почти завершена, приступлю опять к работе над архивом Бориса Николаевича. Есть у меня и задумки. Очень хотелось бы написать монографию на тему об историческом пространстве в песенно-нарративных жанрах русского фольклора – в былинах, в «старших» и «младших» исторических песнях, в духовных стихах. Эта книга о пространстве должна стать исследованием глубины исторической памяти русского народа. Пространство и время ведь тесным образом сопряжены друг с другом. Хотелось бы еще начать работу над созданием электронной базы данных на тему «Фольклор и этнография в изобразительном искусстве». Бог даст время – буду работать.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
alpserg@gmail.com

«ГАЗЕТА ИЗ АДА» В КАРГОПОЛЬЕ: ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ*

«Газета из ада» – известный в ряде этноконфессиональных традиций Европы Нового времени тип памфлета, получивший распространение в России с конца XVIII века и регулярно фиксируемый в рукописной и устной форме в Белоруссии, Румынии, Прибалтике, Центральной России, Поволжье, на Русском Севере, Урале и Алтае. Решение проблемы хронологической стратификации списков и рукописных редакций, а также устных вариантов и версий популярного памфлета непосредственно зависит от последовательного описания эволюции исследуемой сатиры в рамках локальных рукописных и фольклорных традиций. Верхняя временная граница традиции каргопольских «адских газет» определяется фактом полевой фиксации в 1958 году экспедицией Московского университета устного варианта рассматриваемой сатиры. Нижняя граница локальной традиции маркируется бытованием в регионе в конце XVIII века рукописной сатиры «Письмо олонцакого бывшего с приписью подьячего Климана Нефедьева, писанное с того света к сыну ево Артаману», использующей общие с «Адской газетой» мотивы, образы и топосы и представляющей собой авантекст исследуемой традиции.

Ключевые слова: «Газета из ада», сатира, локальная традиция, временные слои

Для цитирования: Алпатов С. В. «Газета из ада» в Каргополье: проблема хронологической стратификации локальной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 13–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.395

ВВЕДЕНИЕ

«Газета из ада» – популярный тип сатирического памфлета, бытовавший в ряде этноконфессиональных традиций Европы с XVI века, предположительно переведенный на русский язык в середине XVIII века и получивший распространение на территории Российской империи с конца столетия, фиксируемый в рукописной и устной форме в Белоруссии, Румынии, Прибалтике, Центральной России, Поволжье, на Русском Севере, Урале и Алтае вплоть до начала XXI века.

Памфлет принадлежит к новоевропейской традиции *вестей, писем, газет* с того света, опирающейся на средневековые и античные жанровые паттерны *видений, хождений по мукам и разговоров в царстве мертвых*. Английские, немецкие, французские и польские «газеты с того света» XVI–XIX веков представляют основные пороки человечества в виде репортажей о судебном разбирательстве, парламентском прении, театральном представлении или аудиенции в аду. Из всего корпуса просмотренных нами европейских «вестей с того света» типологически и хронологически ближе всего к отечественной «Газете из ада» оказывается французская стихотворная сатира «L'Enfer révolté, ou les Nouveaux appellants de l'autre monde, confondus par Lucifer» (1732).

Реконструируемая русская переработка второй половины XVIII века предполагаемых импортных образцов «ведомостей из ада» активно заимствует образы и мотивы из древнерусских фольклорных, литературных и живописных источников, описывающих загробные мытарства, тем самым переводя европейские формы изображения чистилища и ада на семиотический язык русской этноконфессиональной традиции. Возникшая в отечественной словесности переходного времени тенденция живописного и психологически детализированного изображения греха получает в эпоху Просвещения новый импульс в сатирах, баснях и эпиграммах на человеческие «страсти» и «злонравия», также послуживших генетическим фондом для сложения отечественных «адских газет» и одновременно перцептивным фоном для восприятия российской аудиторией модного образца европейского культурного импорта.

В русской словесности второй половины XVII–XVIII века бытовало значительное число переводных и оригинальных, авторских и анонимных сочинений, эксплуатировавших в серьезно-назидательном либо пародийном ключе жанровые модели «известий с того света», «разговоров в царстве мертвых» и «юмористических курантов». В обозначенном корпусе текстов особо выделяются эпиграмма «На смерть Откупщика» (1760)

и «Эпитафия Откупщику» (1760) А. П. Сумарокова, два издания журнала Ф. Эмина «Адская почта, или Переписка хромоногого беса с кривым» (1769) и «Курьер из ада с письмами» (1788), находящие прямые мотивные, образные и текстуальные параллели в списках и устных вариантах «Газеты из ада» XIX–XX веков.

Европейская жанровая форма «вестей из ада» тесно ассоциирована с традициями масленичной общинной критики и карнавальными образами «бала в аду». Среди отечественных аналогов европейских «масленичных» сатирических газет следует особо выделить «Ведомость о масленичном поведении» (1762), изображающую битву между Постом и Масленицей в формате «афиш» о сезонном визите Масленицы в российские пределы.

Помимо извещений о выходе свежих «адских ведомостей» преамбула «Газеты из ада» регулярно инкорпорирует сатирические фрагменты «Пышность нынешнего века» («Философская российская Афиняя», «Днесь исполняется пророческое проречение и философское разсуждение...» – первой половины XVIII века) и «Истинный образ нынешнего света», восходящий к французской сатире «L'état de la France» (1716) и распространявшийся в списках в Москве и Санкт-Петербурге не позднее 1806 года. Следует учесть, что участвовавшие в генезисе «адских газет» сатирические опусы (или расхожие «общие места» из них) имели как ортодоксальную, так и старообрядческую среду бытования и поликонфессиональные факторы эволюции¹ [2].

Реконструкция относительной хронологии процессов возникновения «православной» и «старообрядческой» редакций «Газеты из ада» [4], [8] остается актуальной исследовательской задачей. На данный момент можно предположить первичность «православной» редакции, воспроизводящей индуктивную «кассианову» последовательность грешников в ядре сатиры (от опойцы, блудника и ростовщика к господам и монахам)², а также общие с европейскими образцами мотивы и формулы нарративной рамки: прибытие курьера со свежими адскими ведомостями, масленичный бал в аду; дробные подзаголовки частей сатиры, имитирующие листовые афиши либо газетные рубрики.

«Раскольничья» редакция «Газеты из ада», в свою очередь, реструктурирует аморфное тело первой редакции сатиры в согласии с дедуктивной логикой «григорианской» иерархии смертных грехов (от фундаментальной гордыни к ассоциированным тщеславию, сребролюбию, блуду и пьянству), снимает утратившее стилевую новизну структурное подражание газетным листам, освобождает сюжет от карнавальных коннотаций, взамен обрамляя его преамбула-

ми об исполнении эсхатологических пророчеств и воочию наступивших последних времен.

Существенно отметить, что «ортодоксальная» и «старообрядческая» версии сатиры не сменяют последовательно одна другую, а продолжают синхронное бытование, вступая в интертекстуальные взаимодействия, обусловленные не только письменным, но и устным характером бытования произведения в отечественной культуре XIX–XX веков.

На всем протяжении своей эволюции «Газета из ада» выступает феноменом с динамичной текстовой структурой и амбивалентной жанровой природой, функционируя не только как рукописная сатира, но и как духовный стих, свадебный приговор, интермедия фольклорного театра. Являясь прецедентным текстом русской литературной и фольклорной сатиры Нового времени, «Газета из ада» вместе с тем воспринимается переписчиками, чтецами и слушателями как идейно-художественное целое, уверенно опознаваемое и в амплифицированном рукописном своде, и во фрагментарной устной цитате.

Таким образом, будущее решение проблемы хронологической стратификации списков и рукописных редакций популярного памфлета, а также его устных вариантов и версий напрямую зависит от предварительного описания эволюции исследуемой сатиры в рамках отдельных локальных фольклорных и рукописных традиций.

Обращаясь непосредственно к материалу настоящей статьи, следует указать, что установление верхней границы бытования «Газеты из ада» в Каргополье обеспечивается аутентичной фиксацией экспедицией кафедры русского устного народного творчества МГУ имени М. В. Ломоносова 1958 года в деревне Чепец Каргопольского района Архангельской области устного варианта «адской газеты». Текст записан от Ефима Михайловича Ганчикова (1888 года рождения), впервые услышавшего «стих» во время военной службы в 1915 году «от солдат на дороге» и тогда же зафиксировавшего его по памяти в свою записную книжку. Вариант характеризуется типичными для фольклорных версий «Газеты из ада» деформациями исходной композиции рукописного памфлета, утратой слабоактуальных тем и персонажей и, наоборот, включением образов, мотивов и формул из синхронно бытовавших антиклерикальных и антибуржуазных сатир. В жанровом отношении текст анализируемого сатирического рашника принадлежит к широкому кругу севернорусских смеховых форм святочного ряжения, масленичного глума, свадебного застолья, бытового балагурства:

«Вот пришла газета с того света <...>

Пишут ужасы и страсти:

Какие нам за грехи напасти.

А вот мне вчерась листок попался,
 Я читал и удивлялся,
 Как живут в аде,
 В каком жару и смраде.
 А мы вот здесь, на вольном свете
 Ездим в телеге и карете,
 Гуляем, пьем, едим –
 Какой ответ дадим?
 Как мы на свете жили?
 Друг друга не любили,
 Нищим не подавали,
 А странников подальше посылали <...>
 Не любим мы Богу молиться,
 А любим почище нарядиться,
 Да на улице погулять,
 Да самих себя показать <...>
 Попы-шарлатаны
 Всё ходят по улице пьяны.
 Чем они ни берут –
 Всё скрягами живут:
 Яйцами, пирогами,
 Мукой и блинами.
 С мужика возьмут овса мерку,
 Да за свадебку рублечков десять –
 Почему попу не куралесить?
 А вот на тот свет попадут,
 Там в суд другой попадут:
 Сидит Сатана на престоле и кричит:
 – Тащите грешников в море!...» [1: 140].

Если верхняя граница локальной традиции «адских газет» определяется фактом полевой фиксации устного варианта рассматриваемой сатиры, то вопрос о времени появления исследуемого феномена в рукописной, а затем и фольклорной традиции Каргополья остается открытым. Прежде всего, мы не имеем прямых свидетельств о времени возникновения отечественных «адских газет». Опираясь на отдельные датированные факты, а также понимание общей логики процессов перевода и адаптации иностранных сатирических памфлетов в России второй половины XVIII века, следует полагать, что в период 1750–1780-х годов были осуществлены переложения на русский язык не одного, но целого ряда источников, эксплуатировавших модель известий о посмертной участи выдающихся грешников, будь то условные типажи «откупщика», «судейского», «щеголя», «клерикала» или сатирические портреты «медийных» европейских персон той эпохи. Период 1790–1810-х годов, в свою очередь, ознаменован возникновением оригинальных отечественных сатир на лица и социальные типы, использующих заимствованную жанровую модель «адских ведомостей». Наконец, прямо и косвенно датированные списки «Газеты из ада» 1820–1830-х годов фиксируют массовое распространение обеих редакций сатиры от Белоруссии, Смоленска, Вышнего Волочка, Обонежья до Поволжья и Верхотамья [3: 19–23]. Тем самым документирован-

ной истории распространения списков обеих («православной» и «раскольничьей») редакций «Газеты из ада» в Центральной России и Поволжье, на Русском Севере и Урале должен был предшествовать этап фольклоризации и локальной адаптации единичных литературных образцов, за которым уже следовала стадия массового копирования и устного цитирования сложившихся локальных версий «адских ведомостей» в разных социальных слоях и субкультурах конкретного региона. В этой связи необходимо обратить внимание на хорошо известный, но не получивший должной интерпретации текст сатирического «Писма олонцакаго бывшаго с приписью подьячего Клима Нефедьева, писанного с того света к сыну ево Артамону», извлеченного издателем из сборника № 55 рукописного собрания Государственного литературного музея в Москве (л. 47 об.–48) и датированного эпохой 1790 годов³ [7].

Интересующее нас «Писмо олонцакаго подьячего» написано одним почерком с «Эпиграммой» (л. 48 об.), направленной против неких известных сатирику и его локальной аудитории братьев Гришки и Флоришки, вернувшихся из дальних странствий, но так и не набравшихся (подобно непутевым Фоме и Ереме) разума:

«Степноромановския поросята,
 разные два брата.
 Первому имя Гришка,
 а второму безпутной Флоришка, –
 в чужия поля забрались,
 а науки никакой не набрались.
 Гришка выучился мотать,
 а Флоришка не положи своих денег
 чужих искать» [7: 510].

С другой стороны, «Писму олонцакаго подьячего» предшествует раешник «О трех сватах» (л. 45–47), представляющий собой диалог тверитянина, белозерца и каргопольца с характерными мотивами рассуждений на тему «кому на Руси жить хорошо» и поиска страны «роскошного житья и веселия»:

«Был я в Москве, на Красной площади, случилось нас три свата. Сват свата спросит: Ты, сват, откуда? Я, сват, с Тверска. А ты, сват, откуда? Я из Белозерска. А ты, сват, откуда? Я из Коргополска.

Сват у свата спрашивает: Што сват, скажешь, чего мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос хлебца-кормилца? Ой, сват! Дал бог, уродил Христос хлебца-кормилца, перогов, как врагов, сканцами хотя пол мости, а блинами хоть кровлю крой.

А ты, сват, што скажет, чево мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос божьей травки, христова табачку? Ой сват! И з деньгами не наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем.

А ты, сват, што скажет, чево мол спросиш, за кем жить лучше: иль за попами, иль за дьяками, иль за господами? Ой, сват! За попами жить худо, а за дьяками жить трудно, походя наежся, сидя выпися.

Ой, сват! А за господами жить и тово хуже, годы ты скудные, а оброки ты болшие: дай пять рублей денег и кринку масла, шапку яиц, полоть вечины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку» [7: 508].

Публикаторами четырех сатир из сборника Государственного литературного музея № 55 уже была отмечена параллель между формулами приговора «О трех сватах» и второй части святочной интермедии начала XX века «Ездок и Коновал» из заонежской д. Падмозеро: «Пошел я к барину с оброком: взял я утку, взял я курку, кадушку масла, коробку яиц, охапку творогу...»⁴.

Вместе с тем без внимания остался тот факт, что первая часть интермедии построена по модели чтения административного документа (паспорта, указа) и прямо цитирует «адскую газету»:

«Коновал: “Если ты не покажешь мне **пашпорту** или **виду**,

я не буду поправлять твоей лошади”.

Ездок вынимает **бумагу** и отдает ее **Коновалу**.

Коновал нюхает “божью травку табачек” и начинает читать:

Выехал кульер из аду
 Вывез страшный газет:
 Все наши начальники ушли на тот свет.
 Явился старик седой,
 с долгой бородой.
 Сатана сдале увидал:
 – Ну што, старик с долгой бородой,
 Не являешься долго сюда?
 – Я ладил стольки денег накопить,
 Чтоб весь ваш ад с дьяволами откупить.
 – Есть про тебя местечко давно откуплено.
 Взять его пристану,
 Дать по толчку в спину...»⁵.

В центре пародийного «пашпорта» – известный еще со времен эпиграммы А. Сумарокова «На смерть откупщика» (1760) и «Адской почты» Ф. Эмина (1769) образ ростовщика, готового взять на откуп адские муки. Тот же ключевой мотив и образ получает самостоятельную разработку в анализируемой нами сатире 1790-х годов «Письмо олонецкаго бывшего с приписью подьячего Клима Нефедьева, писанного с того света к сыну ево Артамону»:

«По приходе моему суда,
 не мог я избыть без суда,
 у Иуды я много раз был,
 вместо кофии смолу отборную пил.
 По несчастию здесь моему,
 не застал я в жилище сатану;
 пред приходом моим в тартар пошел,
 и там многих тавлинцев⁶ нашел,
 обратно назад не бывал,
 тюрьмы делать им стал.
 А живу я во мздоимческом остроге,
 при болшой тартарской дороге,
 определен я пивоваром,

вечным адским смолваром.

И тут я копеичку принаживу,
 а своих денежек не проживу» [7: 509].

Таким образом, фиксация в севернорусской рукописной традиции рубежа XVIII–XIX веков оригинальной анонимной сатиры, использующей для целей адресной социальной критики общие с переводными и отечественными литературными текстами жанровые образцы, мотивы и топоры, знаменует собой стадию *авантекста* и нижнюю временную границу фольклорной традиции «адских газет» в Каргополье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя сказанное, еще раз выстроим типологию этапов генезиса и эволюции сатиры «Газеты из ада», нуждающуюся в верификации и вероятной корректировке на материале иных локальных рукописных и фольклорных традиций. Функционирование средневековой традиции поучений и повествований о посещении «того света» является стадией *претекста*, а массовое распространение сатирических «ведомостей из ада» в Европе конца XVI – начала XVIII века маркирует стадию *прототекста* в генезисе отечественных «адских газет». Этап *многократных переводов* на русский язык разноязычных образцов «вестей с того света», сосуществующих в общеевропейском сатирическом дискурсе Нового времени на правах «общих мест», охватывает период 1750–1780-х годов. Возникновение в период 1790-х – 1810-х годов оригинальных отечественных сатир, использующих заимствованные жанровые модели наряду с локальными реалиями для целей злободневной социальной критики, знаменует собой стадию *авантекста* собственно фольклорной традиции «адских газет» и совпадает с этапом *сложения «канонических»* (устойчивых в идейном, композиционном и формально-стилевом плане) *редакций* «Газеты из ада», ограничиваемым в свою очередь эпохой массового рукописного *копирования* и устного *варьирования* памфлета в разных социальных слоях и профессиональных субкультурах по всей России (1820–1840-е годы).

Функционирование рассматриваемых текстов в отечественной рукописной традиции 1850–1890-х годов, а также в устной коммуникации в формате *чтения вслух с листа*, *цитирования по памяти*, а также ситуативного *припоминания* прецедентных сатирических топосов совпадает по времени с этапом первых фиксаций «Газеты из ада» собирателями и публикации ее списков (устных вариантов) в периодической печати.

Стадия широкого *устного бытования* «адских газет» характеризуется процессами радикальной трансформации структуры текста, зафиксированными солдатскими, крестьянскими и старообрядческими рукописями⁷. Одновременно рассматриваемые сатирические тексты *преобразуются* в смежных жанровых регистрах – в приговоры-небылицы, интермедии народного театра, свадебные «указы», а также духовные стихи. Активное бытование устных вариантов и массовое распространение списков исследуемых сатир делает возможным их регулярную *фиксацию* собирателями, а также стимулирует обращение к ним писателей с целями *воспроизведения* этнографического колорита

либо *стилизации* прецедентной жанровой модели в рамках модернистской художественной конструкции⁸.

Последовательное описание форм и факторов эволюции «Газеты из ада» в отдельных локальных рукописных и фольклорных традициях не только обеспечит решение конкретных вопросов исторической текстологии популярной сатиры, но и позволит отчетливее понять этапы и механизмы культурных преобразований в глубинных социальных стратах российского общества Нового времени, связанных с конфликтом традиционного религиозно-мифопоэтического мировоззрения и новейших социально-политических и духовно-нравственных представлений о мире.

* Данная статья предлагает развернутое теоретическое обоснование положений доклада ««Адская газета» в Каргополье: хронологические рамки традиции», опубликованного в сборнике «Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера». Петрозаводск, 2019. С. 490–493.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. процессы генезиса и эволюции типологически сходных с «Адской газетой» отечественных сатир XVIII–XIX веков, в частности «Справедливая критика на табак» [5], [6].
- ² Композиция европейских «вестей из ада» строится на основе средневекового учения о «лестнице пороков», существующего в двух версиях: св. Кассиана и св. Григория. В «кассиановой» традиции градация пороков начинается снизу, с частных грехов – чревоугодия и пьянства, а венчается гордыней; «григорианская» традиция исчисления смертных грехов ставит во главу угла гордыню, которой подчинены остальные (производные от нее) пороки. См. подробнее [9].
- ³ Интервал задан писцовой пометой о копировании повести «О смерти Петра Великого» (л. 1–13) 3 октября 1791 года и временем выхода басни Н. Эмина «Сильная рука владыка» (л. 49–51) в сборнике «Правдолюбец» 1801 года.
- ⁴ Ончуков Н. Е. Северные сказки. Кн. 2. СПб., 1998. С. 148.
- ⁵ Там же. С. 147.
- ⁶ Тавлинцы – табачники, пьяницы, бродяги. См. Словарь русских народных говоров. СПб., 2010. Вып. 43. С. 209.
- ⁷ Деление касается именно жанровой природы рукописей (солдатская записная книжка, крестьянский дневник, старообрядческий стиховник), тогда как сами владельцы рукописей могли соединять в своем лице все три социальные ипостаси: быть, например, крестьянами-старообрядцами, призванными на военную службу и заводившими рукописные дневники-альбомы с интересующими нас текстами в период 1870-х – 1970-х годов.
- ⁸ Особо укажем в этой связи на факты типологического сходства либо прямой стилизации жанрового паттерна «адских газет» в «Газете из ада» Н. Клюева (1919), «Адской газете» Н. Кубланова (1922), а также «Мастере и Маргарите» М. Булгакова [3: 24–26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов С. В. «Газета из ада»: фольклорные механизмы рукописной сатиры XVIII–XX вв. // Тверское поле – 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 138–141.
2. Алпатов С. В. «Ведомость из ада»: судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX веков // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2 (33/34). С. 149–175.
3. Алпатов С. В. «Газета из ада» – реплика европейской сатиры в русской литературной и фольклорной традиции // Память жанра как феномен единства и неразрывности литературного развития. М., 2018. С. 18–27.
4. Кузнецова Н. Ю. Старообрядческое сатирическое сочинение «Адская газета» в оценках А. Н. Афанасьева и А. С. Пругавина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3 (140). С. 24–27.
5. Пигин А. В. Стихотворные сатиры второй половины XVIII в. из Заонежья // Русская литература. 2012. № 4. С. 112–123.
6. Пигин А. В., Бабалык М. Г. «Справедливая критика на табак» (XIX в.): вопросы генезиса, поэтики и истории текста // Текст и традиция. Альманах. Вып. 5. СПб., 2017. С. 7–19.
7. Смолицкий В. Г., Тургенева Т. А. Четыре произведения народной сатиры // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 500–511.
8. Храмова Н. Б. «Адская газета»: проблема выделения редакций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2011. № 6. С. 725–729.
9. McKenna S. R. Drama and Invective: Traditions in Dunbar's "Fasternis Evin in Hell" // Studies in Scottish Literature. 1989. Vol. 24. P. 133–135.

Sergey V. Alpatov, Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

**NEWS FROM HELL IN THE KARGOPOL REGION:
PROBLEM OF CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF LOCAL TRADITION***

News from Hell is a type of pamphlet, well known in various ethno-confessional European traditions of the Modern History, widely spread in Russia since the late XVIII century, and regularly recorded in both handwritten and oral forms in Belarus, Romania, the Baltic states, Central Russia, and the Volga region, as well as in the Russian North, Ural and Altai. The solution to the problem of chronological stratification of the handwritten editions or copies and the oral versions of the popular pamphlet directly depends on a consistent description of the evolution of the studied satire within the framework of local oral and handwritten traditions. In 1958, an expedition of Lomonosov Moscow State University recorded an oral version of Kargopol *News from Hell*, which determines the upper time limit of the satire's life in the local tradition. The lower limit of the local tradition is marked by the handwritten satire of the late XVIII century *A Letter from a Former Olonets Clerk Klim Nefediev to His Son Artamon, Written from the Afterlife*, which used motifs, images and topoi corresponding with the *News from Hell* and represented the avant-text of the studied oral tradition.

Keywords: *News from Hell*, satire, local tradition, temporal strata

* This article offers a detailed theoretical substantiation for the report “*Infernal Newspaper* in Kargopol: chronological framework of tradition”, published in the collection of articles *Ryabinin Readings – 2019: Proceedings of the VIII Conference on the Study and Actualization of Traditional Culture of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 490–493.

Cite this article as: Alpatov S. V. *News from Hell* in the Kargopol region: problem of chronological stratification of local tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 13–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.395

REFERENCES

1. Alpatov S. V. *News from Hell: folklore mechanisms of handwritten satire between the XVIII and the XX centuries. Tver folklore field – 2010: Reports and publications*. Tver, 2011. P. 138–141. (In Russ.)
2. Alpatov S. V. *Bulletin from Hell: the evolution of European satire in Russian religious subcultures between the XVIII and the XX centuries. Bulletin of Church History*. 2014. No 1/2 (33/34). P. 149–175. (In Russ.)
3. Alpatov S. V. *News from Hell – a replica of European satire in the Russian literary and folklore tradition. Memory of the genre as a phenomenon of unity and continuity of literary development*. Moscow, 2018. P. 18–27. (In Russ.)
4. Kuznetsova N. Yu. Old Believers' satirical composition *Hellish Newspaper* in assessments given by A. N. Afanasyev and A. S. Prugavin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014. No 3 (140). P. 24–27. (In Russ.)
5. Pigin A. V. Satirical poetry of the second half of the XVIII century from Zaonezhye. *Russian Literature*. 2012. No 4. P. 112–123. (In Russ.)
6. Pigin A. V., Babalyk M. G. “Fair criticism of tobacco” (XIX century): questions of the genesis, poetics and history of the text. *Text and Tradition. Almanac*. Issue. 5. St. Petersburg, 2017. P. 7–19. (In Russ.)
7. Smolitsky V. G., Turgeneva T. A. Four examples of folk satire. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. XVII. Moscow, Leningrad, 1961. P. 500–511. (In Russ.)
8. Khramova N. B. Versions of the *Adskaya Gaseta*. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology*. 2011. No 6. P. 725–729. (In Russ.)
9. McKenna S. R. Drama and Invective: Traditions in Dunbar's “Fasternis Evin in Hell”. *Studies in Scottish Literature*. 1989. Vol. 24. P. 133–135.

Received: 6 August, 2019

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БОБУНОВАдоктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет (Курск, Российская Федерация)
*bobunova61@mail.ru***АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ ХРОЛЕНКО**доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет (Курск, Российская Федерация)
*alexanderhrolenko@yandex.ru***СКАЗИТЕЛЬСКИЙ ИДИОЛЕКТ Т. Г. РЯБИНИНА
(на материале словаря былинной лексики)**

Работа выполнена в рамках решения фундаментальной проблемы «Личность в культурно-языковом процессе». Исследуется творческий опыт выдающегося сказителя Т. Г. Рябинина. Авторы исходят из предположения, что индивидуальная дифференцированность речи касается не только бытового общения людей, но и языка их профессиональной и творческой деятельности. В былинном тексте заметна оригинальность и неповторимость творческой манеры талантливых русских сказителей. Эмпирической базой исследования стали онежские былины, записанные от Рябинина и лексикографически представленные в словаре языка русского фольклора, разработанном авторами статьи. Поискам языковых особенностей текстов эпических произведений способствовала структура словарной статьи былинного лексикона, включающая в себя дополнительно-информационную зону, в которой объект описания характеризуется по сюжету, территории бытования и исполнительской принадлежности. Выяснилось, что идентифицирующими признаками исполнительского идиолекта Рябинина являются гапаксы, авторские композиты, обилие диминутивов, нестандартные эпитеты, доминирующие словоупотребления, устойчивые словесные комплексы. Подтверждено, что разработанный курскими лингвофольклористами словарь языка фольклора с многоаспектной структурой словарных статей является надежной базой для решения разных теоретических проблем, в том числе и проблемы идиолекта сказителя былин.

Ключевые слова: идиолект, онежские былины, Т. Г. Рябинин, фольклорная лексикография, словарь, словарная статья, гапаксы, диминутивы

Для цитирования: Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Сказительский идиолект Т. Г. Рябинина (на материале словаря былинной лексики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.396

ВВЕДЕНИЕ

По мнению американского ученого Э. Сепира, все изменения в языке начинаются с идиолекта, то есть речи индивида:

«Два человека одного поколения и одной местности, говорящие на одном и том же диалекте и вращающиеся в той же социальной среде, никогда не будут одинаковы по складу речи. Тщательное изучение речи каждого из них вскроет бесчисленные различия в подробностях – в выборе слов, в структуре предложения, в относительной частоте использования тех или иных форм и сочетаний слов, в произношении отдельных гласных и согласных и их сочетаний, во всех тех чертах, которые придают жизнь разговорному языку, как-то: бытота речи, акцентуация и интонация. Можно даже, пожалуй, сказать, что говорят они на слегка различающихся диалектах одного и того же языка, а не на одном и том же языке» [8: 138].

Сказанное объясняет перспективность концепции языковой личности и привлекательность исследования идиолектов не только выдающихся представителей общества, но и рядовых носителей языка. Убедительным доказательством это-

го стал «Полный словарь диалектной языковой личности» под редакцией Е. В. Иванцовой [6]. Стремясь максимально полно описать идиолект конкретного человека, томские исследователи в естественных условиях бытового общения в течение 23 лет записывали спонтанную речь жительницы села Вершинино – Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004). В аннотации к словарю говорится, что данный лексикографический труд включает всю лексику и фразеологию, зафиксированную у информанта:

«...не только собственно диалектную, но и просторечную и общерусскую, экспрессивную и нейтральную, новую и устаревавшую, отражает ее системные связи и особенности словоупотребления, позволяя впервые исследовать в относительно полном объеме лексикон рядового носителя языка XX – начала XXI в.»

Собранная картотека и полный словарь (17603 лексико-фразеологические единицы) в сочетании с аспектными «словарями-спутниками» (идиолектный словарь сравнений; идиолектный ономастикон; частотный идиолектный словарь)

дают возможность всесторонне изучать феномен диалектной языковой личности. В Послесловии к словарю справедливо замечено, что в процессе лексикографической работы

«получены принципиально новые данные, позволяющие пересмотреть многие сложившиеся представления об объеме словарного состава рядового носителя языка (у информанта он приближается к 30 000 лексико-фразеологических единиц в отдельно взятых значениях), полярности элитарной и традиционной народно-речевой культуры (наряду с различиями у них выявлен ряд общих черт), специфики языковой картины мира диалектоносителя, концептосферы русской языковой личности и мн. др.» [6: 4: 356].

Полезным для исследователя представляется и «Словарь языка Агафьи Лыковой» [9], созданный на основе писем старообрядки-отшельницы, проживавшей в саянской тайге, впоследствии дополненный и исправленный. Нетипичная языковая личность, устная речь которой ограничивалась узкозамкнутым семейным общением, а письменная – чтением сакральных текстов, сформировалась вне естественной языковой среды, вне широких социальных связей, в отсутствие непосредственных постоянных контактов с разными носителями языка [10: 64–65], что не могло не отразиться на ее идиолексиконе, сохранившем черты русского языка разных эпох. Полный идиолектный словарь уникальной языковой личности, представляющей старообрядческую конфессиональную среду, является важным источником изучения словарного запаса индивида, проживающего в микросоциуме.

Индивидуальная дифференцированность речи касается не только бытового общения людей, но и языка их профессиональной и творческой деятельности. Так, М. Элиаде утверждал: «В архаических обществах, как и везде, культура создается и возобновляется благодаря творческому опыту нескольких индивидов» [14: 141]. В частности, известный ученый и писатель говорил о роли шаманов и сказителей, которым удавалось внушать свои воображаемые видения целым сообществам людей и влиять на их души и поступки.

Безусловно, исследователи не могли не обратить внимания и на роль творческих личностей в устном народном творчестве. Казалось бы, каноническая форма препятствует проявлению творческого начала, однако, по мнению целого ряда ученых, она стимулирует исполнителей к творческому соревнованию и способствует возникновению новых оборотов и языковых конструкций¹ (см.: [4], [5], [11]). Наиболее ярко индивидуальное начало проявляется при исполнении таких жанров, для которых характерна большая «подвижность» текста (например, сказка, причитание). Так, К. В. Чистов на примере одаренной плакальщицы И. А. Федосовой, обладающей даром импровизации, показал, насколько мобилен текст причети, который во многом зависит от ус-

ловий записи, на которые реагирует творческий индивид. Диапазон изменений огромен –

«от отдельных стихотворных вставок, стихотворной или прозаической экспозиции до глубокого преобразования всего текста, превращения обрядового текста в плач-поэму» [13: 143].

Былинный текст представлялся исследователям более стабильным и устойчивым, однако и тут нельзя было не заметить оригинальность и неповторимость творческой манеры талантливых русских сказителей. Эта особенность сначала была отмечена собирателями произведений устного народного творчества. А. Ф. Гильфердинг в очерке «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» справедливо заметил:

«Кроме местных влияний, в былине участвует личная стихия, вносимая в нее каждым певцом; участие это чрезвычайно велико, гораздо больше, чем можно бы предполагать, послушав уверенья самих сказителей, что они поют именно так, как переняли от стариков»².

Внимание собирателей к исполнителям, которые «довольно рано были поняты не как механические хранители архаической фольклорной традиции, но как даровитые личности, соучастники процесса фольклорного творчества» [13: 145], определило и интерес фольклористов к проблеме индивидуальной дифференцированности лексиконов сказителей. Еще в 1924 году А. П. Скафтымов отмечал, что

«каждый певец поет свою песню, каждый горит своим огнем пафоса и напряжения, каждый выливает былинку под индивидуальным освещением своего воззрения и чувства»³.

В меньшей степени творческая индивидуальность проявляется при исполнении произведений коллективного характера, например лирической песни, однако и тут

«нет раз навсегда закрепленных, неизменных хороших “партий”. При каждом из повторений напева, на новые слова, появляются новые варианты как у запевалы, так и у певцов хора <...> Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками. Каждый более-менее импровизирует, но тем не разлагает целого, напротив, связывает прочней, ибо общее дело вяжется *каждым* исполнителем – многократно и многообразно» [12: 30–31].

Таким образом, в народной культуре стабильность гармонично сочетается с вариативностью. К. В. Чистов это явление называл «вибрацией текста»:

«Если сравнить повторные записи от одного и того же исполнителя или от учителя и ученика, то возникает впечатление, что текст как бы вибрирует в определенных пределах, которые считаются допустимыми. Происходит это за счет так называемых равноценных обратимых замен синонимического характера <...> и устойчивым оказывается некий “средний” смысл, семантический вектор с определенной поэтической функцией» [13: 73].

Среди разных былинных сказителей заметно выделялся олонечский крестьянин Т. Г. Рябинин. На исполнительский дар этого человека сразу же обратили внимание собиратели онежского фольклора: сначала П. Н. Рыбников, а впоследствии А. Ф. Гильфердинг. В «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников утверждал: «У каждого истинного сказителя заметно его личное влияние на склад былинны: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки»⁴. Среди таких слов и оборотов Т. Г. Рябинина собиратель указывал: *одежица, художество, силушки черным черно, противность великая, поотведать силы у поганого* и др. (XL–XLI).

Рябинин, по мнению А. Ф. Гильфердинга, относился к разряду лучших певцов былин, которые были известны и как хорошие домохозяева. Собиратель утверждал:

«По-видимому, былины укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни»⁵.

Примечательна и общая оценка жителей Олонечской губернии, сделанная А. Ф. Гильфердингом: «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видел...»⁶

Специалист по мировому эпическому наследию Б. Н. Путилов соглашается с мнением собирателей фольклора:

«Когда нам известны сотни былинных певцов и их репертуар, Т. Г. Рябинин занимает в этом ряду одно из первых мест как замечательнейший знаток, хранитель, исполнитель былин, а кроме того – и как основатель семейной династии старинщиков» [7: 6].

Не случайно интерес к личности Т. Г. Рябинина, имя которого стало достоянием мировой культуры, с течением времени не угасает.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИДИОЛЕКТА Т. Г. РЯБИНИНА

Опыт народных творцов свидетельствует о наличии у языковой личности по меньшей мере двух разновидностей идиолекта. К примеру, идиолект онежского крестьянина Т. Г. Рябинина и сказительский идиолект замечательного русского эпического певца. По-своему интересен каждый идиолект, тем более что они явно взаимодействовали, но в нашем случае основное внимание будет уделено поискам характерных черт исполнительского лексикона Т. Г. Рябинина.

Наша задача облегчается наличием реализованного лексикографического проекта – «Словаря языка русского фольклора» [2], [3], составленного на материале «Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». В основу проекта был положен принцип концептографии, что нашло отражение в структуре словарной ста-

ти, состоящей из 8 зон, вводимых специальными графическими знаками (об этом подробно см.: [1], [2]). Для темы данного исследования особую значимость приобретает последняя зона – дополнительно-информационная (+), где объект словарного описания характеризуется по сюжету, территории бытования и исполнительской принадлежности.

Индивидуальная дифференцированность речи начинается с учета гапаксов. Напомним, что гапакс легомена – это слово или выражение, встретившееся в тексте или в корпусе текстов всего один раз. В нашем словаре при описании единичных лексем мы ограничиваемся текстовой иллюстрацией и связи слов не описываем по причине их очевидности. В обязательном порядке указывается место записи былинны, ее название и исполнитель, поскольку подобные лексемы – бесспорный элемент идиолекта конкретного сказителя. Так, в трехтомном собрании онежских былин А. Ф. Гильфердинга только в текстах Т. Г. Рябинина лексикографы отметили стилистически нейтральные общеупотребительные лексемы *неглупый, волх, волшебник, полетать, щёголь* и др. Приведем примеры словарных статей.

Неглупый (1) Молода Настасьюшка Микулична Она женщина была *неглупая* (2, № 80, 980) +: Рябинин (Киж) «Добрыня и Василий Казимирович»

Волшебник (1) Ай жо вы мои да князи бояра, Сильни русские могучие богатыря, Еще вси волхи бы все *волшебники!* Есть ли в нашеём во городе во Киеви Таковы люди чтоб съездить им да во чисто поле (2, № 79, 219) +: Рябинин (Киж) «Добрыня и змей»

Щеголь (1) *Щеголь* хвастает одежей драгоценною (2, № 81, 342) +: Рябинин (Киж) «Дунай»

Отметим и случаи, когда лексема в пределах одного высказывания повторяется без изменения своей морфемной структуры, семантического содержания и синтагматических связей. Например:

Подкожный (3) Его добрый конь так мне-ка больший брат: У него есть трои крылышка *подкожныи*, У меня есть двое крылышка *подкожныи*, У молодого Шурилушка у Плёнкова У него коня да й богатырскаго Да й одны-то есте крылышка *подкожныи* (2, № 85, 388) +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Среди гапаксов, отмеченных в текстах Т. Г. Рябинина, по данным нашего словаря, есть диалектные слова разной частеречной принадлежности.

Выставанье (1) ‘Восход солнца’ [СРНГ: 6: 28] До *выставанья* да красна солнышка Да й будила-то Добрыню родна матушка (2, № 79, 328) +: Рябинин (Киж) «Добрыня и змей»

Застолье (1) ‘Место вокруг (обеденного, праздничного и т. п.) стола’ [СРНГ: 11: 63] А король-то по *застолью* бегаёт, Куньею шубой укрывается (2, № 81, 196) +: Рябинин (Киж) «Дунай»

Уеда (1) ‘Еда, кушанье, блюдо’ [СРНГ: 46: 319]. Порасхвастался *уедами* ты сладкима, Да й порасхвастался ты питьямы медвяныма (2, № 85, 195) +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Платёный (1) ‘Те. в которых держат платье’ [Гильф.: 2: 135]; ‘Платяной’ [СРНГ: 27: 95] Шла на тыя кладовыя на *платёныи* (2, № 85, 255) +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Закладаться (1) 'Биться об заклад' [СРНГ: 10: 127] Молодой боярин Дюк Степанович, А й ты бей в велик заклад, *закладайся* (2, № 85, 384) +: Рябинин (Киж) «Дюк». Этот пример – единственный в СРНГ.

Начитать (1) 'Насчитать' [СРНГ: 20: 289] Похотелось-то Добрыни полона считать, Й он пошел как по норам да по змеинным, *Начитал*-то полонов ён много множество (2, № 79, 413) +: Рябинин (Киж) «Добрыня и змей»

Облацаться (1) 'Одеваться' [СРНГ: 22: 89] *Облацался*-то (*так*) молоденькой Добрынюшка Во доспехи он да в свои крепкие (2, № 79, 390) +: Рябинин (Киж) «Добрыня и змей»

Проязычить (1) 'Проговорить, сказать' [СРНГ: 33: 61] Воспроговорили белья лебедушки, *Проязычили* языком человеческим (2, № 87, 24) +: Рябинин (Киж)

Иногда среди гапаксов можно обнаружить случаи авторского словообразования. Так, в нашем словаре наличествует статья «Скатно|жемчуг».

Скатно|жемчуг (1) ⇔: *скатный (жемчуг)* Третьи мисы насыпали *скатно-жемчугом* (2, № 86, 52) +: Рябинин (Киж) «Сорок калик»

Не вызывает сомнения, что перед нами стяжение в композит традиционного для фольклорной речи словосочетания *скатный жемчуг* (*устар. и народнопоэт.* 'крупный, круглый, ровный (о жемчуге, бисере)' [МАС: 4: 105]).

Есть еще аналогичная словарная статья, представляющая идиолект другого исполнителя.

Скат|жемчуг (1) ⇔: *скатный (жемчуг)* Да на что-то старому мне-ка богатство, Своево у меня злата серебра, Своево у меня *скату-жемчугу* (3, № 240, 13) +: Тряпичин (Кенозеро) «Три поездку Ильи Муромца»

Помимо гапаксов, которые по причине своей единичности могут быть исключительно по использованию индивидуальными, встречаются лексемы, употребляемые неоднократно в текстах одного исполнителя, в нашем случае Т. Г. Рябинина. Например:

Еловый (3) Да все в Киеве у вас есть не по нашему: <...> У вас топятся-то дровця-ты *еловии*, У вас делано помялышко сосновое (2, № 85, 142) S: дрова 1, обруч 2 +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Прилагательное *еловый* Т. Г. Рябинин использовал в одном тексте, но применительно к разным определяемым – *дрова* и *обруч*.

Хребет (5) А садил-то ю к головы *хребтом* (2, № 81, 275) V_о: садить хребтом к голове (лошади) 5 S: лицо ... хребет +: Рябинин (Киж)

Все пять случаев использования существительного *хребет* отмечены в трех былинах: «Добрыня и змей» – 1, «Дунай» – 2 и «Хотен Блудович» – 2.

Обратим внимание на диалектные и специфически фольклорные слова, которые в текстах кижского сказителя используются неоднократно.

Комверт (2) 'Конверт' [СРНГ: 14: 228] Он приходит ко добру коню да к богатырскому, Полагает он *комверт* да под седлышко (2, № 85, 225) =: комвертик 1 V_о: найти распечатать 1, полагать 1 +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Орлений (2) 'Граненый – эпитет грядки' [СРНГ: 23: 343] А й то грядочки у Дюка все *орленьи*, А й *орленьи* да золоченый (2, № 85, 491) +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Попроведать (2) 'Поведать, сообщить' [СРНГ: 30: 6] Да й скажи-тко, поляница, *попроведай*-ко, Ты коёй земли да ты коёй Литвы (2, № 77, 216) +: Рябинин (Киж) «Илья Муромец и дочь его»

Пословечно (7) '1. Отчетливо произноса каждое слово; 2. На словах, словесно' [СРНГ: 30: 179] Тут Олешенька Григорьевич по горенке похаживат, *Пословечно* князю выговариват (2, № 79, 255) V: выговаривать 7 +: Рябинин (Киж)

Скоморовчатый (7) 'Фольк. Скомороший' [СРНГ: 38: 73]. Да велел-то принести еще-то платьице *скоморовчато* (2, № 80, 719) S: платье 7 +: Рябинин (Киж) «Добрыня и Василий Казимиров»

В ряду идиолектных единиц, кроме общеупотребительных, диалектных и собственно фольклорных слов, есть конструкции, не фиксируемые словарями, например:

Рубашечка|манешечка (5) Ен надел одежицу да все снарядную, Ен снарядную одежицу хорошеньку: Ен *рубашечки манешечки* шелковеньки (2, № 85, 297) A: шелковая 5 V_о: надевать 3, надеть 1, одевать 1 +: Рябинин (Киж) «Дюк»

Отметим случаи, когда слово используется не только в текстах Рябинина, но и в былинах других исполнителей. Правда, у других сказителей это гапаксы, а у Рябинина – сравнительно частотные слова. Например:

Водка* (8) Подносили к им да сладку *водочку* (2, № 85, 165) =: водочка 8 A: сладкий 4 S: винцо 4 V_с: <быть> положить 2, задохнуться 1, призадохнуться 1 V_о: испивать 1, пить 1, повыплескать 1, подносить 1 +: 7 с/у из 8 **приходятся на текст «Дюк» Рябинина (Киж)**. Лишь одно – из концовки текста «Дунай» Георгиевской (Кенозеро)

Испи(ва)ть (7) *Испей* чарочку от нас ты зелена вина (2, № 80, 972) =: испивать 5 S_о: вино 1, вода 1, водочка 1, напиток 1, питьё 2, чарка 1 +: 6 с/у из 7 **в текстах Рябинина (Киж)**

Характерной приметой идиолекта Т. Г. Рябинина является повышенное количество диминутивных форм (*водочка, дверцы, кровельки*), которые могут быть и диалектными (*личушко* 'личико, лицо' [СРНГ: 176: 89]; *одежица* 'ласк. Одежда' [СРНГ: 23: 11]), и специфически фольклорными образованиями (*ествушко* 'ласк. фольк. Еда, кушанье' [СРНГ: 9: 41]; *лапотики* 'фольк. Лапти' [СРНГ: 16: 265]; *лесушек* 'фольк. ласк. Лес, лесочек' [СРНГ: 17: 14]).

Так, уменьшительно-ласкательная форма *крестничек* в восьми из девяти словоупотреблений использована Рябининым, а диминутив *паличка* 'тяжелая дубинка, палица' [СРНГ: 25: 172] был зафиксирован исключительно в текстах кижского сказителя:

Мне от крестничка да от любимого Прилетели-то подарочки да не любимые, Долетела стрелочка каленая (2, № 75, 561); *А й садился-то Добрыня на добра коня, Да с собою брал он паличку булатную* (2, 79, 43).

Выбор эпитетов к одному и тому же существительному в значительной части случаев тоже индивидуализирован. Например, атрибутивная пара *столовая горенка* (29 словоупотреблений; далее – цифра) – характерная примета идиолекта Рябинина:

И прошли они в полату в белокаменну, И взошли они в столовую во горенку (2, № 76, 109).

То же можно сказать и о конструкциях:

драгоценная одежда (8), *снарядная одежица* (10) и *драгоценные дары* (4): *Брал-то эти сумки, распечатывал, Посмотрел-то на одежи драгоценныи, Положил-то эти сумки за крепкой замок* (2, № 85, 269); *Ен надел одежицу да все снарядную, Ен снарядную одежицу хорошеньку* (2, № 85, 297); *А й кормили-то их ествушкой сахарнею, Да й поили-то их питьецем медвяным, Да й дарили дары драгоценныи* (2, № 86, 47).

Характерной чертой идиолекта могут стать устойчивые словесные комплексы и формулы.

Напольский (4) [Знач? Предположительно связано с существительным *поле*. У Даля: *Жаворонок птишка напольная* [Даль: 2: 453]. В СРНГ этого слова нет]. А походочкой она бы лани белою, Белою лани *напольскою*, *Напольской* лани златорогия (2, № 81, 17) S: лань 4 +: Рябинин (Киж) «Дунай». Эта формула повторена дважды.

Обпечь (3) ‘Обжечь’ [СРНГ: 22: 188] Да й сидит она во тереме в златом верху; На ню красное солнышко не *обпекет*, Буйные ветрушки не *обвеют* (2, № 81, 46) S₂: солнце 3 +: Рябинин (Киж) трижды. В двух текстах формула использована трижды.

Спас (3) ‘Спаситель, Христос’ [Даль: 4: 287] Только есте у меня надеюшка То на *спаса* на Пречисту Богородицу (2, № 80, 415) +: эта формула использована в тексте Рябинина (Киж) трижды.

Строчка (4) ‘Вышитая, выстроченная разноцветными нитками полоска, шов на нарядном платье’ [СРНГ: 42: 32] Кунью шубку он [Щурила] надел на плечка на могучие. Еще *строчка* строчена-то чистым серебром, Друга *строчка* строчена так красным золотом (2, № 85, 285) +: Рябинин (Киж) «Дюк». Формула использована дважды.

Для идиолекта Рябинина также характерны конструкции

терем златой верх (12), *снять крышу со бела шатра* (4), *кланяться до полов кирпичных* (4): *Он подъехал как ко терему к злату верху, Бил он палицей булатней по терему, Да по славному по терему злату верху* (2, № 84, 126); *Да просвиснула как эта стрелочка каленая Да во тот во славный во бел шатёр, Она сняла крышу со бела шатра* (2, № 75, 542); *Ай ты бей челом да низко кланяйся А й до тых полов и до кирпичных* (2, № 76, 62).

Заметим, что содержание дополнительно-информационной зоны словарной статьи не только дает сведения о специфических атрибутивных парах и устойчивых конструкциях конкретного сказителя, но и позволяет проводить сопоставительные исследования.

Балхон (6) ‘Балкон’ [Даль: 1: 43] {...}

+: *балхон королевский* – Рябинин (Киж); *балхончик точеный* – Меньшикова (Кенозеро); *балхончик* – Кенозеро

Драгоценный (27) {...}

+: Рябинин (Киж) в тексте «Добрыня и Василий Казимиров» дважды употребил форму *дорогоценный* на

фоне обычного для себя эпитета *драгоценный*. У него же драгоценны не *камни*, а *дары* (4) и *одежа* (8). У Гусевых (Кенозеро) – *самоцветные камни драгоценные*.

На|пяту (26) ‘Настежь (о дверях, воротах)’ [СРНГ: 20: 116] {...}

+: *на|пяту дверь поразмахивать* – Рябинин (Киж); *размахивать воротца на|пяту* – Иевлев (Киж)

Скамья (35) {...}

+: формула *столички дубовые, скамеечки окольные* – Рябинин (Киж). *Каленовая скамеечка* – Лисица (Выгозеро), *скамейка хрустальная* и *скамеечка рыбчатая* – Суханов (Водлозеро)

Хмельной (9) {...}

+: *хмельная чара*: Фомина (Повенец); *напитки хмельные*: Рябинин (Киж)

Выбор эпитета обычно обусловлен семантикой существительного. Если же этимология слова вызывает затруднения, разброс эпитетов закономерен. Интересен случай с существительным *храпы*.

Храпы (12) ‘Железный крюк’ [Даль: 4: 564]; примечание собирателя: «По объяснению Сарафанова, *храпы* значит рука, но не в смысле кисти руки, а всей руки от плеча» [Гильф.: 2: 242] {...}

+: Киж. *Крепкие храпы* – Рябинин, *белые храпы* – Сарафанов, *железные храпы* – Сурикова. Разное понимание значения существительного у исполнителей из Кижей, отсюда и различия в эпитетах.

Обратим внимание на существительное *полотно*, которое разными онежскими сказителями используется в значении ‘полотенце’ [СРНГ: 29: 123]: *Утирается [Добрыня] в тонко бело полотно* (1, № 26, 81). Рябинин же это слово шесть раз употребляет в ситуации ‘кормление коня’: *А там стоят кони богатырские, У того ли полотно стоят у белого, Они зоблют-то пшени да белоярову* (2, № 75, 220). Можно предположить наличие идиолектного значения у весьма многозначной в диалектной речи (26 значений в СРНГ) лексемы.

ВЫВОДЫ

Таким образом, материалы словаря языка фольклора показывают, насколько высок удельный вес слов и языковых конструкций, отмеченных в текстах одного сказителя. Идентифицирующими признаками исполнительского идиолекта Рябинина, по данным нашего словаря, можно считать гапаксы, авторские композиты, обилие диминутивов, нестандартные эпитеты, доминирующие словоупотребления, устойчивые словесные комплексы. Все это говорит о роли былинных певцов – «исполнителей и сотворцев, хранителей наследства и сознательных его передатчиков» [13: 147] – и о влиянии талантливых представителей творческого народного коллектива на исполняемый текст.

Поскольку в словаре былинной лексики нами описано только 26 фрагментов фольклорной картины мира (2235 словарных статей), то безусловно, часть материала, представленная пока в картотеке, может впоследствии дополнить

и подтвердить сделанные нами выводы, а возможно, и выявить новые аспекты исследования. Мы полагаем, что разрабатываемый нами словарь языка фольклора с многоаспектной

структурой словарных статей является надежной базой для решения разных теоретических проблем, в том числе и проблемы идиолекта сказителя былины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Караваяева М. А. Идиолект былинного певца: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1997. 18 с.; Холтобина А. С. Лексика былинного текста: жанровый, диалектный и идиолектный аспекты (на материале эпических текстов Т. Г. Рябины): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015. 20 с.
- ² Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 2-е изд. СПб.: Типография Императорской АН, 1894. Т. 1. С. 1–62.
- ³ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов: Книгоизд-во В. З. Яксанова, 1924. 221 с.
- ⁴ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 4 ч. Петрозаводск, 1864. Ч. III. С. I–LII.
- ⁵ Гильфердинг А. Ф. Указ. соч.
- ⁶ Там же. С. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гильф. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Изд. 2-е. СПб.: Типография Императорской АН, 1894–1900. Т. 1–3. (В скобках указывается номер тома, номер былины и номер строки).
 МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

заглавное слово (количество словоупотреблений); ⇔: производящее слово (факультативно); *'дефиниция'* (факультативно); *иллюстрация*; =: *варианты*; *S*: связи с существительными (*S*, и *S*₀ при описании глаголов); *A*: связи с прилагательными; *Pron*: связи с местоимениями; *Num*: связи с числительными; *V*: связи с глаголами (*V*_s: с субъектом; *V*_o: с объектом); *Adv*: связи с наречиями; *Voc*: функция обращения; ≡: ассоциативные ряды; *F*: поэтическая функция; +: дополнительная информация, комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобунова М. А. Русское фольклорное слово в зеркале словаря (о лексикографическом опыте курских лингвофольклористов) // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 141–153. DOI: 10.17223/22274200/13/8
2. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Часть первая: Мир природы. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 125 с.
3. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Часть вторая: Мир человека. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 192 с.
4. Воронов В. С. О крестьянском искусстве: Избранные труды. М.: Сов. художник, 1972. 350 с.
5. Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 374 с.
6. Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
7. Путилов Б. Н. Застава богатырская: Беседы о былинах Русского Севера. Л.: Детская литература, 1990. 174 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
9. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 562 с.
10. Толстова Г. А. О словаре старообрядческой языковой личности Агафьи Карповны Лыковой // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 64–81. DOI: 10.17223/22274200/9/5
11. Ухов П. Д. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова // Русский фольклор. Т. 1. М.; Л., 1956. С. 97–115.
12. Флоренский П. А. Сочинения: В 2 т. Том второй. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. 447 с.
13. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
14. Элиаде М. Аспекты мифа: Пер. с фр. М.: Инвест-ППП, 2000. 240 с.

Поступила в редакцию 13.05.2019

Maria A. Bobunova, Doctor of Philology, Kursk State University
(Kursk, Russian Federation)

Alexander T. Khrolenko, Doctor of Philology, Kursk State University
(Kursk, Russian Federation)

IDILECT OF A RUSSIAN STORYTELLER TROFIM RYABININ (DRAWING ON THE LEXICAL DICTIONARY OF RUSSIAN BYLINAS)

This research into the creative experience of an outstanding Russian storyteller Trofim Ryabinin is a part of a fundamental study on personality in the cultural and language process. The authors assumed that individual differentiation of speech can be observed not only in everyday communication, but also in professional or creative spheres. The texts of bylinas (Old Russian heroic narrative

poetry) vividly show the authenticity and individuality of gifted Russian storytellers. Ryabinin's versions of bylinas recorded near the northeastern shore of Lake Onega and represented lexicographically in the dictionary of the Russian folklore language composed by the authors formed the empirical base for the research. The search of the specific language characteristics of the epic poems was facilitated by the structure of the bylina lexis dictionary entries which contained such additional information as the bylina plot, its circulation area and the storyteller's name. The research revealed that Trofim Ryabinin's storytelling idiolect is characterized by hapaxes, original compound words created by Ryabinin, a large number of diminutives, unconventional epithets, prevailing word usages, and fixed collocations. It was confirmed that the dictionary of the Russian folklore language composed by the Kursk linguofolklorists with its multifaceted entries can be used as a solid base for addressing various theoretical issues, including those connected with the idiolects of bylinas narrators.

Keywords: idiolect, Lake Onega area bylinas, Trofim Ryabinin, folklore lexicography, dictionary, dictionary entry, hapaxe, diminutive
Cite this article as: Bobunova M. A., Khrolenko A. T. Idiolect of a Russian storyteller Trofim Ryabinin (based on the dictionary of bylina lexis). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.396

REFERENCES

1. Bobunova M. A. The Russian folklore word as reflected in dictionaries (the lexicographic experience of linguofolklorists from Kursk). *Russian Journal of Lexicography*. 2018. No 13. P. 141–153. DOI: 10.17223/22274200/13/8 (In Russ.)
2. Bobunova M. A., Khrolenko A. T. Dictionary of the Russian folklore language: Bylina lexis. Kursk, 2006. Part 1. 125 p. (In Russ.)
3. Bobunova M. A., Khrolenko A. T. Dictionary of the Russian folklore language: Bylina lexis. Kursk, 2006. Part 2. 192 p. (In Russ.)
4. Voronov V. S. Peasant art: Selected works. Moscow, 1972. 350 p. (In Russ.)
5. Novikov Yu. A. The storyteller and epic tradition. St. Petersburg, 2000. 374 p. (In Russ.)
6. Unabridged dictionary of the dialectal language personality. In 4 Vols. (E. V. Ivantsova, Ed.). Tomsk, 2006–2012. (In Russ.)
7. Putilov B. N. A guard of heroes: Discussions of heroic narrative poetry of the Russian North. Leningrad, 1990. 174 p. (In Russ.)
8. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow, 1993. 656 p. (In Russ.)
9. Tolstova G. A. Dictionary of Agafya Lykova's language. Krasnoyarsk, 2004. 562 p. (In Russ.)
10. Tolstova G. A. On the dictionary of the Old Believer language personality of Agafya Karpovna Lykova. *Russian Journal of Lexicography*. 2016. No 1 (9). P. 64–81. DOI: 10.17223/22274200/9/5 (In Russ.)
11. Uhov P. D. Some observations on the style of Kirsha Danilov's collection. *Russian folklore*. Vol. 1. Moscow, Leningrad, 1956. P. 97–115. (In Russ.)
12. Florensky P. A. Selected works. In 2 vols. Vol. 2. At the watersheds of thought. Moscow, 1990. 447 p. (In Russ.)
13. Chistov K. V. Folklore. Text. Tradition. Moscow, 2005. 272 p. (In Russ.)
14. Eliade M. Aspects of myth. Moscow, 2000. 240 p. (In Russ.)

Received: 13 May, 2019

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЛАСОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом русского фольклора
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
andr vlasov@yandex.ru

ВАЛЕРИЯ ИГОРЕВНА ЕРЕМИНА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 Отдела русского фольклора
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
folkirli@gmail.com

ГРАНИЦЫ РЕЦЕПЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛОКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА В ТРУДАХ КРАЕВЕДОВ (к понятию фольклорной сингулярности)

Рассматривается возникновение местных нарративных моделей, ритуальных практик, которые рождаются в сознании севернорусских краеведов, идентифицирующих свое знание с «местом памяти» (П. Нора), что не совсем соответствует реальному историческому процессу саморефлексии локальной фольклорной культуры. На материале краеведческих сочинений отмечены взаимовлияние и взаимообмен социально-культурных элементов разных севернорусских традиций, отличающихся своим «поведением» и «обликом», содержанием, а главное – архитектурной фольклорной сингулярности.

Ключевые слова: краеведение, письменная и устная традиции, «место памяти», «память места», фольклорная сингулярность, локальность / региональность

Для цитирования: Власов А. Н., Еремина В. И. Границы рецепции и интерпретации локального фольклора в трудах краеведов (к понятию фольклорной сингулярности) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 26–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.397

ВВЕДЕНИЕ

В общефилософском понимании сингулярность – это уникальное качество неуникального предмета. Потому момент ее наступления является величиной субъективной. В целом она всегда является необычностью, но каждый человек или группа людей по-разному определяет момент, когда необычность переходит в разряд уникальности. Однако в статье речь идет не просто о пограничных территориях, на которых исторически отмечены взаимовлияние и взаимообмен социально-культурных элементов, а о традициях, отличающихся своим «поведением» и «обликом», возможно, содержанием, а главное – архитектурной местной (локальной) фольклорной сингулярности.

В процессе самоидентификации формы культуры рассматриваются сквозь призму сознания ее носителей, при этом каждая культура задает степень жесткости при воспроизведении культурных доминант и степень допустимого отхода от них. Этот принцип можно определить как свободу личности «переписывать сценарий» жизни предков, или «принцип вариативного копирования образца» [б: 5–7]. В возникновении местных нарративных моделей, ритуальных практик, которые рождаются в сознании краеведов, как они сами убеждены, определяется «место памяти» (*lieux de memoire*), места, в которых, по

мнению Пьера Нора, воплощена национальная память, – это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова [9]. В основе же краеведческих сочинений лежит категория «памяти места», регулирующая границы восприятия фактов устной истории и сдерживающая возможности «беллетризации» (интерпретации) фольклорного континуума местной традиции. В понятии «памяти места» (*memoria loci*) пространственно-временные координаты приобретают несколько иной характер, имея в виду разные ее формы реализации: вербальную, звуковую, зрительную, бытовую, хозяйственную, ритуальную и т. п. При исследовании современного состояния локальных традиций приходится сталкиваться с тем, что материалы, относящиеся к разным жанрам, дают разную картину их «районирования». Остается надеяться, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют более или менее определенно установить границы локальных центров только за период жизни трех поколений носителей местной традиции, то есть при «живой» непосредственной передаче фольклорных фактов, учитывая потерю и известную их трансформацию в каждом поколении. При определении границ традиции исследователям важно иметь четкое представление о самосознании

носителей в разные исторические фазы существования местной культуры. В самоопределении информанта и самоидентификации (к какой традиции он принадлежит) заложен важнейший механизм памяти традиции и сохранения / изменчивости форм народной культуры [2]. При этом следует отметить, что краеведом руководит потребность записать устный текст в тех случаях, когда в жизни традиции, по его мнению, наступает кризис и появляется желание спасти ее от небытия. Но фиксированные факты и устные тексты полностью не соответствуют оригиналу, то есть допускается субъективный отбор одного из вариантов или контаминации из нескольких близких манифестаций [8: 293, 295–296]. По сути, краеведческие сочинения представляют собой один из способов перекодировки устной культуры в письменную.

«Память места» складывается в основном из вербальных манифестаций традиции. Понятие «памяти места» (*memoria loci*) имеет несколько иное содержание в отличие от понятия «место памяти» («*lieux de memoire*»), введенного французским ученым Пьером Нора в начале 80-х годов XX века. Оно воплощает в себе единство духовного и материального порядков, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности. Места, в которых, по мнению Пьера Нора, воплощена национальная память, – это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова. Функция мест памяти – сохранять память группы людей. Местами памяти могут стать люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые «окружены символической аурой». Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения и что эти значения могут меняться.

Источниками для изучения мест памяти являются тексты, картины и предметы, которые дают информацию об определенном событии, человеке или идее. Можно изучать изменение исторического самосознания и коллективной идентичности на примере смены мест памяти нации. Выделяются три вида изменений в ансамбле национальных *lieux de memoire*. Во-первых, отдельные из них могут быть забыты или вытеснены из памяти. Во-вторых, бывает, что забытые места памяти заново приобретают свое значение. В-третьих, можно изучать перемены коллективной памяти и в тех *lieux de memoire*, которые беспрерывно имели и имеют свое место в коллективной памяти нации. Значение, которое сообщество ассоциирует с определенными местами памяти, не обязательно остается неизменным в те-

чение истории [9]. Например, устные рассказы о чуде являются неясным, хотя единственным историческим источником дописьменного состояния культуры, характерным признаком памяти места [2]. Следует согласиться с методологическим положением А. А. Ивановой о том, что исторические предания о чуде являются постоянно востребованными в научном дискурсе и

«на настоящий момент выявлен их сюжетный и мотивный репертуар, ареалы его бытования, описаны история этнонима и его референтные основания» [7].

Другим примером является сохранение нарратива о местночтимых святых и святынях в форме фольклорных «слухов и толков», относящихся к знанию общедоступному или «частичному» (ограниченному конфессиональной принадлежностью). Они основаны на памяти о событии, которое имеет конкретную привязку к месту действия (проявлению «чуда») и инициируют обрядово-ритуальные действия (крестный ход и др.) или магические практики (брать с собой целительный песок с могилы, кору с дерева, воду из святого источника, бросать деньги, оставлять на святом месте полотенца или предметы одежды и т. п.). В сообщениях могут появляться «чудесные природные объекты»: вечнозеленая береза, кедровая роща, сосновый бор, горячий / целебный источник, выкопанный святым колодец и т. п. Обязательным системным признаком нарратива является и наличие запрета, когда вследствие его нарушения чудодейственные свойства святыни исчезают [3].

В мифопоэтическом плане с помощью известных архетипов и явных авторских аллюзий, цитирования «чужого текста» конструируется модель местного церковного предания, которое к собственно фольклорной местной традиции имеет весьма опосредованное отношение. Такое сконструированное церковное предание становится источником местного фонда фольклорных сюжетов. Но реализация сюжета церковного предания в фольклорных текстах или других формах и видах народной культуры и исторической памяти места в свою очередь теряет четкие границы. Поэтому жанровая форма предания (в том числе церковного) не имеет адекватных своему предназначению форм выражения. Оно иллюзорно, тем не менее за ним прочно закреплена власть авторитетного источника, как в письменной, так и в устной традиции.

Определяющей чертой сочинений местных краеведов является отсутствие «чувства жанра» как письменной, так и устной традиции. Их «творчество» оказалось в сфере бессистемных и хаотических соприкосновений «личного» и «коллективного», и вместе с тем эти тексты, несомненно, несут знание о народной традиционной культуре, творческих потенциях и стратегиях современных носителей традиции. Они не

только определяют границы, общие «параметры» и позволяют более рельефно обозначить особенности местного культурного сознания, самоидентификацию информантов как представителей данной местности и носителей определенной культуры, но и получают непосредственное выражение в ряде фольклорно-этнографических явлений – в жанровых предпочтениях, в календаре, обрядовой поэзии, топонимической системе, народной прозе и т. д. Все эти материалы зафиксированы и дошли до нас в разнообразных письменных жанровых формах: этнографического очерка, бытового очерка, отдельной главы в историческом исследовании местного краеведа, отдельной публикации (статьи) в краеведческом сборнике или альманахе, в письменных воспоминаниях местных жителей (народных мемуарах), словарях местного говора [4], полевых записях музейных сотрудников или любителей, сборниках одного составителя, репертуарных сборниках с самозаписью исполнителей и т. п. Реально конкретные формы манифестаций носят диффузный характер: определяющей чертой сочинений местных краеведов является отсутствие «чувства жанра».

Все перечисленные формы саморефлективного диалога личности и культуры способствуют потере аутентичности текстов традиционной культуры и направлены на перекодировку языка фольклора. Поэтому поставленные в настоящей статье проблемы изучения письменных манифестаций традиционного фольклора внутри культуры открывают для исследователей новые возможности не только ее взаимодействия с другими культурными системами, но и позволяют понять некоторые механизмы ее внутренней перестройки под воздействием различных факторов.

Эдиционная практика краеведческих материалов также вызывает большой интерес: например, местная полиграфическая продукция включает в себя не только книги / брошюры, сборники и альманахи, но и медиаиздания (CD, DVD, публикации в Интернете с аудио- и видеоматериалами). Однако это отдельный аспект обсуждения проблемы.

Краеведческие сочинения носят принципиально региональный / локальный характер, о чем свидетельствуют попытки авторов обозначить «методологические принципы» своих трудов. В словарях, например, по словам составителя «Поморской говори», «содержится попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения» [10: 10]. В обращениях к детским воспоминаниям можно усмотреть один из главных мотивов, побудивших автора к сбору лексического материала. Именно «память детства» является одним из деятельных рычагов в механизме саморефлексии традиции.

М. И. Романов, устьянский краевед, в своих сочинениях использовал так называемый крае-

ведческий метод анализа разнородного материала, отличие которого он видел

«в том, что ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача – дать облик определенной и неограниченной местности, представляющей целостную единицу...»¹.

Поэтому краевед решался на широкие параллели и обобщения, на попытки выявить взаимосвязи между, казалось бы, далекими явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. Он предпринял, таким образом, попытку реконструировать целостный мир народной культуры Устьянского края [1: 16–17]. Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса фольклора², неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и так называемой «расовой теории»³, у него встречаются и откровенно наивные реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным заключениям⁴.

Еще более откровенно выразил свою позицию краевед из Каргополя И. И. Рудометов, который в предисловии к подготовленным для публикации текстам былин пишет об исторической неосведомленности поздних сказителей, которые в своем творчестве искажают «старинные сказания», и упрекает собирателей, которые записывают такие псевдоисторические тексты:

«Все они говорят, прежде всего, об усердии “собираателей” былин, которые, проявляя ревность / резвость не по разуму, иногда записывали буквально всякое слово, исходящее из уст “сказителей и сказительниц” и тем самым нередко засоряли ниву народного творчества. В настоящее время необходимо расчистить эту ниву. С этой целью следует, прежде всего, сделать пересмотр творчества псевдосказителей, подходя к нему с научной точки зрения, и тем самым восстановить образы старинных, очистить их от всех последующих наслоений»⁵.

Жанр народных мемуаров возник в результате столкновения традиционной крестьянской культуры с культурой письменной. Овладение письмом как главной формой выражения недеревенской культуры позволяло взглянуть на деревенскую извне, почувствовать ее необычность, своеобразие. Краевед находится одновременно в двух культурах, но пользуется формами и приемами письменной культуры, сохраняя мироощущение и все бессознательные ценностные установки носителя традиционной культуры [5: 141]. Поэтому фольклорные тексты в условиях письменной культуры представляют собой либо метатекстовые образования относительно письменных текстов, либо письменные «тексты», реализующиеся в одной из форм фольклорных стилизаций. Общим же «резервуаром», из которого

формируются те или иные устные, равно и письменные, произведения в ту или иную историческую эпоху, является «знание», основанное на памяти традиции, а фольклорные тексты (в большинстве своем) лишь актуализируют память национальной традиции в исторически конкретном моменте жизни общества.

Важным признаком краеведческого нарратива является эстетическое начало, которое, как правило, присутствует в форме лирических отступлений или пейзажных миниатюр:

«Мало-Пинежье с серенькими деревушками, окруженными небольшими полями и наволоками, представляло окно в небо, небольшой островок среди безбрежного зеленого океана лесов, порезанного голубой лентой Пинегой. Пинега под нашей деревней была тиха, величава и глубоководна... Напротив деревни река, делясь на две протоки, оставляла большой песчаный остров, ниже которого в сильнейшей быстрине, переливаясь и играя красками, вновь подбегала к нашему берегу и оставляла узкую, длинную песчаную косу, сплошь покрытую мелким камешком. Эту песчаную косу называли Долгий Песок. <...>

Иду берегом реки, слева скошенные наволоки и остожья, а справа игриво струится родная Пинега. Сквозь чистые воды реки просматривается разноцветье галечника и снующие туда-сюда мелкие рыбешки. ... А за

рекой – лохматый сосновый бор. Кряжистые великаны, подмытые течением реки, гордо склонив свою кудрявую голову, скрывают высокий песчаный берег реки, где впадает речка Шидрова. Ранней весной еще кругом снег, а на Шидровском перекате, рано освободившемся ото льда, уже появились первые утки – кряквы, гоголи. Не одну утреннюю зарю провел я подростком на этом перекате в снежном окопчике, любясь красками весеннего солнечного утра, поджидая уток. Вспыхнувшие воспоминания оживают в памяти, волнуют и радуют. Красив и люб родной край!»⁶

Лирические отступления, связанные уже с эстетическим восприятием автором природы родного края, являются также своеобразным показателем саморефлексии традиции. У краеведов чувство родины особенно обострено, часто оказывается, что многие из них занимались литературным творчеством⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, категория «место памяти» и понятие «память места» позволяют определить некоторые точки соприкосновения и корреляции культурных систем – письменной и устной – и представить в реальности процесс фольклорной сингулярности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (далее – РО ИРЛИ). К. 66, (Романов), п. 4. Фольклор Устьи. Л. 5.

² Там же. Л. 58.

³ Там же. Л. 290.

⁴ Там же. Л. 129.

⁵ Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей. № 491. Рудометов И. И. Былины. М., 22 марта 1966. 12 л. (Машинопись). Л. 2.

⁶ Архангельский областной краеведческий музей. Ф. 3. Оп. № 3. № 173. П. А. Худяков. Говор и быт Мало-Пинежья. г. Киров, 1978 г. Л. 85–86.

⁷ Примеры многочисленны, назовем только известного краеведа в Верхней Тойме А. Тунгусова «Вехи жизни моей. Поэтический дневник» (Архангельск, 2003). Он замечает: «Увы, поэтом я так и не стал – пересилили журналистика и краеведение, которым отдавал и отдаю все свое время».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вережкина Г. А., Мильчик М. И. Михаил Иванович Романов – выдающийся краевед Русского Севера. Вельск, 2006. 27 с.
2. Власов А. Н. «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы: Сб. статей / Ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. С. 70–82.
3. Власов А. Н. Устные и письменные формы повествования о местных святых и чудотворных иконах Устюжского края // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 423–429.
4. Власов А. Н. Фольклоризм как стилевая доминанта в авторских нарративах (Словари краеведов) // Русский фольклор. Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова). Т. XXXVII. СПб., 2018. С. 135–148.
5. Востриков О. В. Об авторе и жанре книги // Грозина Н. П. История села Беляковского. Екатеринбург, 1997. С. 141–147.
6. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
7. Иванова А. А. Предания о чуди верховий Пинегы как локальный свертхтекст // Из истории русской фольклористики. Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры (К юбилею Юрия Александровича Новикова). СПб., 2018. Вып. 10. С. 200–201.
8. Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этноды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 293–296.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 10–12.
10. Мосеев И. И. ПомОрьска говОря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 126 с.

Andrey N. Vlasov, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Valeria I. Eremina, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

**THE BOUNDARIES OF THE RECEPTION AND INTERPRETATION
 OF LOCAL FOLKLORE IN THE WORKS OF LOCAL HISTORIANS
 (STUDYING THE CONCEPT OF FOLK SINGULARITY)**

The article describes the emergence of local narrative models, ritual practices that are born in the minds of local historians of the Russian North identifying their knowledge with a “place of memory” (P. Nora), which does not quite correspond to the real historical process of self-reflection of local folklore culture. The studied essays of local historians show the mutual influence and interchange of social and cultural elements of different northern Russian traditions, distinguished by their “behavior” and “appearance”, perhaps by their content, and most importantly – by the architectonics of folk singularity.

Keywords: local history, written and oral traditions, “place of memory”, “memory of place”, folk singularity, locality / regionality

Cite this article as: Vlasov A. N., Eremina V. I. The boundaries of the reception and interpretation of local folklore in the works of local historians (studying the concept of folk singularity). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 26–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.397

REFERENCES

1. Verevkinina G. A., Milchik M. I. Mikhail Ivanovich Romanov, an outstanding local historian of the Russian North. Velsk, 2006. 27 p. (In Russ.)
2. Vlasov A. N. The “memory of place” as an aspect of the theoretical problem of locality / regionality in Russian folklore. *Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics – problems and prospects: Collected articles*. Moscow, 2015. P. 70–82. (In Russ.)
3. Vlasov A. N. Oral and written forms of narration about local saints and miraculous icons of the Ustyug region. *Circles of time: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya*. Moscow, 2015. Vol. 2: Research. Dedications and memories. P. 423–429. (In Russ.)
4. Vlasov A. N. Folklorism as a style dominant in author’s narratives (Dictionaries of local historians). *Russian folklore. Folklorism in literature and culture: the boundaries of the concept and the essence of the phenomenon (Collection of articles and materials in memory of A. A. Gorelov)*. Vol. XXXVII. St. Petersburg, 2018. P. 135–148. (In Russ.)
5. Vostrikov O. V. The author and the book genre. *Grozina N. P. The history of Belyakovskoye village*. Yekaterinburg, 1997. P. 141–147. (In Russ.)
6. Deleuze G. Difference and repetition. St. Petersburg, 1998. 384 p. (In Russ.)
7. Ivanova A. A. Legends about the Chudes from the upper reaches of the Pinega River as a local supertext. *The history of Russian folklore studies. Modern methods and approaches to the study of traditional folk culture (Commemorating the anniversary of Yuri Alexandrovich Novikov)*. St. Petersburg, 2018. Issue 10. P. 200–201. (In Russ.)
8. Néklyudov S. Yu. Traditions of oral and literary culture: interrelation and typology. *Slavic etudes. Collection of articles commemorating the anniversary of S. M. Tolstaya*. Moscow, 1999. P. 293–296. (In Russ.)
9. Nora P. Issues related to places of memory. *France-memory*. St. Petersburg, 1999. P. 10–12. (In Russ.)
10. Moseev I. I. PomOrska govOrya. Concise dictionary of Pomeranian dialect. Arkhangelsk, 2005. 126 p. (In Russ.)

Received: 4 June, 2019

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНИН

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mullonen@krc.karelia.ru

НАЗВАНИЯ-ДУБЛЕТЫ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЛЮДИКОВСКОГО ПРИОНЕЖЬЯ*

На материале дублетных, то есть разных наименований одного или смежных объектов показана лабильность топонимической системы, которую обычно принято считать стабильной. Выявлен потенциал этой динамичности как для исторического языкознания, так и этноисторического исследования. Анализируются причины такой подвижности, среди которых приток нового населения, связанный с хозяйственно-экономическим освоением территории. Для анализа привлечен топонимический материал людиковского Прионежья – как полевой, так и извлеченный из исторических источников начиная с XVI века. Рассматриваются три случая дублетов: первый – карельское и параллельно бытующее русское название, не являющееся переводом карельского оригинала (кар. *Kendärvi* – рус. *Кончезеро*), второй – смена топонима на протяжении документально зафиксированной истории (*Пертозеро* – *Викшозеро*), третий – связка двух разноязычных названий территориально смежных объектов, в которых отражается общий мотив возникновения (*Повежа* – *Коштомозеро*), позволяющий предполагать переводной характер одного из топонимов связки. Анализ проводится на основе методик сравнительно-исторического языкознания, а также широкого спектра собственно топонимических приемов.

Ключевые слова: топоним, прибалтийско-финские языки, русские говоры, людиковское наречие, Прионежье

Для цитирования: Мулло́нин И. И. Названия-дублеты в топонимической системе людиковского Прионежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.398

ВВЕДЕНИЕ

Карельская людиковская территория, расположенная в притяжении Онежского озера, свелась сейчас к нескольким поселениям. Однако документы разного формата – от собственно исторических и статистических до языковых – убедительно свидетельствуют о том, что это наследие единого ареала, тянувшегося с севера на юг почти на 200 км от Суны до Свири, а в меридиальном направлении на 50 км. Утрата языка и этнического самосознания, которая приобрела в последние десятилетия обвальное значение, началась уже в XVIII веке, с припиской территории к Олонецким горным заводам. При этом коренная смена этнического состава населения в данном районе западного Прионежья – далеко не первая, а скорее, одна из череды происходивших здесь на протяжении всего II тыс. н. э. Она была вызвана притягательностью территории как расположенной на транспортных путях, связывавших две крупных транспортных артерии – реки Шую и Суну – с Онежским озером. Этот транспортный узел определял на протяжении по крайней мере всего II тыс. н. э. постоянный приток нового населения. Совместное проживание приво-

дило к двуязычию и смене языка и этнического самосознания. Традиционно значительный ряд топонимов людиковского ареала в Прионежье характеризуется параллельным бытованием в карельском и русском употреблении, при котором, как правило, оригинальный карельский топоним усваивается в русскую систему именования по определенным правилам [3]. Происходит фонетическое усвоение, которое может сопровождаться определенными звуковыми изменениями (люд. дер. *Törökkä* → рус. *Тереки*, *Jouhoja*, при *-oja* ‘ручей’ → *Евхоя*, а также многие топонимы с сопредельной, уже утратившей карельский язык территории, напр. *Суйсарь*, *Кижси*, *Кулмуksa* и др.). Очень продуктивен путь калькирования, особенно возникновение многочисленных полукалек с переведенным вторым компонентом сложных по структуре карельских топонимов: оз. *Hal'äarvi* → *Галлезеро*, *Puadniemi* → *Паднаволок*, на смежной русской территории *Тулгуба*, *Колгостров* и др. На широком фоне подобных параллельных названий выделяется группа топонимов, в которых не прослеживается такая прямая связь. В статье проанализированы формирование и языковые истоки дублетных

топонимов, привязанных к одному и тому же объекту, однако не имеющих общих этимологических корней. Рассматривается три случая «дублетов»: первый – карельское и параллельно бытующее русское название, не являющееся переводом карельского оригинала, второй – смена топонима на протяжении документально зафиксированной истории, третий – связка двух разноязычных названий территориально смежных объектов, в которых отражается общий мотив возникновения, позволяющий предполагать переводной характер одного из топонимов связки.

КОНЧОЗЕРО – KENDÄRV

Русское и карельское названия озера характеризуются определенным сходством в звучании, которое, однако, не позволяет убедительно утверждать единство их происхождения. Видимо, даже если оно и существовало изначально, то тот этап развития, который удастся проследить по данным письменных источников, однозначно указывает на их вхождение в разные языковые и топонимические контексты. Название озера *Кончозеро* стабильно фиксируется в документах начиная с XVI века в виде *в Конче озери*, *в концы озере*¹, *в Концеозере*², *Кончезеро*³. Иначе говоря, топоним мог абстрагироваться из сочетания «конец озера», «в конце озера», которое традиционно использовалось в русской речи в деревнях Шуйского погоста для обозначения южного конца озера и располагавшейся там дер. Чупа, входившей в состав Шуйской волости. При этом сам ойконим *Чу́па* содержит в основе карельский термин *širppi* ‘конец’, характеризующий местоположение поселения, и это обстоятельство дает основание полагать, что русская формула «деревня в конце озера» применительно к Чупе могла появиться как перевод оригинального карельского топонима **Järvenširppi*, букв. ‘озера конец’, эллиптировавшегося впоследствии до *Širppi / Чу́па*. При всей гипотетичности предлагаемое здесь развитие на самом деле опирается на закономерности, характерные как для прибалтийско-финской топонимической системы, так и интеграции карельской топонимии в русскую систему именования. С позиций вхождения топонима в ряд подобных важно то обстоятельство, что модель хорошо известна в русской топонимии территориально смежного Заонежья, где неоднократно фиксируются прибрежные угодья *Кончезеро*, *Кончезерье* или *Концезерье* (дер. Падмозеро, Белохино, Тязвия), *Конецозерье* (дер. Хашезеро), а также образованные аналогичным образом *Конецгубье*, *Конецгородье*, *Конеццелье*, *Конецчулица* и др. [6: 203] с характерным колебанием *ц ~ ч*.

Исходя из географического и исторического контекста русский топоним появился, видимо,

в пределах центра исторического Шуйского погоста – куста поселений Шуя, на окраине которого располагалась дер. Чу́па. Это взгляд на оз. Кончозеро с юга. В свою очередь, карельский топоним *Kendärv* < **Kendjärvi* имеет, скорее, другой исходный пункт возникновения. В его основе принято видеть кар. *kenttä*, фин. *kenttä*, *kentä* ‘открытое ровное место, напр., на берегу реки или озера; лужайка, заросшая травой’ [12: 33], при том, что второй вариант с одиночным *t*, не зафиксированный в карельских говорах, более оправдан с точки зрения звонкого *d* в топониме; гемината в ситуации перед *j* образовывалась бы в *t*, как и происходит в многочисленных *Kentjärvi* в Карелии⁴. На этом фоне и с учетом языковой истории людиковского наречия карельского языка, включающего значительный вепсский субстрат, топоним в принципе может интерпретироваться и как возникший еще на вепсском этапе развития Кончезерья – из вепс. *kend* ‘берег реки или озера у самой воды или край болота’, входящего в одно этимологическое гнездо с кар. и фин. *kenttä* [16: 343–344]. Однако название может иметь и саамские истоки, независимо от того, признаются ли за прибалтийско-финским термином общие праязыковые корни с саамским (фин., кар. *kenttä*, *kentä*, вепс. *kend* = саам. *gied'de* < праязыковое **kēntē* [11: 52–53], [16: 344]) или же он считается саамским заимствованием в северные прибалтийско-финские языки: саам. *gieddi*, *kieddi*, *kind* ‘естественный луг’ < прасаам. **kientē*, был усвоен в виде *kenttä*, *kentä* (фин., кар.), *kend* (вепс.) [9: 81–84]. Такую вероятность поддерживает саамский гидронимический контекст территории Прионежья: подавляющее большинство относительно крупных озер и рек имеет здесь неприбалтийско-финские истоки. Вряд ли можно сказать определенно, где конкретно располагалось это поросшее травой открытое место, давшее название озеру. Неким ориентиром может быть то обстоятельство, что первоначально термин имел, очевидно, более узкое значение и обозначал бывшее место обитания, заросшее травой, ср. и сейчас в говорах Северной Приботнии *kenttä* ‘заросшее травой место временного проживания’⁵, ‘место, где располагалось в прошлом поселение саамов’ [9: 81]. Применительно к Кончезеру, а также исходя из универсальных закономерностей номинации, можно полагать, что название озера зародилось у протоки, соединяющей озера Кончозеро и Пертозеро, где располагались саамские сезонные поселения (см. рисунок). В этом случае *Kendärv* входит в ряд других озерных и речных названий с саамскими корнями в округе, а постоянное поселение прибалтийско-финского населения (вепсов) возникло на месте сезонного саамского.

Озера Кончозеро и Пертозеро на карте

ПЕРТОЗЕРО (КАР. PERTI'JÄRV) – ВИКШОЗЕРО

Озеро Пертозеро соседствует с Кончозером, отделяясь от него короткой протокой (см. рисунок). Название достаточно прозрачно: оно имеет прибалтийско-финские истоки, топооснова восходит к кар. *pertti* 'изба, дом'. При этом в исторических источниках топоним появляется только в XVIII веке, заменяя прежнее, отмечавшееся с XVI века оз. Викшозеро: *дер. на Викшозере словат в Перт-наволоке⁶, на Векшозере на Перт-наволоке (1646)⁷, оз. Викшь на карте А. М. Матюшкина, составленной на основе сведений, собранных в 1718 году [8]. Однако на планах Генерального межевания 1790-х годов по Петрозаводскому уезду Олонецкой губернии это уже оз. Перто⁸. Привлечение дополнительных источников XVIII века позволит уточнить дату официального переименования, которое, видимо, сопряжено с основанием Кончезерского медеи чугуноплавильного завода в 1707 году. При этом те же материалы писцового дела указывают на источник озерного именованя – ойконим *Pert'niemi / Пертнаволок* 'изба-мыс', который фиксируется уже в XVI веке. Название деревни проецируется на озеро, при котором стоит поселение, что в принципе укладывается в закономерности номинации. Знаменательно, что еще в конце XIX века в списке населенных мест*

Карелии озеро зафиксировано с названием *Пертнаволоцкое⁹*, которое явно отсылает к ойкониму.

Исторический же лимноним *Викшозеро* уходит корнями вглубь веков. Те скудные лексические данные, а также более обширные топонимические свидетельства, которые имеются в арсенале исследования, указывают на доприбалтийско-финские истоки топоосновы. Среди фрагментарных свидетельств бывшего бытования финно-угорского термина **viks(V)* с семантикой 'протока' коми лексема *vis* 'протока' < **visk* < **viks(V)* [4], русские говоры Верхневолжья, в которых бытует диалектное слово *вёкса* 'озерный сток' [2: 83], а также известный финским приботнийским говорам ландшафтный термин *vieska* < **viesk(V)* 'водоток, участок с более спокойным течением выше или ниже порога' [15]. Топонимические свидетельства, в свою очередь, позволяют объединить эти разрозненные лексические свидетельства в единый ареал и, кроме того, будучи привязанными к протокам, стокам озер в реку, подтверждают реконструированную этимологию: в Карелии и Присвирье неоднократно фиксируются озера *Викшозеро, Виксозеро*, реки-протоки *Викша, Виксенда, Викшеньга*, в Белозерье оз. *Быксозеро*, р. *Выкса, Выкшица* [5: 291–292], в Финляндии оз. *Vieksijärvi, Viiksijärvi*, р. *Vieksi, Vieksinjoki, Viiksimo* и др., а также р. *Vääksy, Vääksynjoki* [13: 18–20], в Верхнем Поволжье неоднократно р. *Вёкса*. Речь, таким образом, идет о древнем финно-угорском ландшафтном термине, закрепившемся в западном Прионежье на этапе его промыслового освоения. Непосредственной ландшафтной подоплекой для кончезерского топонима *Викшозеро* послужила, конечно, короткая протока между озерами Пертозеро (историческое Викшозеро) и Кончозеро (кар. *Kendärv*), при которой в начале XVIII века был возведен Кончезерский завод. Память об этом оказалась давно утраченной, а наследием исторического озерного наименования *Викшозеро* является сейчас р. *Викшица*, впадающая в оз. Пертозеро с севера, а также располагавшееся при ней одноименное поселение.

Пример топонимов *Кончозеро* и *Пертозеро* наглядно свидетельствует о том, что топонимический ландшафт не всегда столь устойчив, как обычно считается, особенно применительно к гидронимии. Очевидно, мена закономерна для территории, которая была подвержена активному проникновению нового населения, сопряженному с ее хозяйственным (в широком смысле) освоением. Обычно в исследовательской практике мы сталкиваемся с процессом смены топонимов уже на современном этапе – в XX веке. Прионежье, будучи во многом инновативным регионом благодаря прежде всего своему стратегическому расположению на перекрестке водных путей, позволяет проследить данный процесс в более глубокой исторической

перспективе и, таким образом, подтвердить его закономерность.

КОШТОМОЗЕРО – ПОВЕЖА?

Данный сюжет описывает еще одну ситуацию дублетности, которая не столь очевидна, как две предыдущие, но исключительно важна как для выявления моделей номинации, свойственных разным топосистемам, так и этимологического исследования топооснов. Имеются в виду наименования смежных объектов, в которых реализуется один и тот же или схожий мотив называния. Одна подобная пара дублетных топонимов людиковского Прионежья была выявлена и описана нами ранее [7]: в названии оз. *Укшезеро* / кар. *Ukšarvi*, *Ukšjärvi* и дер. *Маткачи*, расположенной в основании длинного мыса, вдающегося в озеро с южного берега, в устье реки *Окишица* ~ *Уишица*, воспроизводится один и тот же мотив волока на водном маршруте, ср. уральский термин **ukti* ‘дорога’, подвергшийся преобразованию в **UkšV-* в ходе адаптации к карельскому языковому бытованию, и приб.-фин. *matka* ‘дорога, путь’. Просматриваются два возможных пути развития пары: с одной стороны, калькирование, предполагающее двуязычие населения на этапе появления прибалтийско-финского дублета, с другой – общий мотив номинации, вызванный универсальными подходами к называнию объектов в разных топосистемах или сходными условиями их хозяйственного использования. Прибалтийско-финская топооснова *Matk-* подтверждает в данном случае истинность западноуральской этимологии для топонима *Укшезеро*.

В предложенной далее паре ни один из ее членов не имеет четкой этимологии, и как раз их совместный анализ позволяет ее уточнить. Речь идет о топонимах, привязанных к двум смежным объектам, расположенным в окрестностях старинного села Янишполе, – оз. *Коштомозеро* в низовьях р. Суны и залив Онежского озера, а также обширная низина *Повежа* при впадении реки в озеро. Последняя тополексема представлена в нескольких названиях Прионежья, формирующих здесь компактный и довольно насыщенный ареал: остров *Повежи* (Колгостров), залив *Повежи* (У Спаса), остров *Повежи* или *Повежий остров* (Грязная Сельга), заливы *Горская Повежа*, *Павловская Повежа*, *Лукинское Повежье*, урочище *Заповежье* (Горка, Лукин Остров), зал. *Poviženlaht* (Сопоха), в котором *-laht* ‘залив’. Семь топонимических фиксаций в локальном ареале на людиковско-русском пограничье, при этом привязанных к однотипным объектам – озерным заливам и расположенным в них островам, явно указывают на терминологический характер топоосновы. Терминологические истоки подтверждает и «Словарь русских говоров Карелии»: *повежа* конд. ‘узкий залив, заросший осокой и затянутый тиной’¹⁰. Каковы

этимологические истоки термина? Не так давно была высказана гипотеза о возможности интерпретировать прионежские *Повежи* в контексте предполагаемых автором публикации В. А. Агапитовым западнославянских, «лехитских» следов в языке и культуре западного Прионежья и возводить их к польскому *powódz*, *powoż*, верхнелужицкому *powódz* ‘большой, стремительный разлив воды на значительной площади; затопление’ [1: 42–43]. Иначе говоря, предполагается, что в основе прионежского эндемика находится западнославянский эквивалент восточнославянского, в том числе бытующего и в русских говорах Карелии термина *поводь*, *поводье* ‘весеннее половодье, паводок от сильных дождей’ (белом.)¹¹. При всей привлекательности такого подхода возникают некоторые вопросы из области исторической фонетики. Видимо, основным поводом для реконструкции западнославянского источника послушник звонкий шумный [ж] в топониме, соотносимый автором с польским [dz] [ž]. Однако *ж < dj* (см. *поводь*) – это абсолютно регулярный восточнославянский переход и не предполагает, таким образом, обязательного западнославянского истока. Не менее проблематична и фонема [e] второго слога, поскольку считается, что корень *vod-* ‘вода’ имеет устойчивый праславянский вокализм [o] и ни в одном славянском языке не чередуется с *ved-*, что заставляет в принципе предполагать для термина другие этимологические связи, например, видеть за ним суффиксальный *-j-*отовый дериват от *повести*, *поведу* (с корнем *ved-*): **povedja > повежа*¹². Правда, лексические данные русских говоров и славянских языков не содержат убедительных этимонов. Единственная фиксация, связанная (относительно) с ландшафтной лексикой *поведень* ‘отлогий покатый вал на реке или озере’ (с пометой *Север*)¹³, оказывается на деле реминисценцией лексемы *поводень* ‘плавная волна на море, реке; покатая шировая волна’ арх.¹⁴, вводящей ее в круг производных от основы *vod-* и подвергающей сомнению верность написания термина в первом случае. Однако, если допустить, что в данном случае отражается некая локальная фонетическая особенность, то она может в принципе поддержать и [e] в *повеже* и вводить его в этимологическое гнездо *vod-*. Видимо, следует внимательнее отнестись и к тому, что топооснова бытует в карело-русском пограничье и может отражать карельскую фонетическую специфику в адаптации русской лексемы. Вопрос требует дальнейшего изучения. Не предлагая окончательных решений, обратим внимание на ландшафтную характеристику объектов с названием *Повежа*, большинство из которых, как уже указывалось выше, идентифицируют озерные заливы, к тому же непосредственно в зоне поселений. В такой ситуации мотив весеннего половодья и, как следствие,

заливных прибрежных лугов мог действительно быть существенным обстоятельством для номинации.

Есть еще один топонимический факт, косвенным образом поддерживающий такую интерпретацию. Это название озера *Коштомозеро*, которое располагается практически на окраине обширной низины Повежи в нижнем течении р. Суны. Для топоосновы *Kost-* / *Kocm-* ~ *Kouim-*, которая реализована в топонимах Карелии *Kostamus* / *Kостомукша*, *Kostamus* / *Костомукса*, на территории Восточной Финляндии оз. *Kostamo*, *Kostamojärvi*, *Kostamusjärvi* и др., предложено несколько интерпретаций, в том числе из прилагательного *kostea* 'влажный, сырой', карельского термина *koste* 'обратное течение', 'подветренный берег', глагола *kostaa* 'повернуть, вернуть, возвратить', который указывает в названиях озер и рек на весенний разлив воды, половодье: весной вода разливается, а затем уходит, оставляя по берегам заливные луга [14: 502–503], [15]. При этом, впрочем, и термин *koste*, и прилагательное *kostea* являются отыменными производными глагольной основы *kosta-* [16: 410], которая представляется наиболее убедительной при поиске истоков сунского топонима *Коштомозеро*¹⁵. На такой генезис указывает, в частности, суффикс *-mo*, оформляющий многие из названий (формант *-tus*, видимо, исторически представляет собой контаминацию двух суффиксов: *-mo* и *-us*), и свойственный отглагольным именам [10]. В данном контексте нельзя исключать, что оба топонима – и *Коштомозеро*, и *Повежа* – мотивированы одной и той же особенностью ландшафта. Понимая определенную гипотетичность в выстраивании связки *Коштомозеро* – *Повежа*, предлагаем все

же ее как пример перспективного для выявления этимологических истоков методологического подхода, опирающегося на использование топонимов-дублетов.

ВЫВОДЫ

Поиск и анализ дублетных топонимов перспективен как с позиций их этимологического исследования, так и реконструкции историко-культурной ситуации их возникновения. Пример параллельно бытующих *Кончозеро* – *Kendärv* показывает, что дублет обусловлен включением топонимов в две системы номинации, имеющие разные исходные центры на южном и северном побережье озера и свидетельствующие о смене приоритетов, центров ориентации, связанных, возможно, с образованием и развитием Шуйского погоста. Сменой приоритетов, приуроченной к XVIII веку и связанной, видимо, со строительством Кончезерского завода, обусловлена и замена *Викшозера* на *Пертозеро*. Более наглядно и убедительно топонимическая динамика, базирующаяся на динамике освоения территории и включения ее в экономическую деятельность, просматривается на материале антропонимии, отличающейся большей неустойчивостью.

Дублетная топонимическая пара может возникать в разных языках на основе одного мотива номинации, и в случае этимологической затемненности одного или обоих членов пары он оказывается информативным для реконструкции истоков топонимов. При всей дискуссионности предложенные в публикации примеры *Укшозеро* – *Маткачи* и *Коштомозеро* – *Повежа* свидетельствуют об этимологическом потенциале дублетов.

* Статья подготовлена в рамках госзадания (бюджетная тема АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

дер. – деревня
оз. – озеро
р. – река

Географические термины

арх. – архангельский
белом. – беломорский
вепс. – вепский
кар. – карельский
конд. – кондопожский
люд. – людиковский
прасаам. – прасаамский
приб.-фин. – прибалтийско-финский
саам. – саамский
фин. – финский

Языки, диалекты и говоры

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печ. А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 116.

² Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ašjakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ. и ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН: Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 133.

- ³ Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁴ По данным Научной картотеки топонимов Карелии (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН).
- ⁵ Suomen murteiden sanakirja [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (дата обращения 30.08.2019).
- ⁶ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. С. 117.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. Л. 83.
- ⁸ План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты – 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/ (дата обращения 30.08.2019).
- ⁹ Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб.: Типография МВД, 1879. С. 10.
- ¹⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994–2005.
- ¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 27. СПб.: Наука, 1992. С. 252.
- ¹² Благодарю за консультацию о возможных этимологических связях *повежи* д. ф. н., проф. В. Л. Васильева.
- ¹³ Словарь русских народных говоров. С. 224.
- ¹⁴ Там же. С. 249.
- ¹⁵ Наиболее убедительно этимологические истоки топоосновы, восходящие к глагольной основе *kosta-* ‘вернуться, возвратиться’, подтверждает топоним *Куштозеро* / вепс. *Kuštärv ~ Kuštjärv* – название известного так называемого периодически исчезающего карстового озера на Мегорской гряде в Южном Обонежье. Через карстовую воронку вода озера периодически уходит под землю, обнажая дно озера, а затем возвращается обратно. Появление *и/у* может быть связано с особенностями местного бытования, ср. также р. *Куштоба* < **Куштома* в Белозерье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапитов В. А. От Шуньги до Конды. Топонимические статьи и краеведческие этюды. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 103 с.
- Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск: УрГУ, 1990. 95 с.
- Захарова Е. В. Типы традиционных людиковских поселений по данным ойконимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 130–133.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 353 с.
- Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья / Под ред. А. С. Герда. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 251 с.
- Муллонен И. И. Материалы к словарю топонимов Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1049> (дата обращения 20.08.2019).
- Старицын А. Н. Русская картография начала XVIII в. и проблема локализации староверческих поселений в северном регионе России // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=763> (дата обращения 20.08.2019).
- Aikiö A. The saami Loanwords in Finnish and Karelian: PhD Diss. Oulu, 2009. 386 p.
- Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Otava, 1968. 527 s.
- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 200).
- Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967. 130 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 144).
- Rahkonen P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics Jyväskylä: Bookwell Oy, 2013. 246 p.
- Räsänen A. Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä // Virittäjä. 2010. № 4. S. 502–530.
- Suomalainen paikannimikirja. Toim. Sirkka Paikkala. Helsinki: Karttakeskus, 2007. 592 s.
- Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osa 1. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992.

Поступила в редакцию 27.09.2019

Irma I. Mullonen, Doctor of Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DOUBLET NAMES IN THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE LUDIC ONEGA LAKE AREA*

The article studies the doublet or different names of the same or related objects to show the lability of the toposystem, which has been usually considered stable. The potential of this dynamism is revealed both for historical linguistics and ethno-historical research. The author analyzes the reasons for such mobility, including the influx of new population due to the economic development of the territory. The toponymic materials from Onega Lake area, including both field materials and toponyms extracted from historical sources starting with the XVI century, were used for analysis. Three cases of “doublets” were studied: 1) the concurrent existence of a Karelian toponym and a Russian toponym not being the translation of the original Karelian word (Kar. *Kendärv* – Russ. *Konchezero*); 2) the change of a toponym throughout the documented history (*Pertozero* – *Vikshozero*); and 3) the linking of two multilingual

names of territorially adjacent objects, which reflect the common motive of their occurrence (*Povezha – Koshtomozero*), which suggests one of the names to be the translation of the other. The analysis was based on the methods of comparative historical linguistics, as well as on a wide range of toponymic techniques.

Keywords: toponym, Baltic-Finnish languages, Russian dialects, Ludic dialect, Prionezhye, Onega Lake area

* The article was written as part of the state project AAAA-A18-118012490344-5 “The Baltic-Finnish languages in the north-west of the Russian Federation: linguistic research in the socio-cultural context”.

Cite this article as: Mullonen I. I. Doublet names in the toponymic system of the Ludic Onega Lake area. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.398

REFERENCES

1. Agapitov V. A. From Shunga to Konda. Toponymic articles and local history essays. Petrozavodsk, 2018. 103 p. (In Russ.)
2. Vostrikov O. V. Finno-Ugric substrate in the Russian language. Sverdlovsk, 1990. 95 p. (In Russ.)
3. Zaharova E. V. Types of traditional Ludic settlements through the prism of oikonyms. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV International Scientific Conference*. Yekaterinburg, Sept. 9–13, 2019. Yekaterinburg, 2019. P. 130–133. (In Russ.)
4. Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Brief etymological dictionary of the Komi language. Moscow, 1970. 386 p. (In Russ.)
5. Mullonen I. I. Toponymy of the Svir River area: problems of ethnic and language contacts. Petrozavodsk, 2002. 353 p. (In Russ.)
6. Mullonen I. I., Azarova I. V., Gerd A. S. List of toponyms of Zaonezhye. (A. S. Gerd, Ed.). Petrozavodsk, 2013. 251 p. (In Russ.)
7. Mullonen I. I. Materials for the *Dictionary of Karelia's Place-Names*. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018. Issue 3. Available at: <http://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1049> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
8. Staritsyn A. N. Russian cartography in the early XVIII century and the problem of localization of the Old Believers' settlements in the northern region of Russia. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2017. Issue 2. Available at: <http://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=763> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
9. Aikio A. The Saami loanwords in Finnish and Karelian: PhD Diss. Oulu, 2009. 386 p.
10. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, Otava, 1968. 527 s.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 200)
12. Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967. 130 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 144).
13. Rahkonen P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics Jyväskylä, Bookwell Oy, 2013. 246 p.
14. Räisänen A. *Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä*. *Virittäjä*. 2010. No 4. S. 502–530.
15. Suomalainen paikannimikirja. Toim. Sirkka Paikkala. Helsinki, Karttakeskus, 2007. 592 s.
16. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osa 1. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992.

Received: 27 September, 2019

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ ЗАОНЕЖЬЯ*

Представлены основные черты говора северной части побережья Онежского озера (Заонежья), которые отражают сложную историю заселения данной территории и формирования региональной системы говоров. Описываются фонетические явления, возникшие под влиянием прибалтийско-финских языков: рецессивное передвижение ударения, при котором происходит изменение гласных первого слога (типа *ляжит* < лежйт, *с табой* < с тобой); переход [j] в [г'] и [д'] в начале слова (*гиздить* < ездить, *дес* < *дезд < езд), упрощение консонантных сочетаний (*сверста* > *верста*; *гресливый* > *ресливый*) и др. Уделяется внимание лексикализации некоторых фонетических явлений, диалектным словам, известным только говорам Заонежья.

Ключевые слова: говоры Заонежья, лексикализация фонетических явлений, языковые контакты

Для цитирования: Михайлова Л. П. Прибалтийско-финский фонетический компонент в лексике говоров Заонежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.399

ВВЕДЕНИЕ

Говоры Заонежья, в системе которых совмещаются разные в этимологическом, ареальном и хронологическом отношении явления, занимают особое место как во внутрирегиональном диалектном членении Карелии, так и в общерусской макросистеме. Лингвистические данные, касающиеся разных уровней языка, свидетельствуют о глубине и сложности формирования заонежских говоров и отдельных локальных групп. В отчете о поездках в Заонежье в 80-е годы XIX века А. А. Шахматов подчеркивал поразительное многообразие лингвистических, этнографических, исторических и других фактов и характеризовал Олонецкую губернию «неистощимой хранильницей в высшей степени драгоценного научного материала» [14: 762]. Особый заонежский говор зафиксирован собирателями фольклора П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом. Изучая историю формирования говоров Заонежья по лексическим связям с другими микроразновидностями, А. С. Герд приходит к выводу о том, что изменение изначально существовавшего прибалтийско-финского лингвистического ландшафта данной территории связано с новгородско-псковской колонизацией и с одновременным возникновением развитых форм билингвизма, последующим сосуществованием «рядом трех типов речи: прибалтийско-финской, восточнославянской и билингвизма» [2: 213]. Исследователи этнической истории Русского Севера подчеркивают: «Эпоха былого билингвизма – важный этап в древнейшей истории русских» в Заонежье, как и на смежных территориях – Пудожье, Паша, Оять, Свирь [3: 32]. Последний этап лингвистиче-

ской истории Заонежья А. С. Герд характеризует следующим образом:

«Отмирание билингвизма, переход на восточнославянскую речь; рост восточнославянских инноваций – период формирования особого заонежского типа севернорусских диалектов» [2: 213].

Цель данной статьи – опираясь на известные историко-лингвистические труды [1], [4], [6], [10], [12], [15], описать самые существенные фонетические явления и процессы, возникшие под влиянием прибалтийско-финской фонетической системы и определяющие говоры Заонежья как своеобразный этнолингвокультурный «остров» Русского Севера. В задачи исследования входит: 1) классификация фонетических явлений, составляющих своеобразие описываемых говоров (акцентуация, гласные, согласные звуки), их интерпретация известными учеными; 2) включение относительно новых лексических единиц, зафиксированных в СРГК¹, отражающих лексикализацию прибалтийско-финского фонетического явления на уровне варианта или самостоятельного слова.

ЛЯПАНЬЕ – ЗАОНЕЖСКОЕ «ЯКАНЬЕ»

Известный педагог, этнограф, член Русского географического общества В. Н. Майнов, в 1874 году побывавший в Обонежье, обратил внимание на яркие фонетические черты речи заонежан:

«...так ловко она вытянет гласную, смягчит согласную, поднимет, опустит голос там, где нужно, что речь так и льется у нея. < > Ударение он делает так, что иное слово сразу и не поймешь» [7: 89].

Своеобразной лингвистической карточкой Заонежья можно считать шутивную фразу «*Пяшком с мяшком до Медвѣжки*» (пословный перевод – «*Пешком с мешком до Медвѣжки*, то есть до Медвежьегорска»), отражающую одну из ярких особенностей говора северной части побережья Онежского озера, которую В. В. Колесов назовет заонежским «яканьем», объясняя перенос ударения на первый слог с одновременным преобразованием гласного (что в написании представлено буквами *е* и *я*) внутренними процессами развития фонетической системы говора [6].

А. А. Шахматов выделяет два различающихся говора на территории Заонежья – Кижешуньгский, или ляпающий, и Толвуйский [13]. По утверждению ученого, «одну звуковую черту, выделяющую это наречие, местные жители называют ляпаньем» [13: 758], под которым имеется в виду перенос ударения на первый слог (реже – в середине слова – на предшествующий) и сопровождающий его переход гласных [о] и [е] соответственно в [а] и [я]. Б. П. Ардентов видит неоднородный характер говоров Заонежья в наличии екающего и якающего говоров, граница между ними идет с востока на северо-запад по пунктам Типиницы – Холмы – Поля – Пургино (это якающие деревни), далее на южный край губы Святухи: на восточном берегу губы – екают, на западном – якают [1: 74].

Н. П. Гринкова, описывая особенности олонецких говоров, отметила зафиксированные А. А. Шахматовым словоформы, в которых отражается данное явление [4: 369–374]. Перенос ударения на первый слог и одновременный переход [е] в [я] в данном слог в позиции после мягкого согласного представлены в текстах А. А. Шахматова большим количеством примеров, среди которых выделяются слова и формы с изменениями

(1) в корне полнозначительного слова:

бляснет – блеснёт, *бьягом* – бегом, *бьяда* – беда, *бьяжать* – бежать, *бьярутъ* – берут, *бьязди* – вездѣ, *бьязуть* – везут, *блясти* – плести, *стьягать* – стегать, *тьяпеть* – терпѣть, *чьяовек* – человек, *ляжит* – лежит, *дьяретесь* – дерѣтесь и др.,

(2) в местоимениях:

к *сѣби* – к себѣ, *мѣни* – мени (мне), *тѣбе* – тебѣ, *всѣго* – всего, *ницѣго* – ничего, *чѣго* – чего, *яго* – его, *яму* – ему,

(3) в предлоге без:

бяз очков – без очко́в,

(4) в частице не:

ня бить – не бить, *ня боюсь* – не боюсь, *ня бранись* – не бранись, *ня бросай* – не бросай, *ня возмешь* – не возмешь, *ня возьму* – не возьму, *ня вопи* – не вопи, *ня могу* – не могу, *ня отнимай* – не отнимай, *ня потерять* – не потерять, *ня пуцу* – не пуцу, *ня ушли* – не ушли, *ня хочу* – не хочу.

Переход [о] в [а] в позиции после твердого согласного в первом слог или в анлауте неприкрытого первого слога, при переносе на него ударения также отмечен в значительном количестве слов и форм:

(1) в корнях полнозначительных слов:

авин – овин, *даитъ* – доить, *дамой* – домой, *жаниха* – жениха, *даци* – дочь (дочь), *жаницов* – жнецов (жнецов), *завем* – зовѣм (зовѣм), *нацевать* – ночевать, *наслы* – послы, *схади* – сходи, *сгаворись* – сговорись и др.,

(2) в приставках и предлогах:

атдохни – отдохни, *дажда* – дожидает, *накажись* – покажись, *нанеси* – понеси, *сабрались* – собрались, *сагреть* – согреть, *сашли* – сошли, *ва весь рос* – во весь рост, *са христом* – со христом,

(3) в местоимениях:

аны – оны (они), *мѣя* – моя, *твѣя* – твоя, *с тѣбой* – с тобой, *с сѣбой* – с собой.

Приведенные примеры демонстрируют яркую фонетическую особенность заонежских говоров, лексикализация которой проявляется исключительно редко. При возникновении новой лексической единицы требуется не только ее географическая ограниченность, но и разрыв системных связей хотя бы на одном уровне. В настоящее время отмеченную особенность заонежского говора можно отнести к редким, сохраняющимся в речи единичных носителей архаического слоя диалекта. Однако зафиксирована лексикализация указанных явлений в словаре, СРГК приводит следующие слова, отражающие переход [е] > [ʲа]:

ля́нник ‘поле для льна’, *ля́шать* ‘вспахивать полосу земли’, *мя́довик* ‘гнездо диких пчел с сотами’, *мя́дра* ‘нижня губчатая или пластинчатая часть шляпки гриба’, *ня́котъ* ‘коготь’, *окля́ять* ‘прийти в хорошее состояние (о цветах, растениях)’, *поля́мешать* ‘испугаться’ [текст «Увидела я медведя, поля́мешала, побежала метью»] иллюстрирует более точное толкование – ‘побежать’, ср. *лемешить* ‘идти частыми мелкими шажками, семенить’ Петрозав. Олон., *пья́кло* ‘лопата, которой сажают пироги в печь’, *пья́тун* ‘петух’, *пья́тушок* ‘иван-чай’, *стья́нуть* ‘постирать’, *рья́вить* ‘громко кричать, плакать’, *мя́тла* ‘травя’ – с пометой Медв., *дя́нник* ‘загон для скота в поле или в лесу’ (в статье «Дѣнник») Кондоп., ‘мелкий кустарник’ Медв., *рья́шить* ‘сломать, поломать, исковеркать, привести в негодность’ Кондоп.

Не случайно более широко известно название *тя́стенники* ‘регионально-групповое прозвище жителей Заонежья’ Медв., Прион., наряду с *тѣстенники* Медв. Каждый из приведенных вариантов имеет исходное слово (*ленник*, *лешить* и т. д.) той же или близкой семантики, бытующее на более широкой территории.

Единиц, отражающих лексикализацию перехода [о] > [ʲа], в СРГК отмечено значительно меньше:

бра́дница ‘та, которая ходит пешком’, *ва́ложный* ‘приготовленный на масле, жирный’, *бора́ница* ‘борона’ – Медв., ср. *бродить*, *воло́жный*, *борони́ца*; сюда

примыкает *брáзды* ‘часть упряжи, удила’ – Кондоп., ср. *брóзди*.

В «Отчете о поездке в Олонецкую губернию летом 1886 года» А. А. Шахматов касается причин переноса ударения на первый слог:

«Хотя влияние городских диалектов оказалось незначительным, но зато здесь пришлось встретиться со значительным влиянием на русские говоры соседних финских наречий, сказавшимся не только в заимствованных словах, но главным образом в передвижении ударения на финский лад. На всем западном берегу Онежского озера сказывается сильное влияние финнов» [14: 760].

В курсе лекций по диалектологии в 1919 году при рассмотрении темы «Смешение и скрещение языков» А. А. Шахматов среди прочих приводит пример влияния карельского языка, имеющего в своей системе гласных дифтонги, на русский, обусловленного переносом ударения с конечного на начальный слог и изменением гласных [e] и [o]: *нэсу* > *нэсу* > *нэсу*; *тáпор* > *тáпор* > *тáпор* [15: 35]. Исследователь отмечал сильное, даже разрушительное действие на звуки и формы языка, какое оказывает «влияние соседних языков через посредство возникающей в результате тесного с ними общения двуязычности» [15: 34]. При четкой аргументированности и обоснованности положений, выдвинутых А. А. Шахматовым, отметим, что при анализе акцентуации частной диалектной системы говоров Заонежья, проведенном А. В. Тер-Аванесовой в 80-е годы XX века, обнаружены признаки весьма архаичного ударения «кривичского типа»², что говорит не столько о неизменном интересе к говорам Заонежья с их сложной историей, сколько о необходимости их дальнейшего изучения.

ЗАМЕНА СРЕДНЕЯЗЫЧНОГО СОГЛАСНОГО В АНЛАУТЕ

В 60-е годы XX века Т. Г. Доля, изучавшая говоры Заонежья, записала произносительные варианты известных слов и форм:

гесь ‘есть, имеется’: *Дóхтур гóварит, балéсь грудная гесь*. Типиницы; *гыздить* ‘ездить’: *Нивéста гыздит по гастям, на парóды. Жених тоже гыздиу в госте. За нивестай гыздили пóездом. Гыздя с пíснямы*. Великая Нива; *Гóварит, загидям здись в диревню*. Волкостров³.

Здесь отражена яркая диалектная особенность – переход [j] в [г’] в начале слова, который обычно считают следствием взаимодействия русских с прибалтийско-финским населением, предположительно с вепсами [12: 43]. В живой речи русскоговорящих вепсов употребительны слова *гесли, гящик, гюбка, Гюрьев день* (ср.: если, ящик, юбка, Юрьев день), и, как подчеркивают исследователи, «это правило распространяется и на те диалекты и говоры, которые на вепсской почве характеризуются протезой d’» [12: 43]. Звук [j] в начале слова – «один из наиболее ярких диалектных маркеров на уровне фонетики вепсского языка» [5: 72]. Его рефлекс четко очерчивают

ареалы вепсских говоров: на юго-западе сохраняется исконный [j] – *järv*, на севере на его месте возникает палатализованный [d’] – *d’ärv*, на востоке палатализованный [g’] – *g’ärv* [5: 72].

Влияние вепсского языка обнаруживается в наличии [д’] и [г’] на месте [j] в русской диалектной лексике, в частности в лексемах *дес* и *згыздо* / *сгыздо*, имеющих единый исконный корень *-езд-*. Ср. лексикографические данные: *езд* ‘наклонный настил из бревен, ведущий на второй этаж хозяйственной части дома’ Кондоп., Медв., Пуд., Выт., вариант *ездó* Пуд.; *дес* ‘бревенчатый настил для въезда на сарай’ Медв.; *згыздо* ‘то же’ Пуд.; *сгыздо* ‘пологий настил, помост, по которому завозили сено в сарай’ Карг. Последние две лексические единицы представляют собой варианты исходного слова *сьездó* Лод., Подп., Тихв., Выт., Плес., в которых в начале корня после приставки используется [г’] вместо [j], что говорит о распространении данного явления на Юго-Восточное Обонежье, включая Лачскую группу говоров. Ср. сведения карты 71 «j / g’ / d’ в начале слова», указывающей на ограниченность данного явления районом южнее Онежского озера [5: 202–204]. В слове *дес*, помимо оглушения и сокращения конечного сочетания *-зд > -ст > -с*, отражена незакономерная мена [j] ~ [д’]. Надо полагать, что данный процесс произошел параллельно с меной [j] ~ [г’] и независимо от нее.

ИЗМЕНЕНИЕ ОДИНОЧНЫХ СОГЛАСНЫХ

Из других явлений незакономерного характера, возникших, возможно, не без влияния иноструктурного языкового окружения, отметим следующие: отпадение начального согласного *в-*: *аранíка* ‘название ягоды и растения’ Медв., ср. *воронíка, веронíка* ‘ягода семейства ворониковых’ Кем.; мена глухих и звонких звуков [б] и [п]: *белькúша* ‘керосиновая лампа без стекла’ Медв., ср. *пилькúша* ‘самодельный светильник’ Оят. Ленингр., Новг.; наличие мягкого согласного на месте твердого: *бяля* и *бáло* ‘приспособление для изготовления полозьев’ Медв.; твердого на месте мягкого: *задлáться* ‘затянуться во времени’ Кондоп., ср. *задлэ́ться* в близких значениях Медв., Пуд., *лаговíна* и *ляговина* ‘топкое болото’ Медв., ср. *ляговíна* Люб. Новг., Онеж. Арх., *макотя* ‘несообразительный, неловкий человек’ и *мякóтя* ‘о пьяном’ Медв.; *брудга* ‘подружка невесты’ Медв., ср. *брудга* ‘в свадебном обряде родственница со стороны жениха’ Кондоп., Медв., *закотóмки* ‘о парочках влюбленных’, ср. *закотéмки* ‘темный, укромный уголок’ Медв. и др.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ В АНЛАУТЕ

Влияние неродственного иноязычного окружения в области фонетики обнаруживается в лексикализации некоторых явлений, обусловленной

особенностями финно-угорской системы. Например, отмечается упрощение консонантного сочетания в начале слова до одного звука:

верибой 'растение зверобой' Кондоп., ср. *зверобой*; *лыска́ться* 'медленно двигаться, плыть' Медв., ср. *блыска́ться* 'бродить, слоняться без дела, шляться, бродяжничать' Преил. Латв. ССР; *ло́чка́ть* 1. 'наносить удары, побои; бить, избивать' Медв., Прион., ср. *кло́чка́ть* 'ударять, бить' Медв.; *рути́ть* 'ронять, неожиданно выпускать из рук' Медв., ср. *крути́ть* (в руках); *ря́чкнуть* 'хрустнуть, хрупнуть (о кости)' Медв., Пуд., ср. *хря́чкнуть* 'издать звук, шелкнуть, хрустнуть' Медв.; *ля* усилит. част. 'служит для выражения удивления, восторга, сообщая эмоциональную окраску высказыванию; ведь' Медв., ср. *гля* междом. 'возглас при неожиданном узнавании' Пск. Пск., *гляй* междом. 'приглашение посмотреть, обратить внимание на что-н.; гляди, посмотри.' Кем., *гляй-ка* 'то же' Медв.; *ря́снуть* 'загремять, грохнуть, ударить (о громае)' Медв., Кондоп., ср. *хря́снуть* 'ударить с силой' Выт. Волог.; *ря́жа* 'длинная палка с привязанным на конце камнем, служащая грузом для рыболовной сети' Медв., Кондоп., ср. *гря́жать*, ср. *гря́жась* 'погружаться во что-н. топкое, вязкое; вязнуть' Медв.; *ро́гать* 'задевать, обижать, оскорблять, беспричинно кого-н.' Кондоп., ср. *тро́гать* разг. 'беспокоить, задевать, обижать'.

Приведенные данные, за исключением первого примера, демонстрируют преобразование сочетаний согласных, заканчивающихся плавным звуком, что указывает на действие закона восходящей звучности, который действовал в русском языке до падения редуцированных гласных.

гверст- и *грест-*

В группе родственных лексических единиц, в которую входит как основное слово *гверста́*, произошло неодинаковое преобразование консонантного сочетания в начале слова: 1. Происходит упрощение сочетания за счет исчезновения первого звука, *гв-* > *в-*: *верста́* 'мелкий камень, щебень; дресва', широко отмеченное в севернорусских говорах, представлено в Заонежье и Восточном Обонежье: *верста́* 'мелкодробленый камень, дресва' Медв., Пуд., ср. *гверста́* 'мелкий камень, щебень; дресва', широко известное псковским, новгородским, а также мурманским и некоторым западным говорам Архангельской и Вологодской областей. Вариант *дверста́* 'измельченный камень, крупный песок, используемый для очистки деревянных поверхностей' Карг., Леш., Мез., Нядн., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм., Шенк. Арх., по всей вероятности, следует рассматривать как вторичную лексическую единицу, отражающую мену [г] ~ [д]. В описываемой зоне представлены единицы, образованные от *верст-*: ср. варианты названия камня, легко поддающегося дроблению, – *ве́рстеник* Медв. *ве́рсеник*, *ве́рсник* Медв., Пуд. и *гве́рстеник* Медв., Пуд., 'рассыпчатый, легко поддающийся дроблению (о камне)' – *версли́вый*, *верстли́вый* Медв. и *гверсли́вый* Медв., *гверстли́вый* 'то же' Медв. Карел., Остр.,

Н.-Сок., Н.-Рж., Оп., Пск., Пуст. Пск. Данное изменение охватывает в основном территории с прибалтийско-финским населением, живущим бок о бок с русскими. О форме *верста́* А. И. Попов писал, что «можно быть уверенным в наличии финно-угорского фонетического воздействия, и действительно это областное слово олонечского происхождения родилось в непосредственном окружении со стороны карел и вепсов» [11: 14]. 2. Можно предположить, что преобразование корня *гверст-* (если именно его считать первоисточником) в *грест-* произошло более сложным путем – упрощением группы согласных и последующей метатезой (?). В говорах Заонежья отмечено слово *рестли́вый* 'легко разрушающийся от удара, хрупкий' Медв., ср. *грестли́вый* 'с мелкими камешками, гверстливый' Пск. Пск. Здесь отражается изменение *гр-* > *р-*, что имело место на начальном этапе, если принимать во внимание новонемецкое *Gries* 'дресва', древненемецкое *Grios* 'дресва' [11: 14], оставившее о себе память в заонежском слове, подвергшемся прибалтийско-финскому влиянию. Наиболее близким к германским словам является лексика данного семантического звена: *гресва́* 'песчаная земля с галькой' Сузун. Новосиб., *грества́* 'дресва, крупный песок, мелкий щебень' Великолукск. Пск., Мещов. Калуж., Твер., Пск., *грества́* 'мелкие осколки камня, дресва' Вл., Кун., Локн., Холм. Пск., *грестви́вый* 'имеющий способность распадаться на мелкие камешки, дресву' Пск., Осташк. Твер., *гверствя́ный* 'то же' Кун. Пск. и 'содержащий крупный песок, мелкие камешки' Вл. Пск., *грестли́вый* и *грестля́вый* 'с мелкими камешками, гверстливый' Пск., *гряства́* 'крупный песок из развалившихся под действием жары и воды камней' Мар., Молв. Новг. В данных словах отражается «значительное сходство с соответствующими иноязычными словами, не будучи, однако, заимствованиями в прямом смысле слова» [11: 14].

Освещая вопрос о фонетических изменениях при вхождении прибалтийско-финской топонимии в русскую в пределах Заонежья, И. И. Муллонен приводит примеры преобразования одиночных согласных в консонантные сочетания под воздействием *tt*-структуры русского анлаута, которая, по предположению исследователя, «провоцирует появление звуко сочетаний *пл-, кл-, др-, гл-* в адаптированных прибалтийско-финских топонимах с инициальным одиночным согласным» [9: 286]:

Пламбина Ламбина (< кар. *lambi* 'лесное озеро') в Толвие, *Климнос* в Толвие и *Климмох* в Кузаранде (< *kim, kiim* 'токовище'), *Хмелезеро* < **Melajärvi* (*mela* 'кормовое весло') и др. [6: 286]. См. также [8: 177].

Приведенные в данной работе материалы, лишь частично представляющие своеобразие заонежского говора, подтверждают наблюдения В. Н. Майнова:

«Заонежанин и говорит-то не так, как вообще северяк, многое сохранил он из древненовгородского наречия, кое-что прихватил от всяких соседних “детей корельских”, и потому его говор сейчас узнаешь и отличишь заонежанина в толпе русских крестьян» [7: 89].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наряду с топонимией, богатейшая лексика говоров Заонежья, отражающая разные исторические пласты, с одной стороны, хранит интересные в этимологическом отношении корни, с другой – содержит инновационные единицы, возникшие на собственно русской основе, но изменившиеся под влиянием соседней иноструктурной – в данном случае прибалтийско-финской – языковой систе-

мы. Как показывает материал, лексикализация фонетических явлений происходит прежде всего при перестройке анлаута.

Представленный в данной работе материал показывает своеобразие заонежского диалекта как уникальной языковой системы, в которой проявляется тесная взаимосвязь единиц фонетического и лексического уровней. Такие явления, как заонежское «яканья» (ляпанье), мена звуков, ликвидация среднеязычного начального согласного, упрощение консонантных сочетаний в анлауте, обусловленные длительным сосуществованием русского и прибалтийско-финских народов, выделяют говор Заонежья на общесевернорусском фоне.

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2019 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Помимо СРГК используются материалы других известных диалектных словарей без ссылки на них, с сохранением географических помет. Примеры приводятся без указания источника.

² Тер-Аванесова А. В. Акцентуация частной диалектной системы: (Говоры Заонежья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. С. 20.

³ Доля Т. Г. Пословицы и поговорки, записанные в Заонежье КАССР. Словарь. Записи 60–70-х гг. XX в. Рукопись. Хранится на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, [1969]. С. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардентов Б. П. К изучению заонежского диалекта // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Кишинев, 1955. Т. X. С. 73–89.
- Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Северно-русские говоры. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. Вып. 3. С. 206–213.
- Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // Советская этнография. 1985. № 6. С. 28–37.
- Гринкова Н. П. К изучению олонечских диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 365–392.
- Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 395 с.
- Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53–58.
- Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1874. 215 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/natural/pojezdka/text.pdf> (дата обращения 11.09.2019).
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
- Муллонен И. И. Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Заонежья // Slavica Helsingiensia 27. The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Ed. by Juhani Nuorluoto. Die Slavisierung Nordrusslands. Mechanismen und Chronologie. Hrsg. von Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 283–293.
- Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
- Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. 134 с.
- Суханова В. С., Муллонен И. И. О г-протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 1986. С. 38–45.
- Шахматов А. А. Отчет об этнографической поездке в Олонечскую губернию // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 758–759.
- Шахматов А. А. Отчет о поездке в Олонечскую губернию летом 1886 г. // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 760–762.
- Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 264 с.

Поступила в редакцию 02.10.2019

Lyubov P. Mikhailova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

BALTIC-FINNISH PHONETIC COMPONENT IN THE LEXIS OF THE ZAONEZHYE DIALECTS*

The article presents the main features of the dialect of the northern part of Lake Onega coast (Zaonezhye), which reflect the complex history of this territory settlement and the formation of a regional dialect system. It describes the phonetic phenomena that developed under the influence of the Baltic-Finnish languages: recessive shift of stress, accompanied by a change of first syllable vowels (such as *lyázhit* < *lezhit*, *s táboy* < *s tobóy*); transition of [j] into [g'] [d'] at the beginning of a word (*gízdit'* < *yezdit'*, *des* < **dez* < *yezd*); simplification of consonant combinations (*gverstá* > *verstá*, *greslívij* < *reslívij*) and others. The article focuses on the lexicalization of certain phonetic phenomena, dialect words existing only in the Zaonezhye dialects.

Keywords: Zaonezhye dialects, lexicalization of phonetic phenomena, language contacts

* The study is carried out as part of the 2019 Development Program for PetrSU as a pillar university.

Cite this article as: Mikhailova L. P. Baltic-Finnish phonetic component in the lexis of the Zaonezhye dialects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.399

REFERENCES

1. Ardentov B. P. The study of the Zaonezhye dialect. *Proceedings of Kishinev State University*. 1955. Vol. X. P. 73–89. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The history of the Zaonezhye dialects formation. *Northern Russian Dialects*. Leningrad, 1979. Issue 3. P. 206–213. (In Russ.)
3. Gerd A. S., Lutovinova I. S., Mikhailova L. P., Rozhdestvenskaya T. V. Ethnic history of the Russian North in the works of linguists and some issues of the ethnogenesis theory. *Soviet Ethnography*. 1985. No 6. P. 28–37. (In Russ.)
4. Grinkova N. P. Study of the Olonets dialects. *A. A. Shakhmatov. 1864–1920: Collected articles and materials*. Moscow, Leningrad, 1947. P. 365–390. (In Russ.)
5. Zaitseva N. G. Essays on Vepsian dialectology (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk, 2016. 395 p. (In Russ.)
6. Kolesov V. V. Phonetic conditions of “yakanye” in the Zaonezhye dialects. *Russian dialects. The study of phonetics, grammar, vocabulary*. Moscow, 1975. P. 53–58. (In Russ.)
7. Mainov V. N. A journey to Obonezhye and Korela. St. Petersburg, 1874. 215 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/natural/pojezdka/text.pdf> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
8. Mullonen I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 242 p. (In Russ.)
9. Mullonen I. I. Phonetic integration of Baltic-Finnish toponymy into the Russian toposystem of Zaonezhye. *Slavica Hel-singiensa 27. The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. (Juhani Nuorluoto, Ed.). Helsinki, 2006. P. 283–293. (In Russ.)
10. Myznikov S. A. Words of the Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the north-west: Etymological and linguo-geographical analysis. St. Petersburg, 2004. 492 p. (In Russ.)
11. Popov A. I. The history of the lexis of the eastern European languages. Leningrad, 1957. 134 p. (In Russ.)
12. Sukhanova V. S., Mullonen I. I. Prosthetic g in the Russian dialects of Karelia. *Northern Russian dialects in a foreign language environment*. Syktyvkar, 1986. P. 38–45. (In Russ.)
13. Shakhmatov A. A. Report on a trip to the Olonets province in the summer of 1886. *Folklore heritage of A. A. Shakhmatov*. (V. I. Eremina, Prep., Comm., Foreword). St. Petersburg, 2005. P. 758–759. (In Russ.)
14. Shakhmatov A. A. Report on a trip to the Olonets province in the summer of 1886. *Folklore heritage of A. A. Shakhmatov*. (V. I. Eremina, Prep., Comm., Foreword). St. Petersburg, 2005. P. 760–762.
15. Shakhmatov A. A. Russian dialectology: lectures (B. A. Larin, Ed.). St. Petersburg, 2010. 264 p. (In Russ.)

Received: 2 October, 2019

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТЕНЕВ
 доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета
 Воронежский государственный университет (Воронеж, Российская Федерация)
superbia@mail.ru

МИФ О К. Н. БАТЮШКОВЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1970-х – 2000-х ГОДОВ*

Рубеж XX–XXI веков в русской поэзии – период активного пересмотра параметров поэтического текста, при этом в дискуссиях о поэзии важную роль имеет взаимодействие с литературным канон. Разделенность русской литературы XX века на советскую и эмигрантскую, подцензурную и неподцензурную обусловила появление целого ряда альтернативных прочтений классики. Восприятие К. Батюшкова является одним из самых показательных примеров такого рода. В статье исследуются варианты взаимодействия поэтов 1970–х – 2000-х годов с батюшковским мифом. Обобщая наблюдения, можно отметить несколько общих принципов рецепции творчества К. Батюшкова в русской поэзии: неразделимость биографических свидетельств о поэте и его текстов; опосредованность восприятия творчества К. Батюшкова актуальным для современного поэта кругом литературных ассоциаций; включение батюшковского мотивного ряда в собственный эстетический код. Установлено, что в рецепции творчества К. Батюшкова существуют четыре продуктивные линии: Батюшков оказывается первообразом поэта как такового, рассматривается как «пограничная» фигура, посредник между земным и запредельным; в некоторых контекстах он интерпретируется как поэт-«путешественник»; с его «пограничностью» соотносятся также мотивы смертности и «реинкарнации» поэтического слова. В новейшей поэтологии «русский Гельдерлин», таким образом, становится важной фигурой, не только и не столько культурным мифом о «поэте-безумце», сколько значимостью феномена «другого канона».

Ключевые слова: К. Батюшков, современная русская поэзия, художественная рецепция, литературный канон, поэтология, миф

Для цитирования: Житенев А. А. Миф о К. Н. Батюшкове в русской поэзии 1970–х – 2000-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.384

ВВЕДЕНИЕ

В русской поэзии 1970-х – 2000-х годов проблема взаимодействия с литературным каноном – одна из наиболее сложных. Разделенность русской литературы XX века на советскую и эмигрантскую, подцензурную и неподцензурную обусловила появление целого ряда альтернативных прочтений классики. Начиная с рубежа 1980–1990-х центробежные процессы в литературном поле принимают необратимый характер, и «взаимосвязь разных ценностных построений» в нем предстает как «множество неупорядоченных <...> позиций» [3: 59–60]. Канон перестает быть «твердым», подвергается переоценке и переоформлению [9: 25]. В то же время стремление писателя к самолегитимации в условиях кризиса ценностей делает неизбежной апелляцию к классике как набору эталонов, определяющих «правильность литературной коммуникации» [5: 9]. Стремление к деидеологизации канона определяет появление многочисленных «личных» прочтений, в которых «многозначность классических текстов позволяет актуализировать их “боковые” смыслы» [11: 79]. Фигуры из литературного канона оказываются вовлечены

в разнонаправленные процессы «антитетического дополнения», «движения к персонализованному контр-возвышенному» и др. [1: 18]. Интерпретация поэтических фигур рубежа XVIII–XIX веков в этой связи представляет особый интерес, поскольку осуществляется в режиме «редактирующего» чтения, преодолевающего одни культурные стереотипы ради закрепления других. Восприятие К. Батюшкова в русской поэзии 1970-х – 2000-х годов является одним из самых показательных примеров такого рода, отчетливо выявляющих взаимосвязь процессов «канонизации» с герменевтическим горизонтом эпохи.

В рецепции К. Батюшкова в литературе конца прошлого века можно отчетливо выделить два полюса. С одной стороны, он воспринимается как архаическая фигура, почти вытесненная из литературного сознания более поздними авторами. К. Кобрин пишет в этой связи о его заслоненности А. Пушкиным: «В год своего двухсотлетнего юбилея наш герой уже окончательно перешел из категории звезд в категорию спутников»¹. В Шубинский отмечает его вытесненность О. Мандельштамом:

«Я помню, как <...> один из моих друзей недоуменно спрашивал меня: “Вот ты говоришь – почитай Батюшкова, он повлиял на Мандельштама... Но зачем мне какой-то древний Батюшков, если есть Мандельштам?”»²

С другой стороны, для авторов, представляющих неподцензурную литературу, К. Батюшков кажется фигурой, недостаточно освоенной официозом и потому ценной, представляющей «другой канон». О личностном «переоткрытии» Батюшкова пишет В. Шаламов:

«Только взрослым мне удалось <...> понять его удивительную допушкинскую власть над словом – более свободную, чем у Пушкина, более необузданную, хранящую самые неожиданные открытия»³.

Своей историософичностью К. Батюшков оказался дорог В. Кривулину:

«Батюшков сжигает свою библиотеку <...> и эта первая его – предромантическая! – любовь к истории <...> которая ничем никогда не кончается <...> Но когда язык проваливается в бездну – слаще этого нет ничего»⁴.

Между полюсами отчуждения и пристрастного чтения пролегает большое поле, образованное примерами рецепции, зависимой от литературных и биографических стереотипов. Оно предполагает апологетическое, но «отредактированное» прочтение. Самая показательная здесь фигура – А. Кушнер, который в эссе о поэте прямо говорит о перспективности редукции его лирики к отдельным формулам:

«Некоторые строки Батюшкова, утопающие в его длинных стиховых периодах, хочется вытащить и спасти от забвения. Кажется, дойди он до нас в чужих текстах разобранным на цитаты <...> мы в своем воображении представили бы себе ни с чем не сравнимые, гениальные стихи»⁵.

В общих чертах логика художественной рецепции К. Батюшкова в XX веке уже описана исследователями, и наша работа имеет своей целью дополнить картину. В дальнейших рассуждениях особенно важны будут для нас три наблюдения.

В. Кошелев, характеризуя восприятие поэта в XX веке, отмечает интерес к скрытому драматизму лирического переживания:

«Оказалось, что знаменитая гармония была чревата внутренней дисгармонией, тревогой и душевной неустроенностью, неприкаянностью, а “осязательная нега наслаждения” стала знаком грядущей беды» [7: 17].

Исследователи батюшковского интертекста в поэзии XX века указывают на его синтетический характер. Н. Богомолов, комментируя стихотворение О. Мандельштама, замечает: «Батюшков у Мандельштама, как нам представляется, не только реальный Батюшков, но и не только обобщенный образ поэта, а имя, содержащее рефлекс самых различных творческих систем» [2: 107]. Та же логика синтеза разных контекстов выявлена А. Сергеевой-Клятис у М. Цветаевой: «Итак, центральный образ цветаевского текста многослоен <...> это Байрон, Чайльд-Гарольд,

Батюшков, Пушкин, Одиссей, братья Эфрон» [14: 36].

Важным является также наблюдение М. Пономаревой, отметившей первичность литературного мифа в рецепции К. Батюшкова и его выстраивание вокруг нескольких образных доминант:

«Ядром... культурного мифа о поэте становится факт его безумия. В анализируемых нами текстах можно выделить <...> мотивы, отсылающие к творчеству Батюшкова <...> мотивы, отсылающие к факту участия поэта в войне <...> мотив безумия» [10: 268].

Принимая во внимание три указанных факта: прочтение батюшковской поэзии сквозь призму категорий неклассического сознания, внимание к архетипу «безумного поэта», опосредованность восприятия множеством различных литературных отсылок, – необходимо отметить линии рецепции, ускользнувшие от внимания исследователей. Во-первых, одним из константных мотивов поэзии 1970-х – 2000-х годов является такое восприятие поэзии Батюшкова, когда она обретает способность представлять за всю поэзию сразу, а образ Батюшкова оказывается первообразом поэта как такового. В стихотворении А. Белякова фамилия поэта актуализирует мотив наследования:

Безумный Батюшков и Матушков-Саями
Плечами ватными мне небо заслоняли.
Плутая пальцами в лесу лилейных риз,
Я слушал Батюшкова, Матушкова грыз⁶.

В тексте А. Метелькова Батюшков и Пушкин – архетипические фигуры поэзии:

неспроста набивают подушки пером
сон и пушкин и батюшков
но не вырубишь из себя топором
прораставших сквозь сон стихов⁷.

Универсализация образа поэта связана с переживанием уязвимости привычного жизненного строя в контексте традиции, в которой поэзия выступает способом ощутить связь с хаотической основой мира.

В стихотворении Ю. Немировской имя Батюшкова появляется в контексте размышлений о хрупкости человеческих связей:

Вот, милый Батюшков,
Прожили жизнь без натуги
Нынче смерть друга – напоминанье о друге⁸.

У Г. Кружкова образ Батюшкова связан с пробуждением от иллюзорного к подлинному бытию, обогащенному знанием трагического характера мироустройства:

Не я – к тебе, но ты ко мне вернулся –
сказать, что море зла безбрежное кругом,
что век наш – краткий миг,
что мир наш – скорбный дом...

...Чтоб я тебе поверил – и проснулся⁹.

С представлением об особой восприимчивости К. Батюшкова к хаотической стороне мира

связана, во-вторых, его трактовка как посредника между земным и запредельным, обреченного в силу своей роли медиума утрачивать и субъектность, и идентичность.

Воспоминание о Батюшкове в стихотворении Е. Шварц – повод осмыслить утрату власти над полнотой творческих сил и собственной исключительностью из бытия:

Казалась жизнь тесна,
А вот висит свободно,
Нет листьев у меня,
А ворон был мне брат.
О Батюшков, тебя, безумного, сегодня,
Разумная, тебя я вспомню, как помнит все вода.
Венера мне не сестр, а спицею холодной
На древо знания прищиплена звезда
Полярная – как ягоду, как яблок,
Я съем ее сегодня всю¹⁰.

Батюшков как герой потустороннего пространства – персонаж стихотворения Н. Кононова:

И мрачные загадки боли головной
на поводке коротком Турандот выводит
На зарево за городом глазеть.
Склони свой стебель, молодой трубач,
За ширмой горизонта, тебя никто не слышит,
цветик дорогой...
Там косит Батюшков густой болиголов,
табак-табак и коноплю с махоркой...¹¹

В еще одной интерпретации безумие Батюшкова рассматривается как знак обращенности к «иным просторам», вырывающим из земных связей и смыслов. В тексте Б. Рыжего судьба Батюшкова, воспринятого «телесно и ошутимо»¹², предстает как пример разрушительной работы поэзии:

Едва ль на свете есть печальнее судьба
– последняя всегда уныла –
друзей своих забыть, врагов, сойти с ума,
как это с Батюшковым было.
История, страна – всё страх и нищета.
«Лишь угли, прах и камень горы».
Так книга падает из рук – душа пуста.
Верней, иные зрит просторы¹³.

В тот же смысловой ряд можно поместить и стихотворение А. Таврова о Батюшкове:

Он ходит как бумажный человек
невыплаканный яблочный убитый¹⁴.

Возможность иносказательной интерпретации безумия присутствует и в других текстах «батюшковского мифа». К нему, в частности, имеют отношение несколько пассажей из романа А. Ильянена «И финн» (1997), где писательство сближено с юродством:

«Вспоминая рассуждаю же <...> и о таком пути: признании себя или не признании <...> сумасшедшим. <...> Да: Батюшкова уход в сумасшедшие – такой же подвиг. Как и любой другой. <...> Писать – добровольный акт безумия. Отречение от т. н. “ума” ради чего-то более высокого»¹⁵.

Переоценка известных деталей отличает и другие прозаические тексты, посвященные фигуре поэта. Типологически значимой является интерпретация Г. Шульпякова, предложившего взгляд на Батюшкова как на «русского Одиссея»:

«Один из первых странников от русской словесности, Константин Батюшков, первым вернулся из странствия – и первым не узнал отчизны. Его Одиссей, преодолев превратности судьбы, сидит на мокрых камнях родной гавани, но причал все так же пуст и никто не приходит навстречу»¹⁶.

Батюшков-странник, Батюшков – открыватель новых областей еще одна продуктивная возможность мифотворчества. С ней в посвященных поэту текстах связан мотив преждевременности художественного открытия. Характерно в этом отношении стихотворение В. Жука, в котором батюшковское посещение Англии проецируется на потерянность современного лирического субъекта:

А Батюшков стоит на корабле,
прощай, обманный берег Альбиона.
Ни разума, ни света, ни закона
в грядущей вологодской мгле.
<...>
Кому медовые ковриги.
Кому пудовые вериги.
А я?¹⁷

Открытие моря как эстетической реальности в русской поэзии связывает с К. Батюшковым А. Кушнер:

Кто первый море к нам в поэзию привел
И строки увлажнил туманом и волнами?
Я вижу, как его внимательно прочел
Курчавый ученик с блестящими глазами¹⁸.

Переоткрытие прошлого, в том числе поэтического, – один из самых продуктивных сценариев появления «нового» в современной литературе, и внимание к допушкинской эпохе, воспринимаемой как период, предшествующий оформлению системных связей русской литературы, вполне объяснимо. «Аналитическое» чтение в этом отношении столь же характерно, как и чтение «редактирующее». В уже цитированном эссе В. Шубинского есть показательная оценка: «Очень полезно, пока XVIII и XIX век “под паром” и инерция читательского восприятия отключена, поднять престиж допушкинского периода русской литературы»¹⁹. Это пребывание «под паром» объясняет еще один соотносимый с «батюшковским мифом» мотив, четвертый, – мотив смертности поэтического слова.

В лирике О. Юрьева есть стихотворение с батюшковским эпиграфом, мотивы которого представляют собой «амальгаму» из мотивов Г. Державина и К. Батюшкова. В нем «холод» российских реалий связывается с «осыпанием» поэтических записей, но «знобкие музы» способны преодолеть «оледенение», подарить надежду:

попросить у сонных мурз
сердцу вылечить озноб
пожелать у знобких муз
в спелом небе белый сноп белый сноп²⁰.

Та же логика возрождения в гибели, возвращения слова через молчание реализуется в еще

одном стихотворении с батюшковским эпиграфом – у А. Пурина:

Дремотное баюканье олив,
благотуханье рая...
Но Время, и богов испепелив,
течет, играя.

Субстанции властительнее нет,
неумолимей, неу-
ловимей! Твоему, поэт,
Оно сродни напеву²¹.

Не все варианты рецепции творчества К. Батюшкова связаны с описанными мотивами. В русской поэзии 1970-х – 2000-х годов есть и примеры текстов, в которых образ поэта выстраивается по иным моделям. Это стихотворения, посвященные К. Батюшкову, созданные О. Чухонцевым, Г. Айги, Л. Лосевым. Почти все они оказались рассмотрены критиками, но на некоторые значимые детали следует указать.

Стихотворение Г. Айги «Дом поэта в Вологде» (1966) строится на сопряжении конкретного («дом в Вологде») и универсального («дом поэта») через свидетельство-размышление современника: тексту предшествует цитата из стихотворения П. А. Вяземского, и портрет поэта строится как созданный световыми эффектами, возникающий в разрывах зримого:

а рядом – шелка окружение:
разорванного будто в смеси –
сияния его
и дрожи:
непрекращаемой: виска –
лицо меняющей
как в ветре –
в сиянии шелка – словно облика:
из праха! –
сущего:
всего²².

Лицо-«драгоценность», созданное «сиянием» и «дрожью», преподнесено как видение; контакт с ним истолкован как «эпифания», чудо. В других текстах Айги, посвященных историческим фигурам, точкой отсчета нередко оказывается конкретное биографическое событие. Если этот ход реализуется и здесь, можно предположить, что акцент на лице будет связан с какими-то биографическими свидетельствами. Несколько свидетельств, связанных с мотивом «лица без лица», приведены в книге Л. Н. Майкова. Самый характерный пример – выдержка из воспоминаний Н. Берга:

«Как ни вглядывался я, никакого следа безумия не находил на его <...> лице. <...> Это совершенная молния: переходы от спокойствия к беспокойству, от улыбки к суровому выражению чрезвычайно быстры. <...> В одну из <...> минут <...> мне пришло в голову срисовать его сзади. Я подумал: это будет Батюшков, без лица, обращенный к нам спиной...»²³

В той же книге на правах приложения приведена «Записка» доктора А. Дитриха, который упоминает о том, что Батюшков во время болезни прятал лицо: «Все сегодняшнее утро он провел

в своей комнате, пряча заплаканное лицо в подушки» (Майков: 338).

В качестве еще одного вероятного интертекстуального слоя можно указать на ряд текстов самого К. Батюшкова, разрабатывающих мотив «праха», и прежде всего стихотворение «К другу», в котором «прах» связан с мотивом «онемения»:

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает, –

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погасал,
И музы светлые сокрылись²⁴.

Два стихотворения О. Чухонцева о К. Батюшкове – «Батюшков» (1977) и «Я видел Батюшкова: нервный взгляд...» (1995) – прокомментированы А. Скворцовым. Характеризуя первое из них, критик усматривает его содержание в поэтологической полемике с А. Кушнером:

«Перед нами – скрытое поэтическое соревнование авторов-современников. <...> В первом случае <...> Кушнер утверждает <...> излюбленную мысль о вечном торжестве жизни <...> Во втором изображается жизненный путь поэта, для которого детали бытия перестают существовать» [16: 113].

Соглашаясь со всеми выявленными исследователем контекстами, считаем необходимым указать на еще один, «табачный», позволяющий уточнить смысл стихотворения О. Чухонцева:

Как табак доставал, да кальян набивал,
да колечки пускал в потолок.
На атласе курил, по шелку рассыпал
кучерявый со сна хохолок²⁵.

Этот «табачный» контекст, связанный с культурными коннотациями курения как медиативного занятия, появляется в письме К. Батюшкова к Н. Гнедичу от 9 августа 1809 года:

«Табак у ожидаю, как цветок росы; если можешь прислать турецкого, хорошего, лучшего, такого, что не стыдно курить в Магометовом раю, на лоне гурий: с аравийским ароматом, с алоем, шафраном, с анемонами, с ананасовым соком...»²⁶

«Воскурившийся» Батюшков О. Чухонцева – не просто отстраненный от мира эпикуреец, но прежде всего человек «золотого века», в котором «табак, пересекая национальные границы, создавал новые культурные стереотипы, напряжение и взаимодействие между которыми отражалось в русской и западноевропейских литературах» [17: 330].

Последний знаковый текст этого периода, посвященный К. Батюшкову, – стихотворение Л. Лосева «Батюшков (Der russische Walzer)» из цикла «Выписки из русской поэзии» (1976–1979). Как и другие стихотворения цикла, оно варьирует мотивы гибельности письма, несвободы поэта. О многих важных для понимания этого стихотворения контекстах убедительно написала А. Сергеева-Клятис, однако ключ к его прочтению ею

все же не был найден. Между тем он существует и, как это бывает с текстами Л. Лосева, связан с конкретными фактами литературного быта [6].

Справедливо указывая, что в стихотворении К. Батюшкова «поэзия, как и искусство вообще, не в силах изменить мир», а спектакль, подготовленный декоратором Пьетро Гонзаго в зимнем парке, является метафорой бессилия искусства, исследовательница исходит из того, что «странное сближение» Гонзаго и Батюшкова – это условность, вызванная уравниванием «русского» и «зимнего» [13]. Между тем и «театральный», и «зимний», и «античный» коды стихотворения могут быть объяснены иначе.

В монографии В. Кошелева, посвященной биографии К. Батюшкова, упоминается о празднестве в Павловске по случаю возвращения из Франции Александра I. В рамках этого праздника была написана «сентиментальная аллегория» «Сцены четырех возрастов»²⁷, одним из авторов которой был и К. Батюшков, в письме к П. Вяземскому от 27 июля 1814 года выразивший неудовольствие по поводу навязанного соавторства:

«Дали мне программу, и по ней я принужден был называть стихи и прозу. <...> Пришел какой-то Корсаков, который примешал свое, пришел Державин, который примешал свое <...> – и изо всего вышла смесь, достойная нашего Парнаса, и вовсе не достойная ни торжественного дня, ни зрителя!» (цит. по: [8: 188–189]).

В письме А. Нелединского-Мелецкого к дочери, цитируемом далее, есть прямое упоминание о П. Гонзаго:

«При приближении императора будут петь мои куплеты, музыка Бортнянского. <...> Потом войдут в Розовый Павильон, по четырем сторонам которого будут четыре возраста <...>. Тут исполнены будут сцены, состоящие из пения и танцев. Музыка Кавоса и Антаноллини, декорации Гонзаго, костюмы русские. Проза и стихи этих сцен сочинены Батюшковым» (цит. по: [8: 189]).

Таким образом, «неожиданное сближение» Батюшкова и Гонзаго объясняется вовсе не широким контекстом Александровской эпохи, а пересечением поэта и художника в рамках одного конкретного литературно-музыкального проекта.

Нет сомнений, что в лосевском стихотворении «образ балета в морозном лесу – метафора русской культуры» [13], но и у этого образа есть конкретное объяснение. В батюшковском тексте «Вечер у Кантемира» «ледяной» код появляется в ситуации, когда русский поэт пытается убедить своих гостей в возможности европейской культуры в России. Более других упорствует в сомнениях Аббат В.:

«Как можно сеять науки там, где осенью серп земледельца пожинает редкие класы на бродях, потом его орошенных; где зимою от холоду чугун распадается и топор жидкости рубит?»²⁸

«Заполярный пейзаж» стихотворения, таким образом, – это увиденная скептиком батюшковская Гиперборея.

Вписывание Лосевым в русские «Сцены четырех возрастов» «Психей и Хлой» объясняется,

кажется, абсолютизацией античного кода К. Батюшковым, в цитировавшемся выше письме избравшем с его помощью даже деревенскую сцену: «Я отворил окно и вижу: нимфа Ио ходит, голубушка, и мычит бог весть о чем; две Леды кричат немилосердно»²⁹.

Отсылкой к батюшковским текстам может быть объяснено и сближение у Л. Лосева «безумия» и «сна»:

Ах, не так ли и Батюшков наш
погружался в безумие спячки?³⁰

Трактовка сна как сугубо «поэтического» состояния может быть возведена к «Похвальному слову»:

«...сон есть признак великого духа и доброй души. Доброй души – ибо сонливый человек неспособен делать зла, которое требует великих усилий, беспокойства и беспрестанной деятельности. <...> ... сон есть стихия лучших поэтов»³¹.

Взаимосоотнесение «безумия» и «сна» может быть объяснено отсылкой к одному из последних стихотворений поэта:

Я просыпаюсь, чтобы заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться³².

Объяснить можно и немецкое название лосевского стихотворения, приведенное в скобках. «Вальцер» – сугубо немецкое изобретение, относимое историками танца к середине XVIII века; широкое распространение вальса связывается с эпохой Венского конгресса [4], что хронологически сопоставимо со «Сценами четырех возрастов». Отсылка к немецкому языку может быть объяснена не только указанием на генезис танца, но и воспоминанием о немецких эпизодах биографии К. Батюшкова, не исключая и немецкоязычные «Записки» доктора А. Дитриха.

«Русским» немецкий Walzer в стихотворении Л. Лосева делают, как представляется, историко-культурные коннотации танца в широком диапазоне от вальса А. Грибоедова до «Русского вальса» Д. Шостаковича [15], а также смыслы, закрепленные за танцевальностью в художественном мире поэта. О них в комментариях к «Опытам в стихах и прозе» написала И. М. Семенко:

«Танец, вернее, “плясовой напев” – одна из моделей батюшковского стиха. И в саму его мечту о прекрасном мире гармонии и счастья входило представление об античном ритуальном танце, как вечном хороводе “муз и граций”» [12: 455].

Название стихотворения Л. Лосева, таким образом, синтезирует разноплановые отсылки к эпохе, биографии и поэтической семантике лирики К. Батюшкова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая наблюдения, можно отметить несколько общих принципов художественной рецепции творчества К. Батюшкова в поэзии 1970-х – 2000-х годов: неразделимость биографического и текстуального, собственно батюшковских текстов и различных свидетельств о нем; синтетич-

ность биографического мифа, его ассоциативная открытость; опосредованность батюшковских стихотворений актуальным для поэта кругом литературных ассоциаций; стремление к репрезентативности аллюзии, к универсализации закрепленного за ней смысла; включение батюшковского

мотивного ряда в собственный образно-ассоциативный код. В новейшей поэтологии «русский Гельдерлин», таким образом, становится фигурой, важность которой определяется не только и не столько культурным мифом о «поэте-безумце», сколько значимостью феномена «другого канона».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в пост-историческую эпоху»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кобрин К. Человек, которому (не) повезло // Октябрь. 1995. № 2. С. 183.
- ² Шубинский В. Наше необщее вчера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2003/9/pashe-neobshhee-vchera.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ³ Шаламов В. Т. Четвертая Вологда // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Автобиографическая проза. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 51.
- ⁴ Кривулин В. Путешествие рядом с Батюшковым // Часы. 1981. № 34. С. 63–64.
- ⁵ Кушнер А. Заметки на полях стихотворений Батюшкова // Новый мир. 2006. № 9. С. 152–168.
- ⁶ Беляков А. Книга стихотворений. М.: ОГИ, 2001. 88 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/belyakov1.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁷ Метельков А. «Ночь-лисица съест луну...». Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/sib/2013/1/m16.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁸ Немировская Ю. Стихотворения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polutona.ru/printer.php3?address=1217003010> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁹ Кружков Г. Кружащийся дервиш. Стихи // Знамя. 2014. № 9. С. 49–54.
- ¹⁰ Шварц Е. Западно-восточный ветер: Новые стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 96 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts2.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹¹ Кононов Н. Пароль. Зимний сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 45.
- ¹² Пурин А. Памяти Бориса Рыжого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/memory.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹³ Рыжий Б. «Вырви из «Знамени» этот листок...». Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/ryzh.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁴ Тавров А. Буква на языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2015_3/Content/Publication6_1352/Default.aspx (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁵ Ильенен А. И финн. Тверь: KOLONNA Publications, 1997. С. 155–156.
- ¹⁶ Шульпяков Г. Странник печального образа [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nov_yun/1996/19/strannik-pechalnogo-obraza.html (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁷ Жук В. Как разумные мерины. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1892> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁸ Кушнер А. Заметки на полях стихотворений Батюшкова // Новый мир. 2006. № 9. С. 167.
- ¹⁹ Шубинский В. Наше необщее вчера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2003/9/pashe-neobshhee-vchera.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ²⁰ Юрьев О. 2009: с марта по ноябрь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newkamera.de/jurjew/ourjew_20.html (дата обращения 20.08.2019).
- ²¹ Пурин А. Стихи с эпиграфами [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/5/stihi-s-epigrafami.html (дата обращения 20.08.2019).
- ²² Айги Г. Отмеченная зима. Париж: Синтаксис, 1982. С. 115.
- ²³ Майков Л. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. С. 310–311.
- ²⁴ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 52.
- ²⁵ Чухонцев О. Из сих пределов. М.: ОГИ, 2005. С. 160.
- ²⁶ Батюшков К. Н. Письмо Гнедичу Н. И., 19 августа 1809 г. [Деревня] // Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. СПб.: П. Н. Батюшков, 1885–1887. Т. 3. 1886. С. 39–41.
- ²⁷ Батюшков К. Н., Нелединский-Мелецкий Ю. А., Вяземский П. А., Державин Г. Р., Корсаков П. А. Сцены четырех возрастов («Сбирайте цветочки...») // Батюшков К. Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 262–274.
- ²⁸ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 41.
- ²⁹ Батюшков К. Н. Письмо Гнедичу Н. И., 19 августа 1809 г. [Деревня] // Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. СПб.: П. Н. Батюшков, 1885–1887. Т. 3. 1886. С. 41.
- ³⁰ Лосев Л. Собранные Стихи. Проза. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 81.
- ³¹ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 134–135.
- ³² Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 323.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 352 с.
2. Богомолов Н. Батюшков, Гумилев, Мандельштам. Заметки к теме // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 104–118.
3. Гланц Т. Процессы канонизации в русской литературе конца XX-ого и начала XXI-ого веков // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. Р. 59–74.
4. Дегтярева Е. Ю. Вальс. История возникновения и современность // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2012. № 27 (1). С. 170–180.
5. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–46.
6. Житенев А. «Петербургская поэма» Л. Лосева «Ружье»: проблема жанра // Творчество А. Т. Твардовского и эволюция русской поэмы. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 213–221.
7. Кошелев В. А. Батюшков в двадцатом столетии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/batyushkov/koshelev_2.htm (дата обращения 20.08.2019).

8. Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М.: Современник, 1987. 351 с.
9. Мегрелишвили Т. Русский литературный канон в зеркале современности // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. P. 35–48.
10. Пономарева М. Г. Рецепция образа К. Н. Батюшкова в лирике XX века // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. 2014. № 2 (2). С. 268–271.
11. Рыбальченко Т. Жизнь канона в разных формах апелляции к русской классике современных русских писателей (стилизация, метатексты, деконструкция, римейк и пр.) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. P. 75–90.
12. Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 433–493.
13. Сергеева-Клятис А. «Звуки итальянские». К интерпретации стихотворения Льва Лосева «Батюшков» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lit.lsept.ru/article.php?ID=200304605> (дата обращения 20.08.2019).
14. Сергеева-Клятис А. М. Цветаева и К. Батюшков. К вопросу о творческом диалоге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/batyushkov/sergeeva.htm> (дата обращения 20.08.2019).
15. Сканава А. Вальс в русской культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/245341/vals-v-russkoi-kulture> (дата обращения 20.08.2019).
16. Скворцов А. Э. Стихотворение О. Чухонцева «Батюшков» (генезис, форма, жанр, подтексты) // *Ученые записки Казанского университета*. 2012. Т. 154. Кн. 2. С. 111–116.
17. Pilshchikov I. “Harlots, Wine and Chibouks”: Tobacco Smoking as a Cultural Signifier in the Age of Pushkin // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Vol. 73. Issue 2. P. 285–330.

Поступила в редакцию 26.08.2019

Aleksandr A. Zhitenev, Doctor of Philology, Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)

MYTH ABOUT K. N. BATYUSHKOV IN RUSSIAN POETRY FROM BETWEEN THE 1970s AND THE 2000s*

In Russian poetry, the turn of the XXI century was a period when poetic text parameters were actively revised, while the interaction with the literary canon played an important role in the poetry-related discussions. The division of the XX century Russian literature into Soviet and emigrant, censored and uncensored ones has led to the occurrence of a number of classics alternative interpretations. Perception of K. Batyushkov is one of the most illustrative examples of this kind. This article examines the interaction options of the poets from between the 1970s and the 2000s with the Batyushkov myth. Summarizing the findings, several general principles of understanding the creative works of K. Batyushkov can be noted in Russian poetry: the inseparability of biographical evidence about the poet from his texts; mediation of understanding Batyushkov's creative works through a circle of literary associations relevant for a modern poet; and the inclusion of Batyushkov motif sequence in one's own aesthetic code. Four productive lines were established in the perception of Batyushkov's creative works: Batyushkov is seen as the prototype of the poet as such, he is regarded as a “borderline” figure, a mediator between the earthly and the transcendent; in some contexts, he is interpreted as a “travelling” poet; his “bordering” also refers to the motif of mortality and the “reincarnation” of the poetic word. Thus “Russian Hölderlin” becomes an important figure in the latest poetology, whose value is determined not only by the cultural myth of a “mad poet”, but also by the significance of the “other canon” phenomenon.

Keywords: K. Batyushkov, contemporary Russian poetry, reception, literary canon, poetology, myth

* The research was supported by the Russian Science Foundation as part of grant No 19-18-00205.

Cite this article as: Zhitenev A. A. Myth about K. N. Batyushkov in Russian poetry from between the 1970s and the 2000s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.384

REFERENCES

1. Bloom H. The anxiety of influence. A map of misreading. Ekaterinburg, 1998. 352 p. (In Russ.)
2. Bogomolov N. Batyushkov, Gumilyov, Mandelstam. Notes on the topic. *Bogomolov N. From Pushkin to Kibirov: Articles about Russian literature, mainly about poetry*. Moscow, 2004. P. 104–118. (In Russ.)
3. Glanc T. The processes of canonization in Russian literature of the late XX and the early XXI centuries. *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 44. P. 59–74. (In Russ.)
4. Degtyareva E. Yu. Waltz. History of origin and modernity. *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2012. No 27 (1). P. 170–180. (In Russ.)
5. Dubin B. The idea of “classics” and its social functions. *Dubin B. Classics, then and here: sociological essays on literature and culture*. Moscow, 2010. P. 9–46. (In Russ.)
6. Zhitenev A. Losev's “Petersburg poem” *Shotgun*: the problem of the genre. *Creative works of A. T. Tvardovsky and the evolution of Russian poem*. Voronezh, 2008. P. 213–221. (In Russ.)
7. Koshelev V. A. Batyushkov in the twentieth century. Available at: https://www.booksite.ru/batyushkov/koshelev_2.htm (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
8. Koshelev V. A. Konstantin Batyushkov. Wanderings and passions. Moscow, 1987. 351 p. (In Russ.)
9. Megrelishvili T. Russian literary canon in the mirror of modernity. *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 44. P. 35–48. (In Russ.)
10. Ponomareva M. G. Reception of K. N. Batyushkov's image in the lyric poetry of the XX century. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No 2 (2). P. 268–271. (In Russ.)
11. Rybaltchenko T. Life of the canon in different forms of appeal of modern Russian writers to the Russian classics (stylization, metatexts, deconstruction, remake, etc.). *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 44. P. 75–90. (In Russ.)
12. Semenko I. M. Batyushkov and his “Essays”. *Batyushkov K. Essays in verse and prose*. Moscow, 1977. P. 433–493. (In Russ.)
13. Sergeeva-Klyatis A. “Sounds are Italian.” The interpretation of Lev Losev's poem “Batyushkov”. Available at: <http://lit.lsept.ru/article.php?ID=200304605> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
14. Sergeeva-Klyatis A. M. Tsvetaeva and K. Batyushkov. The question of a creative dialogue. Available at: <https://www.booksite.ru/batyushkov/sergeeva.htm> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
15. Scanava A. Waltz in Russian culture. Available at: <https://www.culture.ru/materials/245341/vals-v-russkoi-kulture> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
16. Skvortsov A. E. “Batyushkov” by O. Chukhontsev: genesis, verse form, genre, subtext. *Scientific Proceedings of Kazan University*. 2012. Vol. 154. Issue 2. P. 111–116. (In Russ.)
17. Pilshchikov I. “Harlots, wine and chibouks”: Tobacco smoking as a cultural signifier in the age of Pushkin. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Vol. 73. Issue 2. P. 285–330.

Received: 26 August, 2019

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОЗАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института истории и филологии
Вологодский государственный университет (Вологда, Российская Федерация)
rosanov007@gmail.com

ПОВЕСТЬ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 1960-х ГОДОВ*

Целью статьи является реконструкция общественно-политического и литературного контекста, связанного с обстоятельствами публикации и первичной оценки повести В. И. Белова «Привычное дело» различными группами советской политической и литературной элиты. Идеологическая неопределенность, возникшая после отставки Н. С. Хрущева осенью 1964 года, помешала как появлению повести в престижном журнале «Новый мир», так и своевременной ее оценке в текущей литературной критике. Вынужденные цензурные сокращения при публикации «Привычного дела» в петрозаводском журнале «Север» демонстрируют те сложности, с которыми сталкивались писатели в освоении темы советской деревни. Широкое общественное признание повести остановило наметившуюся дискредитацию произведения в средствах массовой информации и способствовало серьезно его обсуждению. Данный аспект творческой истории ключевого текста «деревенской прозы» ранее в научной литературе не рассматривался.

Ключевые слова: В. И. Белов, деревенская проза, журнал «Север», журнал «Новый мир», цензура, литературная критика, «суровый стиль»

Для цитирования: Розанов Ю. В. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в общественно-политической ситуации 1960-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 51–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.385

ВВЕДЕНИЕ

Повесть В. И. Белова «Привычное дело» (1966) по праву считается пионерской в художественной разработке деревенской темы в советской литературе. Соратник и единомышленник писателя Ф. А. Абрамов писал: «*Привычное дело* приняли все: и “либералы”, и “консерваторы”, и “лирики”, и “физики”, и даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в жизни» [1: 92]. Однако противники у повести все же были, и не среди «либералов» или «физиков».

Работа Белова над «Привычным делом», различные коллизии, связанные с устройством повести в печать, реакция партийных идеологов и широкое общественное признание произведения, с некоторым запозданием отразившееся в критике, – все эти события приходится на середину 1960-х годов. Это не просто последние годы оттепели, но ее второй пик, второе дыхание. Известно, что политика Н. С. Хрущева в области культуры отличалась двойственностью и непоследовательностью. Смещение Хрущева в октябре 1964 года, иронически прозванное «малой октябрьской революцией», вызвало растерянность в кругах творческой интеллигенции. Ироничный К. И. Чуковский 24 ноября 1964 года записал в дневнике, что, «свергнув Хрущева, правительство пребывает в молчании – и обыватели не знают, под каким гарниром их будут вести по ленинскому пути» [17: 360].

В 1965 году Белов хотел напечатать свою новую повесть в журнале «Новый мир» и в издательстве «Советский писатель». «То, что идет в “Новом мире”, – это навсегда», – настаивал Белова его земляк, учитель и покровитель А. Яшин [14: 713]. Журнал А. Т. Твардовского среди «прогрессивной советской интеллигенции» считался смелым и независимым изданием. В редакционной декларации Твардовский заявлял, что оценивать литературные произведения необходимо «не по их заглавиям или “номинальному” содержанию, а прежде всего по их верности жизни, идейно-художественной значимости, мастерству, невзирая на лица...» [15: 18]. Но «оттепельное» литературное движение дифференцировалось не только по принципу *консерватор – прогрессист*, определенную роль играл и национально-культурный профиль писателя. Пока еще обе партии относительно мирно существовали друг с другом, но исторический опыт подсказывал скорый конец хрупкого равновесия. Сами собой напрашивались исторические аналогии. В 1966 году драматург А. Гладков записал в дневнике: «Пока еще идет то время, как в прошлом веке, когда Белинский еще дружил с Катковым, а Герцен с Хомяковым. Но впереди – размежевание» [6: 579]. По более позднему определению Белова, в ситуации идеологической и литературной борьбы между «русской партией» и «западниками» из «еврейского лагеря» Твардовский находился

«между двумя лагерями» [4: 327]. Новомирская критика не могла однозначно встать на сторону «русистов» и пыталась все разложить по полочкам: вот здесь истинные защитники «народности», а тут просто «любители старины, для которых русская древность с ее соборами и иконописью – последнее модное увлечение» [10: 223]. Но, скорее всего, автор Теркина балансировал между свободной и честной литературой и требованиями партийной номенклатуры, во многом еще сталинистской.

Незадолго перед этим в «Новом мире» была напечатана повесть А. Яшина «Вологодская свадьба», вызвавшая в начале 1963 года шквал критики и обвинений в «идеологической диверсии». В этой ситуации Твардовский предпочел не обострять положение журнала и отказался печатать «Привычное дело». Белов узнал о подробностях из письма Яшина от 4 июня 1965 года:

«Герасимов рассказал мне, как получилось с твоим очерком или повестью о родной деревне (жаль, что я до сих пор ее не знаю). Они все (редакция «Нового мира». – Ю. Р.) очень огорчены, что Твардовский струсил давать такое о вологодской деревне после моей “свадьбы”. А прозвучало будто бы именно так, и они не смогли его уговорить, хотя всем твоя вещь очень понравилась» [14: 713].

Не получилось и с изданием повести в составе авторского сборника в издательстве «Советский писатель». Во внутренних рецензиях Ю. Г. Лаптева и В. А. Чалмаева произведение было квалифицировано как «непроходимое»: «Если мы напечатает такое... то завтра же нас всех разгонят, обвинят в клевете на колхозное крестьянство» [11].

Белову пришлось искать другой вариант для издания «Привычного дела», и он предложил повесть петрозаводскому журналу «Север», которому уже давно обещал дать «большую вещь». Редактор журнала Д. Я. Гусаров, имевший репутацию опытного литератора и «умеренного славянофила», оценил риски, связанные с публикацией, и попытался их минимизировать, предложив ряд существенных изменений текста, включающих, кроме всего прочего, сокращение произведения на два авторских листа. После трудных переговоров с автором был достигнут определенный компромисс. В «перестроечные» годы Гусаров вспоминал об этом, оправдывая редакторское вмешательство великой целью:

«Чтобы спасти повесть, редакции журнала “Север” пришлось пойти на изъятие важной аллегорической главы, передвинуть время действия в 50-е годы, снабдить удивительно цельную и завершенную вещь примечанием – “конец первой части”. Обидно и больно вспоминать это, но так было» [7: 7].

Сокращения были не такими большими, как предполагалось поначалу, но автор был недоволен. 12 апреля 1966 года Белов писал В. В. Петелину:

«Шлю Вам поклон и журнал с моей оскопленной штукой. Сократили ее не на два листа, да ошибок полно, да еще правили и без моего ведома, что особенно неприятно и выбесило» [13: 170].

В январском номере «Севера» за 1966 год повесть «Привычное дело» увидела свет и быстро стала бестселлером. А. Я. Яшин писал автору 7 июля 1966 года: «Очень тебя читают в библиотеке ЦДЛ – как мне сообщили, журнал “Север” с Беловым спрашивает чуть ли не каждый второй из посетителей» [14: 679]. Писатели «почвеннического» направления всячески распространяли и пропагандировали произведение коллеги. В. П. Астафьев писал литератору А. М. Борщаговскому:

«А вы читали ль в № 1 “Севера” повесть Васи Белова “Привычное дело”? Вот эта вещь меня потрясла, хотя и проста она, как земля. Очень советую прочесть, а то ее непременно замолчат в критике, и ничего о ней не узнают люди. “Север”-то читает совсем мало народу» [2: 122].

Писатели-«деревенщики» не скупались на оценки самого высшего порядка. Е. И. Носов, например, в письме к Астафьеву заметил, что «Иван Африканыч (главный герой повести. – Ю. Р.) – что-то гомеровское» [3: 259]. В редакцию петрозаводского журнала стали поступать восторженные письма «рядовых читателей», оценивших смелость писателя в изображении «жизненной правды». Твардовский вскоре пожалел о своей осторожности, изячно заувалив свою ошибку в письме Белову:

«Можно было бы пожалеть, что повесть напечатана не в “Новом мире”, но, пораздумавши, нахожу, что, может быть, это даже лучше, что она напечатана в другом журнале: значит, не только в “Новом мире” пробивается то, что так огорчает наше высокоумное начальство, т. е. правда жизни» [13: 171].

Реакция «охранителей» на публикацию крамольной повести в провинциальном журнале была предсказуемой. Председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (в ранге министра) Н. А. Михайлов в своем выступлении на семинаре в ЦК КПСС в мае 1966 года, организованном для секретарей по идеологии и пропаганде, подверг произведение разгромной критике, инкриминируя автору идейную порочность и аптитартийные взгляды на развитие сельского хозяйства. Но, не успев как следует развернуться, критическая кампания в отношении Белова была остановлена. Похоже, что власти в данный момент не хотели устраивать еще одно литературное побоище и лишний раз ссориться с интеллигенцией, ведь только недавно, в феврале 1966 года, прошел судебный процесс над писателями А. Д. Синавским и Ю. М. Даниэлем. Некоторые признаки все же указывают, что определенная подготовка к «проработочной» кампании велась. В инстанции приходили не только восторженные,

но и гневные письма от читателей («Привычного дела»). Вероятно, что часть этих писем была вполне искренней – их писали люди, зомбированные советской пропагандой. Но были и письма, прямо или косвенно инспирированные чиновниками. Об амбивалентности жанра «писем трудящихся» Белов позже рассуждал в эссе «Так хочется быть обманутым...»:

«Жажда исповеди никогда не стихала в душе русского народа. Большевики придумали очень простой способ ее утоления: “письма трудящихся” <...> Тайна церковной исповеди во многих случаях обернулась тайной доноса» [5: 141–142].

Признаки политического доноса имеет, например, письмо некоего А. Лазурина из Сокольского района Вологодской области:

«Повесть показалась какой-то черной птицей при ясном свете дня. Она зловеще силится вызвать тени прошлого и, мешая события с настоящим временем 60-х годов, хочет кого-то то ли напугать, то ли озлобить или хоть насколько удастся испортить людям настроение. <...> Для наших врагов за границей это настоящая находка... Вот, смотрите, в журналах пишут, к чему приводит колхоз, человек изнашивается преждевременно и умер, оставляя семью, а другой готов сунуться в петлю. Для нас, пожилых людей, повесть ничего не дает. Даже раздражение вызывает. <...> Это ни больше ни меньше идеологическая диверсия в умы людей через страницы советского журнала...» [16: 183–184].

Нет сомнения, что, если бы власть решила расправиться с писателем, это письмо было бы использовано в полной мере. Словом, сложилась довольно странная ситуация. Одна из «башен Кремля» осудила «Привычное дело», но какая-то, очевидно, более могущественная сила не допустила расправы над молодым вологодским автором. Литературная критика, не понимая позицию власти, не знала, как реагировать на повесть, уже ставшую популярной. Первым нарушил молчание В. Петелин, опубликовав в «Огоньке» небольшую рецензию. Критик прозрачно намекнул, что в повести показана деревня времен Хрущева:

«В. Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда низкая оплата трудодня, всевозможные запреты, сковывавшие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушения Устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле» [12: 27].

Все эти слова и обороты механически перенесены в статью из партийных документов 1965 года, осуждавших «волюнтаризм» в сельскохозяйственной политике свергнутого лидера. Редколлегия «Огонька» на всякий случай слегка «замаскировала» рецензию, напечатав ее мелким шрифтом в конце номера, между шахматными задачами и кроссвордом. «Огонек» А. В. Сафронова считался вполне «патриотическим» изданием, духовным центром «русистов»,

имевших «тайных» покровителей в советском руководстве.

Самой общественно значимой и «переломной» рецензией на повесть Белова стала статья Ф. Ф. Кузнецова «Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе». И дело здесь не в имени автора. Кузнецов в то время еще не был значительной фигурой в советской литературной иерархии. «Трудная любовь» была напечатана в «Правде», органе ЦК КПСС, и это определяло многое. Сам Феликс Феодосиевич сорок лет спустя уже в другой, постсоветской «Правде» (органе КПРФ) так вспоминал об обстоятельствах появления статьи:

«Моя статья о повести “Привычное дело” пролежала без движения в редакции газеты “Известия” более полугодя. <...> Редакция направила рецензию “для консультации” в Отдел культуры ЦК КПСС, и там “не посоветовали” опубликовать рецензию. Тогда я передал статью в “Правду”. Главный редактор М. В. Зимянин сказал, что не будет публиковать рецензию, пока сам не прочитает повесть <...> Уезжая в командировку в Финляндию, Зимянин взял журнал с собой... “Какой язык!” – отозвался он о повести Белова, после возвращения из командировки. И сразу же поставил статью в номер» [8].

В начале статьи «Трудная любовь» Кузнецов, как обычно, указывает на славные традиции изображения деревни в классической русской литературе, упоминает пресловутую «власть земли», сетует на то «небрежение» к деревне, которое было в хрущевские времена (имя Хрущева, впрочем, не называется), говорит о современном внимании партии к сельским труженикам, которое затронуло и литературу. Прозу о деревне Кузнецов делит на два вида. Очерковая проза занимается «пристальным исследованием колхозной жизни на стыке литературы и экономики», а собственно художественная озабочена «духовными, нравственными началами жизни деревни». Причем первый процесс несколько опережает второй. Такая диспозиция уже сама по себе снимает идеологические претензии к «Привычному делу». Получается, что Белов лишь специфическими художественными средствами выразил то, о чем ранее прямым текстом писали советские очеркисты, работавшие на «стыке литературы и экономики». Попутно подчеркивается и примат экономики над искусством, столь понятный коммунистам. Довольно изящно и даже остроумно критик «оправдал» поэтику произведения:

«Это суровая проза. Она – подтверждение тому, что социалистический реализм предполагает и самую трезвую, суровую правду, если она сопряжена внутренне с душевной заботой писателя о благе народа, о его завтрашнем дне» [9].

В этом пассаже ключевым словом является прилагательное *суровая*, что следует считать, по нашему мнению, отсылкой к живописи «сурового стиля». Этот стиль получил распространение

и официальное признание в советском изобразительном искусстве как раз в 1960-е годы. Такие художники, как И. Обросов, В. Попков, П. Никонов, Н. Андронов, ориентируясь на образцы советского искусства 1920-х годов, обобщенно и лаконично изображали «героину трудовых будней». Строго говоря, «Привычное дело» более соответствует не «суровому стилю» в живописи, а предшествующему ему «лирическому импрессионизму» с его реабилитацией повседневности и приватности, но это уже детали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеологическая неопределенность, возникшая после отставки Н. С. Хрущева осенью 1964 года, помешала как появлению повести в престижном журнале «Новый мир», так и своевременной ее оценке в текущей литературной критике. Вынужденные цензурные сокращения при публикации

«Привычного дела» в петрозаводском журнале «Север» демонстрируют те сложности, с которыми сталкивались писатели в освоении темы советской деревни. Широкое общественное признание повести остановило наметившуюся дискредитацию произведения в средствах массовой информации и способствовало серьезному его обсуждению. После статей Петелина и особенно Кузнецова, снявших вопрос о политической благонадежности повести, обсуждение «Привычного дела» пошло в обычном порядке. В рецензиях и критических статьях, опубликованных в 1960-е годы, было высказано немало идей и концепций, которые позднее, уже в «расширенном» и более аргументированном виде, перешли в публицистику и литературоведение позднейшего времени, определили основные аспекты исследовательского дискурса о творчестве В. И. Белова, о феномене «деревенской прозы».

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова», проект № 19-012-00348.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Ф. Деревеньку зовут Тимониха // Север. 1982. № 10. С. 91–95.
2. Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с.
3. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Красноярск: Офсет, 1998. 480 с.
4. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: РИЦ «Классика», 2012. 632 с.
5. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М.: РИЦ «Классика», 2012. 622 с.
6. Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...». Из дневниковых записей 1945–1973 / Публ. С. Шумихина // In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 521–654.
7. Гусаров Д. Раздумья в дни юбилея // Север. 1990. № 6. С. 2–8.
8. Кузнецов Ф. Боль и совесть нашей деревни // Правда. 2007. 23–24 октября. № 117 (29170). С. 4.
9. Кузнецов Ф. Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе // Правда. 1967. 3 марта. № 62 (17744). С. 3.
10. Лакшин В. Три меры времени. (Выдвижение на Ленинскую премию «Деревенского дневника» Е. Дороша) // Новый мир. 1966. № 3. С. 221–228.
11. Петелин В. Мой XX век. Счастье быть самим собою [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=2111418> (дата обращения 11.07.2019).
12. Петелин В. О светлом и горьком // Огонек. 1966. № 29. С. 26–27.
13. Соколова Е. А. «Привычное дело» В. И. Белова (по материалам личных архивов НИОР РГБ) // Румянцевские чтения – 2013: Материалы междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2014): В 2 ч. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2013. С. 170–172.
14. Суров М. В. Белов: штрихи великой жизни. Вологда, 2007. 744 с.
15. Твардовский А. Т. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 3–18.
16. Тимошкина О. С. «Василию Белову передайте...» // Север. 2000. № 5–6. С. 181–184.
17. Чуковский К. И. Дневники. (1930–1969). М.: Современный писатель, 1994. 560 с.

Поступила в редакцию 07.08.2019

Yuri V. Rozanov, Doctor of Philology, Vologda State University
(Vologda, Russian Federation)

VASILY BELOV'S NOVEL *BUSINESS AS USUAL* IN THE SOCIO-POLITICAL SITUATION OF THE 1960S*

The purpose of the article is to reconstruct the socio-political and literary context related to the circumstances of publication and initial assessment of Vasily Belov's novel *Business as Usual* by various groups of the Soviet political and literary elite. Ideological uncertainty that arose after Khrushchev's resignation in the fall of 1964 prevented both publishing of the novel in the prestigious magazine *New World* and its timely assessment by contemporary literary critics. Forced censorship reductions during the publication of *Business as Usual* in the Petrozavodsk magazine *The North* demonstrates the difficulties that writers faced in mastering the themes of the Soviet village. Wide public recognition stopped the emerging discrediting of the novel in the mass media and contributed to

its serious discussion. This aspect of the creative history of this key text belonging to the “village prose” literary movement has not been covered by scientific literature so far.

Keywords: Vasily Belov, village prose, *The North* magazine, *New World* magazine, censorship, literary criticism, “severe style”

* The research reported in the article was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the grant “Encyclopedia of Vasily Belov’s *Business as Usual*” (project No 19-012-00348).

Cite this article as: Rozanov Yu. V. Vasily Belov’s novel *Business as usual* in the socio-political situation of the 1960s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 51–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.385

REFERENCES

1. Abramov F. The village is called Timonikha. *The North*. 1982. No 10. P. 91–95. (In Russ.)
2. Astafiev V. P. “There is no answer for me ...”: Epistolary diary. 1952–2001. Irkutsk, 2009. 720 p. (In Russ.)
3. Astafiev V. P. Collected works. In 15 vols. Vol. 14. Krasnoyarsk, 1998. 480 p. (In Russ.)
4. Belov V. I. Collected works. In 7 vols. Vol. 5. Moscow, 2012. 632 p. (In Russ.)
5. Belov V. I. Collected works. In 7 vols. Vol. 7. Moscow, 2012. 622 p. (In Russ.)
6. Gladkov A. “I do not recognize history without details...”. The diary entries of 1945–1973. (S. Shumikhin, Publ.). *In Memoriam. Collection of historical works and materials in memory of A. I. Dobkin*. St. Petersburg, Paris, 2000. P. 521–654. (In Russ.)
7. Gusarov D. Meditations on the anniversary days. *The North*. 1990. No 6. P. 2–8. (In Russ.)
8. Kuznetsov F. Pain and conscience of our village. *The Truth*. 2007. October 23–24. No 117 (29170). P. 4. (In Russ.)
9. Kuznetsov F. Difficult love. Thoughts about village literature. *The Truth*. 1967. March 3. No 62 (17744). P. 3. (In Russ.)
10. Lakshin V. Three measures of time. (Nomination of E. Dorosh’s *Village Diary* for the Lenin Prize). *New World*. 1966. No 3. P. 221–228. (In Russ.)
11. Petelin V. My twentieth century. Happiness is to be yourself. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=2111418> (accessed 11.07.2019). (In Russ.)
12. Petelin V. About the bright and the bitter. *Ogoniok*. 1966. No 29. P. 26–27. (In Russ.)
13. Sokolova E. A. Business as usual by V. I. Belov (based on the materials from the personal archives of the Russian State Library Manuscripts Department). *Rumyantsev’s Readings – 2013: Proceedings of the International Scientific Conference (April 16–17, 2014)*. In 2 parts. Part 2. Moscow, 2013. P. 170–172. (In Russ.)
14. Surov M. V. Belov: strokes of a great life. Vologda, 2007. 744 p. (In Russ.)
15. Tvardovsky A. T. On the occasion of the anniversary. *New World*. 1965. No 1. P. 3–18. (In Russ.)
16. Timoshkina O. S. “Transfer to Vasily Belov...”. *North*. 2000. No 5–6. P. 181–184. (In Russ.)
17. Chukovskiy K. I. The diaries (1930–1969). Moscow, 1994. 560 p. (In Russ.)

Received: 7 August, 2019

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
litgenia@yandex.ru

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИИ АНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Впервые ставится вопрос о необходимости полномасштабного изучения связей творчества Достоевского с традициями древнегреческой и римской культур, в частности исследование своеобразия их функций в художественном мире писателя. Цель работы – выявить античные реминисценции в романе «Братья Карамазовы» и проанализировать способ их функционирования в художественной структуре текста. Автор приводит и комментирует прямые отсылки к античности: имена и фамилии (Дмитрий Карамазов, Дарданелов и др.), латинские выражения, представляющие религиозную, театральную и юридическую тематику, реалии (географические названия: Сиракузы, Троя), персоналии (Эвклид, Диоген, Александр Македонский, Эзоп), образы античности (римский патриций, гетера, Венера Милосская). Обращение русского писателя к античной традиции позволяет более глубоко раскрыть образ, подчеркнуть его символичность, выразить свое отношение к персонажу или событию с помощью, в первую очередь, комического эффекта. Делается вывод о специфике индивидуального стиля писателя при работе с античными реминисценциями. Намечается вектор дальнейших научных исследований в области рецепции античности в творчестве Достоевского. Ключевые слова: интертекст, реминисценция, античность, Достоевский, латинские выражения, античная семантика христианских имен, античные реалии, античные персоналии, комизм

Для цитирования: Литинская Е. П., Шарапенкова Н. Г. Реминисценции античности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к постановке проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 56–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.386

ВВЕДЕНИЕ

Диалогичность как одно из характерных свойств произведений Ф. М. Достоевского является актуальной проблемой современной науки о русском писателе. Исследование связей творчества Достоевского с русскими и европейскими культурными традициями основывается на интертекстуальности – ключевой черте поэтики Достоевского. Евангельский текст, мифо-фольклорный текст, пушкинский текст, фаустовский текст, шиллеровский текст и т. д.¹ – традиционные направления изучения многоплановости произведений писателя. Различные аспекты осмысления античности в художественном сознании Достоевского представлены в работах Л. В. Пумпянского² [22], Вяч. Иванова [13], С. А. Кибальника [15], Т. Г. Мальчуковой [18], В. В. Дудкина [11] и др.

Наше внимание фокусируется на освещении античных реминисценций в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», ранее обозначенных Т. Г. Мальчуковой по отношению к роману «Бедные люди» [19].

История и культура античности не были чужды Достоевскому. Писатель прекрасно знал

классическую традицию, систематическое знание которой он приобрел в пансионе А. Чермака, получив гуманитарное образование. Середина XIX века в России – время серьезных перемен, в том числе и в педагогической системе. На страницах романа Коля Красоткин и Алеша Карамазов ведут дискуссию, которая отражает реальную полемику 1856–1863 годов по поводу классического образования в России³:

«Классические языки, если хотите все мое о них мнение, – это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены <...> они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют способности. Было скучно, так вот как сделать, чтоб еще больше было скуки? Было бесполезно, так как сделать, чтобы стало еще бесполезнее? Вот и выдумали классические языки» (XIV, 497–498)⁴.

Называя «подлостью» классицизм и латинский язык в том числе, Коля ссылается на авторитетное мнение своего гимназического учителя, классика – преподавателя латинского и греческого языков и литературы. Но позитивный образ Колбасникова оспаривается характеристикой, данной ему мальчиком чуть ранее:

«А Колбасников зол теперь у нас на всех, как зеленый осел. <...> он ведь женился, взял у Михайловых приданого тысячу рублей, а невеста рыловорот первой

руки и последней степени. Третьеклассники тотчас же эпиграмму сочинили:

Поразила весть третьеклассников,
Что женился неряха Колбасников» (XIV, 496).

Присутствие элемента комического заставляет усомниться в справедливости критической точки зрения Колбасникова, а значит, и Коли Красоткина. Комизм у Достоевского является важнейшим приемом в постижении нравственных недугов человечества⁵, в данном случае – невежества. Возникающий диссонанс в связи с противоречивыми отзывами об учителе подчеркивается не только возрастающим раздражением мальчика, но и искренним недоумением Алеши, мнение которого, как нам кажется, близко авторской позиции. Будучи несомненным сторонником классического образования, Достоевский писал:

«Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)» (XXI, 268).

Рассмотрим античные реминисценции в романе, особую группу которых составляет латинский текст. Достаточно обратить внимание на латинское наименование главы «Pro et contra», на многочисленные латинские фразы и изречения: *ad maiorem gloriam Dei, qui pro quo, dixi, incognito, sine qua...*, *nota bene, vivos voco* и др. В основном выражения отражают религиозную, театральную и юридическую тематику. В одном случае искаженная латинская фраза становится приемом комизма: «не философ, смерд» Митя при разговоре с «умным» Ракитиным, желающим написать статью о деле убийства старшего Карамазова, заключает: «...де мыслибус non est disputandum» (XV, 28). Встречаются латинские фразеологизмы в русском варианте: «Хлеба и зрелищ!», – восклицает Иван в припадке на суде, «Юпитер, ты сердисься, стало быть, ты не прав» – высказывание адвоката Фетюковича по отношению к товарищу прокурору Ипполиту Кирилловичу, повлекшее смех публики в силу комического сравнения. Как было отмечено А. Ю. Ниловой, «Достоевский обращается в своих произведениях к латинским выражениям для снижения. Это или маска, за которую герои прячутся в неприятной ситуации, или способ негативной или иронической (что часто одно и то же) характеристики персонажа или ситуации. Краткие, но яркие фразы привлекают внимание к тому или иному элементу текста, демонстрируя нарушение правды и закона жизни, которое происходит в этот момент» [20: 38]. Уточняющий перевод, анализ художественных функций латинского текста в творческой рецепции Достоевского должны стать предметом серьезного исследования.

В тексте романа упоминаются географические названия, связанные с античностью. Так, например, доктор рекомендует отправить Илюшу на излечение на европейский курорт в Сиракузы. Неуместность совета бедному семейству показывает высокомерие врача. Сиракузы – одна из древнейших и богатых греческих колоний Сицилии. Согласно древнегреческим мифам, именно в Сиракузах жил Дамокл, с которым связано выражение «Дамоклов меч», означающее ситуацию, таящую опасность, которая может настичь человека в любую минуту. Угроза смерти как меч Дамокла нависает над маленьким Илюшей. Так упоминание античной реалии приобретает дополнительный, имплицитный смысл.

Коля Красоткин, решая сбить своего учителя, задает ему вопрос об основателе Трои и оказывается сильнее во всемирной истории, поскольку Дарданелов не знал ответа. Ирония заключается в том, что фамилия учителя напоминает по звучанию название пролива Дарданеллы (античное название – Геллеспонт), соединяющего Европу (Балканский полуостров) и Азию (полуостров Малая Азия, Турция), где, согласно античным свидетельствам, и находилась Троя. «Благозвучная» фамилия указывает на разночинное происхождение учителя из священнического сословия.

Эпизод с затянувшимся спором об основании Трои (позднее у постели больного Илюши «стыдливый», но «умный» и «милый» мальчик Карташов осмелится соперничать с Колей Красоткиным и дать ответ) является, вероятно, откликом Достоевского на известия 1873–1876 годов об открытии легендарного города Генрихом Шлиманом, судьба которого была тесно связана с Россией [9].

Отметим, что при наименовании героев, как в случае с Дарданеловым, Достоевский активно использует имена греческого и латинского происхождения, что позволяет представить персонаж объемнее, создать комический эффект. Необходимость учета античной семантики имен персонажей романа очевидна. Так, Дмитрий от древнегреч. Διμήτριος – «посвященный Деметре, богине земли и плодородия», «земледелец». По мнению Т. А. Бондаренко, «в лексическом плане этимология отношения данного героя к языческой богине земледелия воплощается в архетипический образ необработанной стихийной силы, заключенной в характерных чертах персонажа»⁶. Имя младшего из братьев Алексей означает «защитник», образовано от древнегреческого глагола ἀλέξω – защищать. Он выступает защитником, покровителем, дипломатом в запутанных отношениях своих близких, сохраняя и укрепляя свою веру в Христа, защищая веру от неверия и сомнения. Необходимо иметь в виду, что в России XIX века имена давались по святым в честь христианских святых, мучеников,

в именах которых сохранялась первичная семантика. Так, и «Алексей» у Достоевского в первую очередь «человек Божий» [6], [10]. Анализ античных корней ономастикона Достоевского – наиболее разработанное научное направление⁷. Однако внимание уделяется в первую очередь отдельным произведениям, тогда как комплексный обзор системы античных имен и названий в творчестве Достоевского так и не состоялся.

Есть примеры античных персоналий: Диоген, Эвклид, Александр Македонский. Митя сравнивает себя с Диогеном:

«Именно тем-то и мучился всю жизнь, что жаждал благородства, был, так сказать, страдальцем благородства и искателем его с фонарем, с Диогеновым фонарем...» (XIV, 416).

Иван Карамазов, рассуждая о научном способе познания, говорит: «...у меня ум эвклидовский, земной» (XIV, 211). Высказывание героя косвенно касается популярной концепции «множественности миров», возникшей под влиянием неевклидовой геометрии, популярной в 1870-х годах [2].

В сцене скандала в монастыре Федор Павлович упоминает Александра Великого: «Да и стыдно, Господа, у иного сердце как у Александра Македонского, а у другого как у собачки Фидельки» (XIV, 70). Источником образа «чувствительного сердца» великого полководца Н. Подосокорский называет «Краткое начертание всеобщей истории, сочиненное заслуженным профессором Иваном Кайдановым» (1847) и «Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ» С. Смарагдова (1845), а также некоторые библейские тексты [21]. Так, из «Всеобщей истории» Смарагдова мы знаем, что Македонский, потеряв друга Гефестиона, в тоске умирает⁸. Контраст метафорических сравнений двух типов сердец в устах шута Федора Павловича нивелируется: оба признаются одинаково чувствительными. А считая свое сердце «как у собачки Фидельки», старший Карамазов оправдывает себя, приравнивая к Македонскому. Федор Павлович примеряет маску великого полководца, пытается облагородить свою натуру, заставить и себя, и окружающих поверить в собственную значительность. «Быть» и «казаться» – два полюса личности героя, отмеченные автором.

Достоевский дает малопривлекательный портрет стареющего Карамазова, отталкивающая внешность которого становится отражением его развратного образа жизни и беспокойного внутреннего состояния:

«Я уже говорил, что он очень обрюзг. Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствующее о характеристике и сущности всей прожитой им жизни. Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно наглыми, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жирненьком личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что

придавало ему какой-то отвратительно сладострастный вид. Прибавьте к тому плотоядный, длинный рот, с пухлыми губами, из-под которых виднелись маленькие обломки черных, почти истлевших зубов. Он брызгался слюной каждый раз, когда начинал говорить. Впрочем, и сам он любил шутить над своим лицом, хотя, кажется, оставался им доволен. Особенно указывал он на свой нос, не очень большой, но очень тонкий, с сильно выдающейся горбиной: «Настоящий римский, – говорил он, – вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка». Этим он, кажется, гордился» (XIV, 22).

Перед нами пример автоцитации описания поручика Жеребятникова из повести «Записки из Мертвого дома» 1860 года:

«Он любил, он страстно любил исполнительное искусство, и любил единственно для искусства. Он наслаждался им и, как истаскавшийся в наслаждениях, полинявший патриций времен Римской империи, избрел себе разные утонченности, разные противуестественности, чтоб сколько-нибудь расшевелить и приятно пощекотать свою заплывшую жиром душу» (IV, 147).

В обоих случаях сравнение с римским патрицием создает историко-культурный подтекст, расширяет повествовательные рамки романа, становится обобщением. Как отмечает Джи Хва Хонг:

«Он (Карамазов. – Е. Л.) не личность, он в какой-то степени – национальный тип, в какой-то степени – символ разложения и как аналог самому мощному символу разложения являет собой воплощение античных идеалов и обращения к чужим ценностям» [24: 134].

Источником образа может считаться «История» Тацита, имевшаяся в библиотеке писателя в английском и французском переводах [5].

Но рискнем, учитывая пластичность образа Карамазова, предположить, что Достоевский мог откликнуться на глиптику императорского Рима, представленную в Эрмитаже. Коллекция начинается формироваться в начале XVIII века. Как известно, Эрмитаж стал открытым для широкого доступа только с 1866 года. Однако еще во время учебы в Инженерном училище писатель бывал в Эрмитаже. Портреты-бюсты Августа, Тиберия, Нерона, Веспасиана, Тита, Адриана, Марка Аврелия, Септимия Севера, Филиппа Аравитянина реалистичны, натуралистичны. Позволим провести параллель описания внешности старшего Карамазова с портретом Филиппа Аравитянина (поступил в Эрмитаж в 1787 году).

«Немолодое лицо изрезано глубокими складками. Особую живость и впечатление подвижности придает подчеркнутая асимметрия черт лица. Глаза с глубоко прорезанными зрачками грозно смотрят из-под тяжелых нахмуренных бровей. Во взгляде – недоверие, настороженность. Тяжелый подбородок и крупный рот с резко очерченными полными губами говорят о непреклонной воле и твердом характере императора-солдата»⁹.

Образ достаточно выразительный, несмотря на условность и упрощение форм, характерных для искусства поздней античности, которое развивалось под влиянием так называемого

варварского провинциального искусства. Мы находим общие черты в описании Федора Павловича и Филиппа Аравитянина: подозрительность взгляда, глубокие морщины, «плотоядный рот с пухлыми губами» Карамазова и «крупный рот с полными губами» римского императора.

Портрет Карамазова в сопоставлении с римским изображением приобретает отчетливые карикатурные черты. Ведь и окружающие отнюдь не разделяют мнения героя о самом себе. Для Миусова он – Эзоп, шут, пьеро (XIV, 87). Сыновья Митя и Иван называют отца сниженной формой Эзоп (XIV, 29, 132; XIV, 99). Подчеркнем иносказательность образа – намек на уродство древнегреческого баснописца Эзопа. Вновь акцент на телесности. Образ неоднозначный, есть в нем и ироничность, поскольку подчеркивается особенность творчества поэта, который высмеивает пороки людей.

Сам герой очень трепетно относится к собственной внешности. Вспомним эпизод избияния Митей отца. Предвкушая встречу с Грушенькой, он обеспокоен своим неприглядным видом, просит Алешу подать ему зеркальце:

«Старик погляделся в него: распух довольно сильно нос, и на лбу над левою бровью был значительный багровый подтек».

Утром внешнее состояние ухудшилось, как и настроение «римского патриция»:

«Лоб его, на котором за ночь разрослись огромные багровые подтеки, обвязан был красным платком. Нос тоже за ночь сильно припух, и на нем тоже образовалось несколько хоть и незначительных подтеков пятнами, но решительно придававших всему лицу какой-то особенно злобный и раздраженный вид. <...> озабоченно посмотрел в зеркало (может быть, в сороковой раз с утра) на свой нос» (XIV, 130, 157).

Раздражение Федора Павловича вызвано в первую очередь осознанием им его внешней уязвимости, компенсировать которую он полагает деньгами (вспомним сравнение его кадыка с кошельком).

В сцене, предшествующей убийству, Митя, наблюдая за отцом, отмечает:

«Весь столь противный профиль старика, весь отвисший кадык его, нос крючком, улыбающийся в сладостном ожидании, губы его, все это ярко было освещено косым светом лампы слева из комнаты» (XIV, 354).

Ненавистный облик отца провоцирует в сыне «мстительную и неистовую злобу».

Скульптурность в образе старшего Карамазова перекликается с портретным описанием Грушеньки:

«Это была довольно высокого роста женщина <...> полная <...> Мягко опустилась она в кресло, мягко прошумев своим пышным черным шелковым платьем и ижеженно кутая свою белую как кипень полную шею и широкие плечи в дорожную черную шерстяную шаль. <...> Она была очень бела лицом, с высоким бледно-розовым оттенком румянца. Очертание лица ее было как бы слишком широко, а нижняя челюсть выходила

даже капельку вперед. Верхняя губа была тонка, а нижняя, несколько выдававшаяся, была вдвое полнее и как бы припухла. <...> это было мощное и обильное тело. Под шалью сказывались широкие полные плечи, высокая, еще совсем юношеская грудь. Это тело *может быть обещало* (выделено нами. – Е. Л.) формы Венеры Милосской, хотя непременно и теперь уже в несколько утрированной пропорции, – это предчувствовалось».

Подчеркнута телесность красоты героини, не случайно сопоставление с классической скульптурой, но ее образ скорее пародия на античный идеал. Относительность, зыбкость внешней привлекательности отмечены составным глагольным сказуемым со значением модальности (см. курсив в тексте), а затем и высказыванием:

«...эта свежая, еще юношеская красота к тридцати годам потеряет гармонию, расплывется, самое лицо обрюзгнет, около глаз и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвет лица огрубеет, побагровеет может быть, – одним словом, красота на мгновение, красота легучая, которая так часто встречается именно у русской женщины» (XIV, 137).

Грушенька, как Елена Троянская, ставшая причиной раздора, она подобна статуе Венеры Милосской, она же «гетера» (XIV, 90) в восприятии окружающих – таков античный контекст героини. Отметим, что ранее в «Дядюшкином сне» (1859) красота Зины Москалевой также сравнивается с античным образцом:

«Она хороша до невозможности: росту высокого, брюнетка, с чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, с могучею, дивною грудью. Ее плечи и руки – античные, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного бледна; но зато ее пухленькие алые губки, удивительно обрисованные, между которыми святятся, как нанизанный жемчуг, ровные маленькие зубы, будут вам три дня сниться во сне, если хоть раз на них взглянете» (II, 304).

Символичность образов античности позволяет провести широкие параллели. Художественное обобщение наделено индивидуально-авторскими чертами, образ становится амбивалентным. В фигуре трикстера Федора Павловича смыкаются и патриций, символ упадка Римской империи, шире – российской, и шут, Эзоп. Венера Милосская – мировой образ прекрасной телесности, но и одновременно зыбкой красоты у Достоевского. Александр Македонский – полководец с «чувствительным» сердцем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приходим к заключению, что античные реминисценции эксплицитно присутствуют в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Прямыми отсылками к античности являются: имена и фамилии (Дмитрий Карамазов, Дарданелов и др.), латинские выражения, представляющие религиозную, театральную и юридическую тематику, реалии (географические названия: Сиракузы, Троя), персоналии (Эвклид, Диоген, Александр Македонский, Эзоп), образы (римский патриций, гетера,

Венера Милосская). Обращение автора к античной традиции позволяет более глубоко раскрыть образ, подчеркнуть его символичность, выразить свое отношение к персонажу или событию с помощью, в первую очередь, комического эффекта. Особенность функционирования реминисценций заключается в особой многомерности возникающих смыслов у реципиентов текста. Специфику индивидуального стиля писателя характеризует прием, когда очевидная ассоциация влечет за собой глубокий подтекст.

Исследование связей творчества Достоевского с традициями древнегреческой и римской культур – одно из перспективных направлений достоевсковедения. Представляется, что вектор дальнейших открытий в вопросе рецепции античности в творчестве русского писателя находится в области изучения не только осознанного обращения к античной традиции, но и в сфере выявления неосознанных, имплицитных связей творчества Достоевского с античной культурой.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробнее: Орлова С. А. Мифо-фольклорный контекст романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 23 с.; Педько М. В. Наследие Гете в творчестве Ф. М. Достоевского: структура и динамика персонажа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с., а также: [3], [6], [12], [23].
- ² Пумпянский Л. В. Достоевский и античность. Пг.: Замыслы, 1922. 48 с.
- ³ См. подробнее: [14: 114–131], [22].
- ⁴ Здесь и далее текст Ф. М. Достоевского проводится по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинение: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках римской цифрой указывается номер тома, арабской – номер страницы.
- ⁵ Об эстетике комического у Достоевского см. подробнее: [16].
- ⁶ Бондаренко Т. А. Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. С. 12.
- ⁷ См. подробнее исследования ономастикона Достоевского: [1], [4], [17] и др.
- ⁸ Смарагдов С. Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ. Древняя история СПб., 1845. С. 45.
- ⁹ Сокровища Эрмитажа. М.; Л.: АН СССР и Гос. Эрмитаж, 1949. С. 33. Филипп Аравитянин Марк Юлий, римский император 244–249 гг., был низкого происхождения, коварным способом завладел властью, одержал ряд побед над карпами, готами и другими племенами. См. подробнее: [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
2. Баршт К. А. «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: неевклидовская геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144.
3. Башкиров Д. Л. Евангельский текст в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2008. Вып. 5. С. 398–413.
4. Белов С. Имена и фамилии у Достоевского // Телескоп. 2014. № 6. С. 33–34.
5. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
6. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 195–229.
7. Виктор А. С. Извлечения о жизни и нравах римских императоров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=639> (дата обращения 02.05.2019).
8. Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с.
9. Гаврилов А. К. Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб.: Коло, 2006. 448 с.
10. Гарищева Е. А. Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 188–195.
11. Дудкин В. В. Достоевский и Софокл: сходное в несходном («Эдип-Царь», «Эдип в Колоне» Софокла и «Преступление и наказание» Достоевского) // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 3–16.
12. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 37–49.
13. Иванов В. И. Достоевский и роман-трагедия // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–336.
14. Измestьева Г. П. Классическое образование в истории России XIX века. М.: Пробел-2000, 2003. 335 с.
15. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 431 с.
16. Кунильский А. Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 302 с.
17. Литинская Е. П. Греко-латинский контекст имени главного героя в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // MODERN HUMANITIES SUCCESS. 2019. № 3. С. 170–175.
18. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер (к постановке проблемы) // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 3–66.
19. Мальчукова Т. Г. О литературных реминисценциях в произведениях Ф. М. Достоевского // Россия и Греция: диалоги культур. Ч. III. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 5–62.
20. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Достоевского // Фортунаговские чтения в Карелии. Ч. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 36–38.
21. Подосокорский Н. Александр Македонский в текстах Ф. М. Достоевского // Интернет журнал «ПРОЛОГ» молодых писателей России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ijp.ru/text/3174> (дата обращения 02.05.2019).
22. Скоропадская А. А. Обсуждение вопроса о классическом образовании в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» // Россия и Греция: диалоги культур. Ч. III. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 127–132.
23. Третьякова Е. Архетипические образы славянской мифологии в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Культура. 2001. № 16 (70) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.relga.ru/n70/cult70.htm> (дата обращения 02.05.2019).
24. Хонг Джи Хва. Античность в образе Федора Павловича Карамазова // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 10. М.: Классика плюс, 1998. С. 126–135.

Поступила в редакцию 06.06.2019

Evgenia P. Litinskaya, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia G. Sharapenkova, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

REMINISCENCES OF ANTIQUITY IN DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE BROTHERS KARAMAZOV*: FORMULATING THE RESEARCH PROBLEM*

The article for the first time raises the question of the need for a full-scale study of the links between Dostoevsky's creative works with the traditions of ancient Greek and Roman cultures, in particular the study of their specific functions in the writer's artistic world. The purpose of the work is to identify the references to antiquity in the novel *The Brothers Karamazov* and to analyze the way they function in the artistic structure of the text. The author cites and comments upon the direct references to antiquity: names and surnames (Dmitry Karamazov, Dardanelov, etc.), Latin expressions representing religious, theatrical and legal themes or realities (geographic names: Syracuse, Troy), personalities (Euclid, Diogenes, Alexander the Great, Aesop), images of antiquity (Roman patrician, hetaera, Venus de Milo). The appeal of the Russian writer to the ancient tradition makes it possible to reveal the image more deeply, emphasize its symbolism, express its attitude to the character or event, primarily with the help of the comic effect. The conclusion is made about the specifics of the writer's individual style when working with the reminiscences of antiquity. The article outlines the vector of further scientific research into the reception of antiquity in Dostoevsky's works.

Keywords: intertext, reminiscence, antiquity, Dostoevsky, Latin expressions, ancient names, ancient semantics of Christian names, ancient realities, ancient personalities, comism

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 18-012-90037.

Cite this article as: Litinskaya E. P., Sharapenkova N. G. Reminiscences of antiquity in Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). C. 56–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.386

REFERENCES

- Altman M. S. Dostoevsky. By milestones of names. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. *The Brothers Karamazov* of F. M. Dostoevsky: non-Euclidean geometry and the question of overcoming the evil. *Philosophy Issues*. 2018. No 5. P. 134–144. (In Russ.)
- Bashkirov D. L. Gospel text in the works of F. M. Dostoevsky. *The Problems of Historical Poetics*. 2008. Issue 5. P. 398–413. (In Russ.)
- Belov S. Names and surnames in Dostoevsky's works. *Telescope*. 2014. No 6. P. 33–34. (In Russ.)
- Library of F. M. Dostoevsky: Experience of reconstruction. St. Petersburg, 2005. 338 p. (In Russ.)
- Vetlovskaya V. E. Novel *The Brothers Karamazov* by F. M. Dostoevsky. St. Petersburg, 2007. P. 195–229. (In Russ.)
- Viktor A. S. Extracts about the life and customs of the Roman emperors. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=639> (accessed 02.05.2019). (In Russ.)
- Vil'mont N. Dostoevsky and Schiller. Moscow, 1984. 280 p. (In Russ.)
- Gavrilov A. K. Petersburg in the fate of Heinrich Schliemann. St. Petersburg, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Garicheva E. A. The Gospel word and the traditions of Old Russian literature in F. M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. *The problems of historical poetics*. Petrozavodsk, 2012. Issue 10. P. 188–195. (In Russ.)
- Dudkin V. V. Dostoevsky and Sophocles: similarity of dissimilarity (*Oedipus the King* and *Oedipus at Colonus* by Sophocles and *Crime and Punishment* by Dostoevsky). *Dostoevsky: materials and studies*. St. Petersburg, 2016. Vol. 21. P. 3–16. (In Russ.)
- Zakharov V. N. Symbolism of the Christian calendar in the works of Dostoevsky. *New aspects in Dostoevsky's studies*. Petrozavodsk, 1994. P. 37–49. (In Russ.)
- Ivanov V. I. Dostoevsky and the tragedy novel. *The indigenous and the universal*. Moscow, 1994. P. 282–336. (In Russ.)
- Izvestjeva G. P. Classical education in the history of Russia of the XIX century. Moscow, 2003. 335 p. (In Russ.)
- Kibalnik S. A. Problems of intertextual poetics of Dostoevsky. St. Petersburg, 2013. 431 p. (In Russ.)
- Kunil'sky A. E. "The earthly face and eternal truth". The perception of the world and the image of the hero in F. M. Dostoevsky's works. Petrozavodsk, 2006. 302 p. (In Russ.)
- Litinskaya E. P. The Greco-Latin context of the main characters' names in F. M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *MODERN HUMANITIES SUCCESS*. 2019. No 3. P. 170–175. (In Russ.)
- Malchukova T. G. Dostoevsky and Homer (formulating the research problem). *New aspects in Dostoevsky's studies*. Petrozavodsk, 1994. P. 3–66. (In Russ.)
- Malchukova T. G. Literary reminiscences in the works of F. M. Dostoevsky. *Russia and Greece: dialogues of cultures*. Part III. Petrozavodsk, 2019. P. 5–62. (In Russ.)
- Nilova A. Yu. The Latin language in Dostoevsky's works. *Fortunatov Readings in Karelia*. Part 2. Petrozavodsk, 2018. P. 36–38. (In Russ.)
- Podosokorskij N. Alexander of Macedon in the texts of F. M. Dostoevsky. *PROLOGUE, online journal of Russian young writers*. Available at: <http://www.ijp.ru/text/3174> (accessed 02.05.2019). (In Russ.)
- Skoropadskaya A. A. Discussion of the classical education issue in the Dostoevsky brothers' journals *Time* and *Epoch*. *Russia and Greece: dialogues of cultures*. Part III. Petrozavodsk, 2019. P. 127–132. (In Russ.)
- Tret'yakova E. Archetypal images of Slavic mythology in Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Culture*. 2001. No 16 (70). Available at: <http://old.relga.ru/n70/cult70.htm> (accessed 02.05.2019). (In Russ.)
- Hong Ji Hua. Antiquity in the image of Fyodor Pavlovich Karamazov. *Dostoevsky and world culture. Almanac*. No 10. Moscow, 1998. P. 126–135. (In Russ.)

Received: 6 June, 2019

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА МАРКОВСКАЯ

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
greek23@mail.ru**ПОМОРСКИЕ ЧАСТУШКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
В ЗАПИСЯХ А. М. ЛИНЕВСКОГО***

Исследуются фольклорные материалы экспедиции Александра Михайловича Линевого, собранные в период с 16 февраля по 26 марта 1944 года на неоккупированных территориях Карелии, в поморских селах Гридино и Калгалакша. Это рукописные тексты 319 частушек, которые ранее не изучались и не публиковались, что обуславливает актуальность и новизну работы. Целью статьи является выявление особенностей поморских частушек военного времени в записях А. М. Линевого. В результате анализа установлено, что корпус материалов данной коллекции составили частушки разного времени сложения (дореволюционные, тексты периода Первой мировой войны и Гражданской войны, тексты советских лет, в том числе возникшие в годы Великой Отечественной войны). По тематике тексты разделяются на две группы – частушки на военную тематику и частушки, посвященные отношениям между людьми, работе, досугу. По классификации З. И. Власовой, уточненной автором, последние могут быть отнесены к частушкам тыла и прифронтовых территорий. Исполнение частушек в годы Великой Отечественной войны являлось одним из наиболее распространенных способов выражения переживаний, оценки и отражения актуальных событий политической и социальной жизни.

Ключевые слова: А. М. Линево, фольклористика, частушки, Великая Отечественная война, русский фольклор Карелии, советский фольклор

Для цитирования: Марковская Е. В. Поморские частушки военного времени в записях А. М. Линевого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.387

ВВЕДЕНИЕ

Фольклорные материалы, записанные в годы Великой Отечественной войны, являются важным источником исследования текстов не только с точки зрения поэтики, но и системы ценностей, изменения миропонимания людей, попавших в сложные военные условия. Собранные на территории Карелии фольклорные материалы представляют большой интерес, что связано с существованием неопубликованных архивных материалов и возможностью изучения ранее опубликованных текстов без давления идеологических установок советского времени. Часть записей военного времени вошла в сборники¹, отдельной книгой вышла лишь работа В. Г. Базанова, в которой автор опубликовал и проанализировал ряд текстов [3]. В данной статье мы остановимся подробнее на сохранившихся в Научном архиве Карельского научного центра РАН неопубликованных рукописных записях частушек, собранных А. М. Линево от местных жителей в прифронтовом Беломорском районе в 1944 году.

Основные вехи биографии Александра Михайловича Линевого², профессионального пи-

сателя, археолога, одного из первооткрывателей беломорских петроглифов, занимавшегося также исследованиями в области истории, этнографии и фольклористики, известны, о нем писали А. А. Левитина [15], Ю. В. Линник [17], Ю. А. Савватеев [22], Ю. И. Дюжев [10], Н. С. Филлимончик [26]. И сам писатель оставил воспоминания об отдельных событиях своей жизни [16].

СОДЕРЖАНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Материалы, на которых мы остановимся подробно, были записаны в экспедиции А. М. Линевого (16 февраля – 26 марта 1944 года), основной задачей которой был сбор материала о труде рыбаков в годы Великой Отечественной войны в поморских селах Гридино и Калгалакша. Материалы составили 8 дел³. Первое дело – это отчет о проведении экспедиции. Второе дело – копии и оригиналы документов о труде рыбаков в годы Великой Отечественной войны в селе Гридино: протоколы, постановления, договоры, письма фронтовиков с просьбами о помощи своим эвакуированным семьям. Здесь же статья Семена Михайловича Миронова из газеты «Ленинское знамя» от 18 февраля 1944 года

№ 35 «Как добиться высоких уловов рыбы. Рассказ рыбака Шуерецкого колхоза “Путь Ленина” (Кемский район)». Третье дело – записи бесед с представителями власти, членами правления, знатными рыбаками колхозов «Победа» (Гридино) и «12-я годовщина Октября» (Калгалакша). Четвертое дело – рассказы рыбаков и зверобоев карельского Поморья о работе в военные годы. Пятое дело – автобиографические рассказы о жизни в военное время (два рассказа фронтовиков, вернувшихся домой из-за серьезных ранений, и шесть рассказов жен красноармейцев). Шестое дело – рассказы и письма (подлинники) о жизни людей, эвакуированных из северо-западных районов Карело-Финской ССР. Седьмое дело представляет собой фольклорную коллекцию, состоящую из 319 частушек, двух песен и двух причитаний. Восьмое дело названо «Русские поморы. Пара страниц о случаях воровства среди поморов».

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы остановимся на коллекции частушек⁴, собранной А. М. Линецким. Эта коллекция имеет особую ценность, поскольку дает представление о бытовании жанра частушки в военное время в двух поморских селах: Калгалакша и Гридино. А. М. Линецкий просил местных жителей самих записать известные им частушки:

«Эта установка была дана мной в силу глубокого убеждения, что запись, сделанная рукой местного жителя, сама по себе представляет документ более ценный, чем моя запись»⁵.

Это, с одной стороны, минимизировало возможные ошибки от восприятия и записи частушек на слух. С другой стороны, поскольку основная часть исполнителей слабо владела грамотой, в текстах встречаются неточности и грамматические ошибки. В настоящем исследовании тексты приведены в современной орфографии (если неправильное написание слова не отражает особенности его употребления в речи).

А. М. Линецкому удалось собрать 319 частушек от 8 исполнителей. В их числе: жители села Калгалакша: В. Б. Яковлева (1926 г. р.) – 128 частушек; Р. В. Ефремова – 42; А. Я. Пакшуева – 7; А. Я. Костина – 13; жители села Гридино: Л. А. Коновалова – 8 частушек; М. М. Мехнин – 5; О. А. Мехнина (1924 г. р.) – 61; Н. М. Мехнина – 55 частушек. Таким образом, материалы включают 190 частушек, записанных в селе Калгалакша, и 129 частушек, записанных в селе Гридино. 123 частушки на военную тематику, 196 текстов посвящены мирной жизни (отношениям между людьми, работе, досугу, религии). В своей основе это традиционные тексты.

Общепринятой формулировки определения частушки, несмотря на большое количество работ по исследованию этого жанра, не разрабо-

тано. Возможно, это связано с кажущейся простотой песенок-миниатюр. Ю. М. Соколов еще в 1940 году в книге «Русский фольклор» давал следующее определение частушки:

«Короткие, большей частью четырехстишные рифмованные песенки, пользующиеся распространением в широких массах деревенского и городского населения. Наряду с четырехстрочными частушками существуют (но в значительно меньшем количестве) и шестистрошные, а также двухстрочные частушки. Особый разряд частушек составляют двухстрочные “страдания” [24: 401].

На сегодняшний момент это определение звучит несколько тяжеловесно, так как практически ушел из употребления термин «четырёхстишный», а выражение «широкие массы деревенского и городского населения» маркируется стилистикой советской эпохи. Более лаконичное определение было опубликовано в 1975 году в «Краткой литературной энциклопедии», авторы которой определяют частушку как

«один из видов русского народного словесно-музыкального творчества; короткая (обычно четырехстрочная) рифмованная песенка быстрого темпа исполнения»⁶.

Это же определение используется исследователем военной частушки Вологодской области Г. В. Судаковым [25]. Вопросы происхождения частушки интересовали многих ученых, подтверждением чему служат историографические обзоры в научной литературе [5], [14] и др. Так, с учетом генетического анализа известный музыковед и фольклорист И. И. Земцовский в 1987 году предложил следующее определение:

«Частушки – короткие (монострофичные) песенки-куплеты, обычно рифмованные четырехстишия (реже – двух- и шестистишия). Генетически связаны с старой плясовой песней, шуточными припевками ярмарочных и масленичных балагуров, свадебными “дразнилками” [11: 73].

Позднее Н. В. Дранникова на материале севернорусских частушек обосновала полигенетическую концепцию формирования частушки и предложила классификацию, которая включила следующие группы: частушки-скоморошины, частушки-жалобы, лирические миниатюры, частушки, близкие плясовым песням, и частушки, перенявшие эстетику городского романса. Эти группы, по мнению исследовательницы, составляют единую частушечную общность и соотносятся с дефиницией жанра⁷. Описанная классификация не является единственной, подтверждением чему служит обзор, представленный О. В. Мешковой [20]. Обилие подходов к классификации частушек связано с множеством факторов, среди которых: огромное число текстов и их вариантов, разнообразие тематики, множество функций в процессе бытования (частушка может использоваться как насмешка или шутка, сопровождать пляс, вводить в сферу публичного знания личные отношения и др.). Так,

С. Б. Адоньева рассматривает частушку с точки зрения ее функции в социальном контексте на материале севернорусской традиции [1: 148–214]. Разнообразие классификаций обусловлено и тем, что частушки изучают представители разных научных дисциплин: фольклористы, историки, лингвисты, музыканты и культурологи.

КЛАССИФИКАЦИИ, СОДЕРЖАНИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТУШЕК ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

З. И. Власова выделила ряд признаков частушки, характеризующих ее как жанр фольклора: преимущественная устность бытования (частушки посылались на фронт также и в письмах, записывались в альбомы, тетради и т. д.); вариантность, распространенность одних и тех же запевок и, наоборот, прикрепление популярных концовок афористического характера к разным запевкам; глубокая связь с фольклорной поэтической традицией; обязательная двухчастность композиции, обнаруживающаяся и в ритмическом, и в лексическом ее выражении [6: 160]. Другие исследователи также отмечали специфическое отношение частушки к напеву: «частушка столь же часто говорится, декламируется, как и поется» [4: 49], и «она не обязательна в отношении музыки, но обязательна в отношении интонационно-ритмического выделения из обычной речи» [2: 7]. Все эти утверждения являются актуальными для текстов данной коллекции.

Коллекция, собранная А. М. Линевским, неоднородна по времени создания произведений, в ней встречаются дореволюционные частушки:

Я стояла у приема, / Говорила господам: / Не забывайте ягодиночку, / В то место брата дам;

Посмотри-ко, маменька, / Горят ли огоньки, / Гуляют бедные некрутушки / Последни вечерки.

Также есть частушки советского времени, передающие новые советские реалии, в том числе и антирелигиозную пропаганду:

У меня сестренка есть, / Зовут ее Леночка, / Мой братишка – комсомолец, / А я пионерочка;

Посмотрите-ка на нас, / Что у нас творится – / Наша бабушка пошла / В грамоту учиться;

Первомайская гармошка / Лучше ангелов поет, / Зарастай травой дорожка / От церковных от ворот;

Не пойду сегодня в церковь, / Не пойду и никогда, / За попа стоять не буду, / А за партию всегда.

Частушки на военную тему создавались как во время Великой Отечественной войны, так и в более раннее время. Среди исследуемых текстов есть целый ряд частушек, сохранившихся со времен Первой мировой войны (1914–1918). Они характеризуются специфичной лексикой (германская сторона, германцы черные, германец – оборванец) и сюжетом (из Австрии в Германию угнали воевать...):

Через Австрию в Германию / Угнали воевать, / Вышло милому платочек / Горьки слезы вытирать;

На Германску сторону / Наломая елочек, / Молодые командиры, / Отпустите дрочечек;

Вы, германцы черные, / Воевать задорные, / Из-за вашей силушки / Погибают милушки;

Ты германец – оборванец, / Перестань-ко воевать, / Отпусти ребят жениться, / Девочек некуда девать;

Распроклятый ты германец, / Тебе хватит воевать, / Надоело ребятишкам / В окопах ночевать;

Распроклятый ты германец, / Много горя ты принес, / У баб мужей, у девоч парней / На фронт увез;

Моего милого ранили / С германцем на войне, / Как по синему по морюшку / Везут на корабле.

Продолжение бытования этих текстов объясняется относительной свежестью описываемых событий и аналогичностью фактов. Реалии времен Гражданской войны (1917–1923) отражены в двух текстах, где враги – белофинны:

У меня милый на фронте, / На плече винтовочка, / Белофинны злые люди / Ранили миленочка;

Как у наших у ворот, / У нашей у калитки / Задавился белофинн / На суровой нитке.

В одном тексте нашел отражение военный конфликт СССР с Японией в 1938 году у озера Хасан:

Как у озера Хасана / Самураи были пьяны, / Пьяные, не мытые, / Все рожи перебитые.

Использование термина «белофинн» в Карелии в первой половине XX века имеет свои особенности и связывается не только с событиями Гражданской войны в соседней Финляндии, но и с Зимней войной (1939–1940): так в советской пропаганде называли не только победивших в гражданской войне в Финляндии белых финнов, но и военных противников СССР.

«Поскольку на Карельском фронте основными противниками были финны, образ врага имел здесь свою специфику по сравнению с другими фронтами... В газетах финнов в соответствии со сложившейся традицией называли “шюцкоровцами”, “белофинскими бандитами”, “собаками Маннергейма» [19: 332].

Продолжение бытования частушек, посвященных военным конфликтам более ранних лет, во многом обуславливается аналогичностью фактов (война с Германией) и общими для любого военного времени переживаниями (тревогой за судьбу близких, гневом по отношению к врагам, горем из-за потери близких и др.).

В текстах частушек на военную тему встречаются исторические персонажи: Гитлер (более 10 текстов), Геббельс (1), Антонеску (1) и Сталин (3 текста). Имя советского вождя народов упоминается в зачине частушки в виде известного политического лозунга-призыва:

Ты за родину за Сталина / Иди в кипучий бой, / И меня душа заставила / На фронт пойти сестрой

или во второй части частушки, но с подчеркнутым пиететом, свойственным времени:

Взвейтесь, соколы, орлами / И летите стаями, / Передайте в Кремль привет / Дорогому Сталину;

Нашей родины великой, / Солнцу нашей всей земли, / Мудрый Сталин, посвящаем / Песню счастья и любви.

Последний текст относится скорее к частушкам литературного происхождения, публиковавшимся в газетах и сборниках. Можно согласиться с Н. Скрудоль, утверждающей, что изображение Сталина как «отца народов» воспитывало надежную уверенность в завтрашнем дне [23].

Имена врагов используются в основном в сатирических частушках:

Сидит Гитлер на заборе, / Плетет лапти языком, / Чтобы вшивая команда / Не ходила босяком;

Сидит Гитлер на заборе, / Просит кружку молока, / А доярка отвечает, / Сбегани подой быка;

Ходит Гитлер шмонится, / Все должны мне кланяться. / Мы за Гитлера возьмемся, / Что с него останется?;

Ох ты Гитлер, ты проклятый, / Тебе хватит воевать, / Отпусти ребят жениться, / Девочек некуда девать;

Скоро-скоро на сосне / Шишка лопнет, упадет. / Скоро Гитлер из Берлина / Выйдет задом наперед;

Гитлер лоб разбил с разбегу, / На себе рвет волоса, / Пропадай моя телега / Все четыре колеса;

Ох ты Гитлер, ты проклятый, / Заклочи скорее мир, / По последнему залеточке / Мы вам не отдадим;

Эх ты Гитлер, твердый лоб, / Закажи себе ты гроб, / Если ж гроба не закажешь, / Без него ты в землю ляжешь.

Одной из причин распространения частушек о Гитлере явилось то, что во фронтовой печати во время войны публиковали авторские частушки и куплеты, высмеивающие Гитлера и его армию. Они также включались в программы, исполняемые агитбригадами. Интересно наблюдение относительно образа Гитлера у Т. В. Краюшкиной:

«Он рисуется комически, не вызывает жалости. Именно эти черты фольклорных жанров – комичность в изображении и отсутствие жалости – свойственны корильным песням и дразнилкам, со временем вошедшим в детский репертуар. Схожее изображение антагонистов есть и в других жанрах, например, в былинах» [12: 54].

В одном из текстов упомянут министр иностранных дел Румынии Михай Антонеску:

Вызвал Гитлер Антонеску / И сказал ему в упор, / Надо больше шуму, треску, / Не хочу терпеть позор.

Эта частушка явно перекликается со стихотворением С. Я. Маршака из книги «Блиц-фрицы»:

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
– Я хочу, чтоб вся Европа
Поддержала нас в борьбе! <...>
Вызвал Гитлер
Риббентропа
И спросил,
Нахмутив лоб:
– Это что же –
Вся Европа?
– Вся! – ответил Риббентроп⁸.

Лидер нацистской партии Пауль Геббельс также подвергается осмеянию:

Эй гармошка, парень Трошка, / Я станцую что есть сил. / Геббельс голову повесил, / Гитлер руки опустил.

Нам кажется актуальным предложенное З. И. Власовой деление частушки периода Великой Отечественной войны по содержанию на группы:

1. Частушки тыла;
2. Частушки оккупированных территорий и концентрационных лагерей;
3. Фронтовые частушки;
4. Партизанские частушки [6: 160–161].

В рассматриваемой коллекции почти все тексты можно отнести к первой группе. В нашем случае название этой группы необходимо уточнить: оно будет звучать как частушки тыла и прифронтовых территорий. Кроме военных (здесь мы говорим о текстах, в которых маркирована тема войны), сюда же мы можем отнести частушки на любовные, семейные и бытовые темы:

Балалайка новая / По краюшкам зеленая, / Брось играть, пойдем гулять, / Я в тебя влюбленная;

Я одену бело платье / И сама буду бела, / Помогите, подружка, горюшку, / Рассыпались дела.

Данные тексты свидетельствуют о сохранении в памяти эпизодов мирной жизни.

Основываясь на нашем материале, выделим следующие основные мотивы в военных частушках тыла и прифронтовых территорий:

– сатирическое описание солдат вражеской стороны:

Ах как к бабушке Аксины / Забрались в избу свињи, / Рылом в блюде тыкают / По-немецки хрюкают;

– гнев по отношению к фашистским захватчикам:

Круглый год мы ездим в море, / Рыбу ловим днями по ночам, / Покоряем непогоды. / Смерть фашистским палачам;

– переживания и грусть от расставания:

На горюшке стоит елка, / В елке червоточинка. / Мой миленочек на фронте. / Я как темна ноченька;

– заклинание пуль:

Дорога моя подруга, / Дролечка на фронте. / Выше пули вылетайте, / Моего не троньте;

– тревога за судьбу любимого, воюющего на фронте:

Лети, вороной конек, / Где поближе огонек, / Не убитый ли мой миленький / Во сегодняшний денек;

– работа в тылу:

Напиши мне правду, милый, / Как воюешь на войне, / Я в тылу вам помогаю. / Смерть фашистской гадине;

– ранение любимого на фронте:

Сизокрылый голубочек, / Полетай к передовой, / По-
вяжи милому раны / Моей лентой голубой;

– скорбь из-за смерти любимого:

Голубок на уголок / Уселся на окошечко. / У меня,
у бедной девушки, / Убили дролечку;

Скоро война кончится. / Не веселюсь я, девушки, /
У вас придут, а у меня / Будет лежать в могилушке;

– уверенность в победе:

Ты лети, лети постукивай, / Немецкий самолет, / Все
равно победа наша, / Папенька домой придет;

– укрепление национально-патриотического
духа:

Песни весело поются, / Грудь отвагою полна, / По-
тому что всех сильнее / Наша славная страна.

Данная частушка встретилась нам также в документе № 6 «Художественная самодеятельность в избирательной кампании. Из материалов для кружков художественной самодеятельности, разработанных Центральным кабинетом политпросветработы. Москва. 26 декабря 1945 г.». Этот документ был опубликован с купюрами в статье Г. В. Романовой [21: 179–180]. Можно предположить, что первоисточником текста частушки являются средства массовой информации, которые активно распространялись как на фронте, так и в тылу. По данным Н. Л. Волковского, во второй половине 1941 года в Красной армии выходило 465 военных газет. В ходе войны их количество значительно возросло: в 1944 году уже 757 газет, общий разовый тираж их составил 3 195 000 экземпляров [8: 257].

Что касается группы фронтовых частушек, к ней можно отнести лишь два текста из исследуемой коллекции. В них звучит гордость за мощную армию своей страны:

Эй, товарищи, ответьте, / Кто сильнее всех на свете? /
Мы – ребята молодцы / Красной Армии бойцы;

Почему вы не бежите, / Под огнем вы не дрожите? /
Есть у нас такой приказ, / Чтобы бегали от нас;

Били немцев мы на льду, / На ходу и на лету, / А те-
перь добить осталось, / Сами просятся в беду.

В коллекции А. М. Линецкого есть частушки, в которых используются местные названия (12 текстов). В них отражается шутливое отношение к молодежи соседней или своей деревни:

Калгалакшские девчоночки / Цево, цево, цево. / Про-
цевокали миленочка / И больше ничего;

Калгалакшских кавалеров / Надо в луже помочь, /
Из лужи вынуть и пожать, / Тогда будут уважать;

а также гордость за свой край и односельчан:

По-гридонски я станую, / По-гридонски я спою. /
Я гридоночка-девчоночка нигде не пропаду;

Не бывать у нас немчуре, / Будут жить поморочки. /
Защищать родную землю / Поклялись дролечки.

Поэтика частушки подробно рассматривалась в работах А. В. Кулагиной [13], Н. В. Дранниковой [9], Л. Е. Фетисовой⁹ и др. Художественными особенностями этого жанра, имеющими место и в военной частушке, Г. В. Судаков называет афористичность и метафористичность, гиперболу и словесное изобретательство, повышенную эмоциональность и экспрессию [25: 18]. На материале коллекции А. М. Линецкого мы можем расширить этот ряд стилистических средств. Так, отметим применение приема повтора слов в стихах:

Восемь сосен, восемь сосен, / А девятая-то ель, /
Посмотрите-ко на дролечку, / Пристанет ли шинель;

Ты военный, ты военный / Не простой. / Дома жонка,
два ребенка, / Здесь гуляешь холостой.

Повторы могут быть как внутри строки, так и в начале каждой строки (анафора).

Партизана я любила, / Партизана тешила, / Партиза-
ну на плечо / Сама винтовку вешала.

Также следует отметить типичность употребления такого художественного приема, как психологический параллелизм:

На горушке стоит елка, / В елке червоточинка, / Мой
миленочек на фронте, / Я как темна ноченька;

Черна туча, черна туча, / Черна туча тучится, / От
фашистов-палачей / Вся Русея мучится и др.

Последний текст является авторским, оригинал был создан поэтом А. П. Анисимовой и звучал так: «Черна туча, черна туча, / Черна туча тучится, / От фашистских палачей / Вся Европа мучится» [6: 159].

Сатирические частушки, как и сопровождающие их в печатном варианте в газетах и листовках карикатуры на тему войны, осмеивая фашистскую армию, оказывали влияние на отношение людей к происходящим событиям: смешной враг переставал быть страшным. Значимость сатиры как важного фактора в мобилизации общества рассматривают И. А. Власова и И. Е. Хангурова. Они отмечают, что такое могучее оружие, как смех, прочно занимало свое место сначала в обороне, а потом и в великом наступлении [7: 19].

Одной из важных особенностей частушки является то, что она «вводит свое состояние в сферу публичного знания и тем самым справляется с ним» [2: 34]. Эта функция в военных частушках выдвигается на передний план. Вербализация переживания и воспроизведение его на публике служит катарсисом. Исполнение частушек тыла и прифронтовых территорий могло сопровождаться приплясыванием. Глубокий знаток народной хореографии Карелии В. В. Мальми так говорила про пляс:

«Пляс как форма выражения чувства был единственным и безусловно действенным способом ощутить свободу и радость жизни, пляс возникал как эмоциональная

разрядка, как бессознательное буйство... чувство – главное в плясе, а пляс реагирует на все изменения человеческой жизни. Он всегда современен, всегда моден. Входя в любое явление, он поднимает его до кульминационного звучания» [18: 4–5].

Таким образом, сочетание относительной легкости создания текста частушки и возможности в плясе эмоционального выплеска, на наш взгляд, также обеспечивало жизненно важную для военного времени социальную функцию преодоления негативного состояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фольклорные материалы экспедиционной коллекции А. М. Линевского 1944 года, собранные в селах Гридино и Калагалакша, представляют собой ценные свидетельства бытования жанра частушки в локальной традиции на прифронтовой территории в годы Великой Отечественной войны. Анализ поэтических текстов частушек позволил сделать выводы,

что в данный период бытовали тексты разного времени сложения и различной тематики (посвященные военным событиям и лирические, дореволюционные и советских лет, любовные и сатирические, высмеивавшие врагов советского народа и т. д.). Традиционными в частушках оставались выразительные средства (метафоры, гиперболы, словесное изобретательство, повторы слов, психологический параллелизм и др.). Вместе с тем употребление в отдельных текстах местных топонимов и производных от них прилагательных сделало частушки более личными, затрагивавшими интересы жителей сел (Гридино и Калагалакша). Сатирическое изображение фашистов (Гитлера, Геббельса, Антонеску), описание актуальных событий политической и социальной жизни, личных переживаний, связанных с войной и гибелью близких, помогали русскому человеку преодолевать страх и переживать события военного времени.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы Карельского научного центра РАН № АААА-А18-118030190094-6.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Фольклор Советской Карелии / Подгот. текстов к печати и примеч. А. Беловановой и А. Разумовой. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1947. 137 с.; Русская народно-бытовая лирика. Причитания севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 598 с.
- 2 А. М. Линевский родился 20 апреля 1902 года в Петербурге. В 1923 году поступил на этнографический факультет Географического института, позднее ставшего географическим факультетом Ленинградского университета. После окончания первого курса Линевский за полгода объездил 48 волостей Чувашской автономной области, где создал первичные краеведческие организации, а летом 1926 года возглавил этнографо-фольклорную экспедицию ЛГУ, которая проводила исследование в Средней Карелии, Беломорье, Заонежье, Шелтозере и Пудоже. Именно тогда им впервые были открыты 300 петроглифов «Бесовы следки» у деревни Выгостов Беломорского района. И как позднее писал сам Линевский: «Так наступил мой непредвиденный “звездный” час, когда судьба круто перевела меня на новые рельсы и отдала во власть древностям Беломорья. Эта находка навсегда прикрепила меня к карельскому Поморью. Она определила и необходимые для расшифровки дисциплины: археологию, историю, этнографию, а также фольклор северных племен... [16: 79]. После окончания Ленинградского университета в 1929 году А. М. Линевский переехал в Петрозаводск, с которым он связал всю свою дальнейшую жизнь и научную карьеру. Первым местом работы в Петрозаводске был Карельский государственный музей, а в 1934 году он был зачислен в штат недавно созданного Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК). В 1941 году А. М. Линевский вместе с другими сотрудниками института был эвакуирован в Сыктывкар, а в марте 1943-го Александр Михайлович продолжил работать в составе КНИИК в Беломорске, где возобновил свою деятельность институт. В 1943–1944 годах ученый занимался сбором материалов о труде рыбаков в рыболовецких колхозах и воспоминаний участников партизанского движения. В опубликованных воспоминаниях А. М. Линевский отмечал, что им было собрано 198 рукописей воспоминаний о партизанских отрядах «Красный онежец», «Вперед» и «Железняк» [16: 89]. После освобождения Петрозаводска от финской оккупации в июне 1944 года в городе возобновил работу КНИИК, а в июле 1944 года в Москве на заседании Ученого совета МГУ А. М. Линевский защитил кандидатскую диссертацию, посвященную изучению петроглифов Карелии.
- 3 Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784–791.
- 4 Частушки, собранные А. М. Линевским, находятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 790.
- 5 Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784. Л. 1.
- 6 Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. С. 443.
- 7 Дранникова Н. В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии (На материале Архангельской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 3–4.
- 8 Маршак С. Я. Кукрыныксы Блиц-фрицы: Стихи и рисунки. М.; Л.: Детгиз, 1942. 32 с.
- 9 Фетисова Л. Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы поэтики жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982. 27 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по требованию», 2018. 335 с.
2. Адоньева С. Б. Частушка в русской культуре / Деревенская частушка XX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 534 с.

3. Базанов В. За колючей проволокой: из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945. 71 с.
4. Банин А. А., Бурмистров Н. С. К проблеме определения и происхождения частушки // Живая старина. 1997. № 3. С. 49–51.
5. Бахтин В. С. Русская частушка // Частушка. М.; Л., 1966. С. 8–52.
6. Власова З. И. Частушки // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л.: Наука, 1964. С. 149–193.
7. Власова И. А., Хантурова И. Е. Сатира как оружие войны // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: Современное осмысление: Материалы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов. Н. Новгород, 2015. С. 19–22.
8. Волковский Н. Л. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. 736 с.
9. Дранникова Н. В. Поэтика частушки как предмет исследования // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 236–239.
10. Дюжев Ю. И. История литературы Карелии: В 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2000. Т. 3. 459 с.
11. Земцовский И. И. Проблема «русской» частушки // Советская музыка. 1987. № 7. С. 73–79.
12. Краюшкина Т. В. Лидеры воюющих стран: Гитлер и Сталин как персонажи частушек периода Великой Отечественной войны // Россия и АТР. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. № 2. С. 52–63.
13. Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.
14. Лазутин С. Русская частушка: Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960. 262 с.
15. Левитина А. М. А. М. Линеvский: Критико-биограф. очерк / Ред. В. М. Иванов. Петрозаводск: Карелия, 1973. 144 с.
16. Линеvский А. М. Страницы минувшего // Север. 1987. № 4. С. 62–91.
17. Линник Ю. В. Время (к 75-летию А. М. Линеvского) // Север. 1977. № 4. С. 113–117.
18. Мальми В. В. Праздник и танец. Петрозаводск: Карелия, 2005. 208 с.
19. Марков М. Б. Образ финнов как военных противников в военной печати Карельского фронта // Вестник Карельского филиала РАНХиГС: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2011. С. 331–338.
20. Мешкова О. В. О классификации частушек // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. № 1. Т. 1. С. 102–110.
21. Романова Г. В. Архивные источники о состоянии культурной сферы в Ульяновской области 1940–1950-х гг. // Симбирский научный вестник. 2013. № 4. С. 173–187.
22. Савватеев Ю. А. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А. М. Линеvского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.
23. Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Новое литературное обозрение. 2011. № 108 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html> (дата обращения 30.03.2019).
24. Соколов Ю. М. Русский фольклор. Л.: Учпедгиз, 1941. 559 с.
25. Судаков Г. В. Образ народа – защитника отечества в частушке // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Вологда, 2016. С. 17–24.
26. Филимончик С. Н. Музейное строительство в Карелии в конце 1920-х – 1930-е годы // Румянцевские чтения 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: Историческая ретроспектива и взгляд в будущее / Сост. Е. А. Иванова. М.: Пашков дом, 2018. С. 197–202.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Elena V. Markovskaya, PhD in Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

POMOR CHASTUSHKAS OF THE WARTIME RECORDED BY A. M. LINEVSKY*

This article presents the integrated study of the folklore materials of A. M. Linevsky's expedition collected during the World War II in Pomor settlements Gridino and Kalgalaksha within the period from February 16 to March 26, 1944. These materials contain the hand-written texts of 319 chastushkas (four-line rhymed folk verses) that have not been previously studied and published. This determines the relevance and novelty of the work. The purpose of the article is to determine the features of the Pomor chastushkas of the wartime from Linevsky's records. The study of the present collection of chastushkas showed that the body of this collection contains chastushkas created at different times (traditional pre-revolutionary chastushkas, texts dating back to the period of the World War I and the Civil War, and Soviet chastushkas, including those from the time of the World War II) representing two thematic groups – chastushkas about the war and chastushkas about personal relations, work or leisure. The author elaborated the classification of Z. I. Vlasova and made a conclusion that the studied texts can be classified as chastushkas of the rear and front-line territories. During the World War II, singing chastushkas was one of the most common ways to express experiences, assess events and reflect current developments of political and social life.

Keywords: A. M. Linevsky, folklore studies, chastushkas, World War II, Russian folklore of Karelia, Soviet folklore

* The study was carried out as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences AAAA-A18-118030190094-6.

Cite this article as: Markovskaya E. V. Pomor chastushkas of the wartime recorded by A. M. Linevsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.387

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. Pragmatics of folklore. St. Petersburg, Moscow, 2018. 335 p. (In Russ.)
2. Adon'eva S. B. Chastushka as part of Russian culture. Village chastushka of the XX century. St. Petersburg, 2006. 534 p. (In Russ.)

3. Bazanov V. Behind barbed wire: excerpted diary of a folk oral poetry collector. Petrozavodsk, 1945. 71 p. (In Russ.)
4. Banin A. A., Burmistrov N. S. Chastushka: problems of definition and origin. *Zhivaya starina*. 1997. No 3. P. 49–51. (In Russ.)
5. Bakhtin V. S. Russian chastushka. *Chastushka*. Moscow, Leningrad, 1966. P. 8–52. (In Russ.)
6. Vlasova Z. I. Chastushkas. *Russian folklore of the Great Patriotic War*. Moscow, Leningrad, 1964. P. 149–193. (In Russ.)
7. Vlasova I. A., Khandurova I. E. Satire as a weapon of war. *70th anniversary of the victory in the Great Patriotic War. Modern understanding. Proceedings of the international research and practice conference*. N. Novgorod, 2015. P. 19–22. (In Russ.)
8. Volkovskiy N. L. The history of information wars. St. Petersburg, 2003. Vol. 2. 736 p. (In Russ.)
9. Drannikova N. V. Poetics of chastushka as a subject of study. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2003. No 5. P. 236–239. (In Russ.)
10. Dyuzhev Yu. I. History of Karelian literature: In 3 vols. Petrozavodsk, 2000. Vol. 3. 459 p. (In Russ.)
11. Zemtsovskiy I. I. The problem of Russian chastushka. *Sovetskaya muzyka*. 1987. No 7. P. 73–79. (In Russ.)
12. Krayushkina T. V. Leaders of the warring countries: Hitler and Stalin as characters of chastushkas during the Great Patriotic War. *Russia and the Pacific*. Vladivostok, 2015. No 2. P. 52–63. (In Russ.)
13. Kulagina A. V. The poetic world of chastushka. Moscow, 2000. 303 p. (In Russ.)
14. Lazutin S. G. Russian chastushka. Voronezh, 1960. 262 p. (In Russ.)
15. Levitina A. M. A. M. Linevsky. Critical and biographical essay. (V. M. Ivanov, Ed.). Petrozavodsk, 1973. 144 p. (In Russ.)
16. Linevsky A. M. Pages of the past. *The North*. 1987. No 4. P. 62–91. (In Russ.)
17. Linnik Yu. V. Time (commemorating the 75th birthday anniversary of A. M. Linevsky). *The North*. 1977. No 4. P. 113–117. (In Russ.)
18. Mal'mi V. V. Holiday and dance. Petrozavodsk, 2005. 208 p. (In Russ.)
19. Markov M. B. The image of the Finns as military opponents in the military press of the Karelian front. *Bulletin of the Karelian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. Petrozavodsk, 2011. P. 331–338. (In Russ.)
20. Meshkova O. V. The classification of chastushkas. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2001. No 1. Vol. 1. P. 102–110. (In Russ.)
21. Romanova G. V. What archival sources tell about the state of the cultural sphere in the Ulyanovsk region in the 1940s and the 1950s. *Simbirsk Scientific Journal Vestnik*. 2013. No 4. P. 173–187. (In Russ.)
22. Savvateev Yu. A. In search of authenticity: the life and work of A. M. Linevsky. *The North*. 2010. No 7–8. P. 94–107. (In Russ.)
23. Skradol' N. "Life has become more fun": chastushka of the Stalin era and the production of the "ideal Soviet subject". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. No 108. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html> (accessed 30.03.2019). (In Russ.)
24. Sokolov Yu. M. Russian folklore. Leningrad, 1941. 559 p. (In Russ.)
25. Sudakov G. V. The image of the nation defending its homeland in chastushkas. *The Great Patriotic War: problems of interdisciplinary understanding: Proceedings of all-Russian scientific conference commemorating the 70th anniversary of the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Vologda, 2016. P. 17–24. (In Russ.)
26. Filimonchik S. N. Museum building in Karelia in the late 1920s and the 1930s. *2018 Rumyantsev Readings. Libraries and museums as cultural and scientific centers: Historical retrospective and prospective into the future*. Moscow, 2018. P. 197–202. (In Russ.)

Received: 1 April, 2019

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ СИДОРЕНКО

ассистент кафедры китайской филологии Восточного факультета
 Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 theironman@yandex.ru

ИДИЛЛИЯ БОРЬБЫ: РОМАН ЛЯН БИНЬ «ИСТОРИЯ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»

Роман Лян Биня «История красного знамени» (1957) – один из самых известных романов 1950-х годов о китайской деревне – позиционируется как роман воспитания, метагероем которого является китайское крестьянство в 1920–1930-е годы. Произведение вошло в фонд «красной классики» литературы КНР, что делает его анализ актуальным. Цель статьи – проанализировать роман Лян Биня «История красного знамени» с учетом жанровой специфики романа воспитания. Новизна заключается в попытке выявления трансформации жанра романа воспитания в китайском социалистическом реализме. В ходе анализа установлено, что крестьянин Чжу Лаочжун может считаться героем романа воспитания, однако процесс его становления не раскрыт в сюжете ввиду идеологических ограничений на изображение самостоятельных поисков героями места в жизни. С другой стороны, подробная хроника взросления другого важного персонажа, крестьянского подростка Янь Цзянтао, не отражает эволюции характера героя и его духовного становления, но является частью реализации статичной диспозиции «свой» – «чужой». Взросление Цзянтао – процесс его обучения, а не воспитания. Хронотоп и персонифера романа, наметившие вектор его восприятия как романа воспитания, по ходу сюжета трансформируются по логике классовой эстетики. Роман постулирует ценностные установки социалистического реализма «народность – классовость – партийность», оставаясь при этом в рамках идиллического хронотопа, то есть стремится воспитать читателя, нежели описать процесс становления героев. В связи с этим роман «История красного знамени» можно назвать идиллией борьбы.

Ключевые слова: китайская литература, «красная классика», жанр, социалистический реализм, роман воспитания, хронотоп, персонифера, ценностная установка, литературная политика КНР, Лян Бинь

Для цитирования: Сидоренко А. Ю. Идиллия борьбы: роман Лян Биня «История красного знамени» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.388

ВВЕДЕНИЕ

Роман китайского писателя Лян Биня¹ 梁斌 «История красного знамени» 红旗谱 был впервые опубликован в ноябре 1957 года. Критики называют роман одним из наиболее заметных произведений «красной классики» и ярким примером реализации ценностных концепций социалистического реализма в китайской литературе [7: 402], [14: 227]. Он широко известен в КНР: в 1957–1995 годах выдержал около 30 переизданий, общий тираж достиг 1,8 млн экз. [8: 22]. По роману был снят одноименный фильм (1960). В сокращенном русском переводе под названием «Три поколения» был опубликован в 1960 году.

Лян Бинь начал работать над романом еще в конце 1930-х – начале 1940-х годов [11: 14]. По его словам, в ходе работы, наряду с классической китайской литературой, указаниями Мао Цзэдуна (главным образом, данными в «Выступлениях...» 1942 года), он обратился к советской литературе (см. [8: 22]): особо отмечал влияние М. А. Шолохова и его роман «Тихий Дон» (1928–1940) [11: 24]. В тексте «Истории красного знамени» упоминаются романы «Железный поток» (1924) А. С. Серафимовича, «Мать» (1905)

М. Горького, «Чапаев» (1923) Д. А. Фурманова, повесть «Октябрь» (1923) А. С. Яковлева.

Основная тема романа – борьба между крестьянами, представленными в романе семьями Чжу и Янь, и помещиками, принадлежащими к семье Фэн. За исключением пролога, происшедшего за тридцать лет до начала основного сюжета, события, описываемые в романе, приходятся на вторую половину 1920-х – начало 1930-х годов. Развитие действия – четыре хронологически расположенных сюжетных узла: конфликт с разбитием колокола (предположительно конец XIX – начало XX века), в результате которого умирает отец главного героя; конфликт из-за птицы (середина 1920-х годов), где крестьянские дети показывают себя гордыми и непреклонными: помещики не могут «задобрить» классовую вражду деньгами; борьба против налога на убой свиней (начало 1930-х годов), организованная крестьянами и увенчавшаяся успехом, причинившая злодею-помещику крупные убытки; протест учащихся педагогического училища (начало 1930-х годов), закончившийся подавлением студенческих волнений.

Персонифера романа отвечает требованиям к изображению персонажей, выдвигаемым

партийным руководством в первые десятилетия КНР, то есть распределению черт характеров согласно классовому принципу: добрые, честные и самоотверженные крестьяне, которым противопоставлены коварные, жестокие и алчные помещики и их сателлиты. Подробно влияние литературной политики на изображение персонажей в литературе первых десятилетий КНР рассматривается в статье А. А. Никитиной [5].

Следует также отметить сильное влияние китайской классической литературы, в особенности романа Ши Найяня «Речные заводы» (см. подробнее [8: 23], [16: 33]). Большое число сведений в «Истории красного знамени» излагается через прямую речь персонажей, что отражает влияние не только классической сюжетной прозы, но и классической китайской драмы и сказа, которые, как известно, на протяжении многих веков находились в тесной взаимосвязи. Повествование ведется от третьего лица с позиции «всезнающего рассказчика», что также роднит роман с классической литературой и сказом [12: 92, 94].

Роман «История красного знамени», равно как и вся одноименная трилогия, задумывался как «семейная хроника воспитания революционного крестьянства»; исследователи относят его к жанру романа воспитания [10: 37], [12: 91], [13: 122]. Несмотря на то, что тема воспитания, точнее, дидактическая составляющая в романе и присутствует и даже описывается *время* взросления двух главных действующих лиц, рассмотрение его через призму концепции романа воспитания наталкивает нас на неожиданные выводы. Прежде чем перейти к предмету исследования, сделаем несколько вводных замечаний по концепции романа воспитания в целом.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА ВОСПИТАНИЯ

Термин «роман воспитания» был впервые применен в начале XIX века К. Моргенштерном, однако более широкое распространение он получил на рубеже XIX–XX веков [3: 6], [17: 279–280], [19: 93]. Концепция романа воспитания занимает важное место в характеристике развития романного жанра, она разрабатывалась на обширном материале большим числом ученых. Прежде всего следует отметить работу М. М. Бахтина «Роман воспитания и его значение в истории реализма» [2: 199–249], а также отечественные полноформатные исследования В. Н. Пашигорева² и Е. А. Краснощековой [3] на материале немецкой и русской литературы последних двух столетий соответственно. Среди западных исследований назовем монографии Ф. Моретти [18], П. Голбана [15], обзорные статьи Дж. Майнарда [17], Дж. Слотера [19].

Опираясь на историко-теоретические изыскания литературоведов, приведем характеристики, которые считаются формообразующими для

романа воспитания. В общих чертах его можно определить как роман о формировании идентичности [15: 18],

«роман о становлении духовно-интеллектуальной позиции героя в результате уроков жизни, практического опыта, о многотрудных и мучительных поисках смысла бытия, гармонического идеала, положительной программы»³.

«Гранднарратив» романа воспитания представляет собой

«некоторый типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и прагматизму... Для этого типа романа становления характерно изображение мира и жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти человек и вынести из нее один и тот же результат – протрезвление с той или иной степенью резиньяции» [2: 201].

Герой романа воспитания существует одновременно в конкретно-историческом (внешнем) и мифологически-психологическом (внутреннем) времени-пространстве, вступает в конфликты с внешним миром и с собственными эмоциями и чувствами, идет от инфантильно-индивидуального к социально-гармоническому существованию⁴. По мысли М. М. Бахтина,

«сам герой становится переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни...» [1: 212].

В центре романа воспитания – отношения героя с обществом или его психология [17: 287]. В. Н. Пашигорев отмечает, что, раскрывая процесс становления,

«роман воспитания особо акцентирует такие психологические структуры, как самоотречение и самопреодоление, рождение нового сознания в ходе напряженной борьбы со старым, конфронтация идей, взаимоисключающих состояний, диалектику формирования духовного мира героя»⁵.

Американский литературовед Дж. Майнард считает наличие персоны, которой нужно приспособляться к новой общественной ситуации, универсальным компонентом романа воспитания [17: 280]. Можно сказать, что роман воспитания – это роман не только о взрослении, становлении, но и «роман социальной инкорпорации» [19: 96].

По мысли Ф. Моретти, разрешение противоречий и компромисс как их интериоризация – очень важная, сюжетообразующая тема в романе воспитания [18: 9–10].

Моноцентричность, по мнению западных литературоведов, – один из основных признаков этой разновидности романа [17: 287], [18: 56]. Схожую точку зрения высказывает и отечественный исследователь Е. А. Краснощекова:

«В центральном персонаже воплощается вся сумма идей, его энергия движет сюжет; наконец, именно в герое заключена сама тайна обаяния всего создания» [3: 14].

Персонасфера романа воспитания, в свою очередь, структурирована вокруг главного героя. Композиция определяется стадийностью в представлении тернистой «дороги жизни» героя. Становление его души завершается искомым итогом – рождением баланса между желаниями сердца и требованиями ума [3: 16].

Итак, романом воспитания мы будем считать произведение, сочетающее в себе описание становления характера героя и моноцентричность как сюжета, так и персонасферы. С точки зрения фабулы в нем описывается переход от юного к взрослому возрасту. «Движущая сила» нарративной динамики романа воспитания – самооспаривание, наличие взаимоисключающих состояний, столкновение идеалистических представлений героя, вступающих в некую «химическую реакцию конфронтации», приводящую к компромиссу с внешним миром, на этом процессе преобразования сознания героя и сосредотачивается внимание читателя. Можно сказать, что роман воспитания «ведет читателя вслед за компромиссами главного героя».

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОМАНЕ «ИСТОРИЯ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»

Приступая непосредственно к анализу жанровой специфики романа Лян Биня, будем иметь в виду слова М. М. Бахтина:

«Ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде, но характеризуется преобладанием того или иного принципа оформления героя» [2: 199–200].

Структуру романа «История красного знамени» можно представить в виде двух пересекающихся друг с другом во времени «хроник воспитания»: сначала взросление крестьянина Чжу Лаочжуна, а затем – сына его друга, Янь Цзянтао. Роман Лян Биня на первый взгляд может показаться децентрализованным: мир в нем раскрывается от третьего лица, как, например, в классическом романе Ши Найяня «Речные заводы». Меняется и центральная фигура повествования – вначале это Чжу Лаочжун, а затем – Цзянтао. Однако роман «История красного знамени» – централизован через автора, проводящего литературную политику КПК, в данном случае концепцию «революционного воспитания», что сказалось на его художественной специфике.

Основные «сюжетные узлы» романа, на наш взгляд, сконструированы для того, чтобы показать читателю идейный рост героев, равно как и охарактеризовать такой рост положительно. Остановимся на них подробнее. Пролог романа, в котором помещик Фэн Ланьчи хочет несправедливо присвоить себе общинные земли, введен

для того, чтобы показать, что между крестьянами и эксплуататорами существует классовая вражда. Жертвой этой вражды становится Чжу Лаогун, отец Чжу Лаочжуна. Чжу Лаочжун клянется отомстить помещику за отца. Мечь – достаточно распространенный пролог в китайской проstonародной литературе (см. подробнее [10: 43]). Семья Фэн Ланьчи богатеет после того, как Фэн Ланьчи несправедливо присвоил себе 48 му⁶ общинной земли, разбив колокол, то есть после гибели отца Чжу Лаочжуна, Чжу Лаогун (62)⁷. Чжу Лаогун, жертва классовой борьбы в первом сюжетном узле, введен в повествование для того, чтобы показать, что классовая борьба без руководства КПК не может быть успешной для крестьян. Усилению этого посыла служат описания того, как над старшей сестрой Чжу Лаочжуна после смерти отца надругались бандиты, а сам Чжу Лаочжун остался без средств к существованию [11: 19–20]. В результате этих пертурбаций Чжу Лаочжун надолго покидает родные места. Возвращается в родное село через двадцать с лишним лет взрослым человеком и начинает жить жизнью честного порядочного крестьянина: строит дом, растит детей, занимается крестьянским трудом, оставив мысли о мести на потом. Некоторые исследователи, например Ли Ян [10], усматривают в таком отказе от мести процесс воспитания Чжу Лаочжуна: от личной мести его сознание вырастает до классовой борьбы, описанной в дальнейших эпизодах. Однако, как нам кажется, читатель романа воспитания ожидает проследить духовное становление Чжу Лаочжуна, чего мы в романе не наблюдаем. О его свершившемся становлении мы узнаем постфактум из уст его старого приятеля Янь Чжихэ: «Каким твердым и непреклонным [Чжу Лаочжун] стал за годы скитаний» (57). Этим описание процесса становления Чжу Лаочжуна, можно сказать, исчерпывается, за исключением общих фраз в духе «терпел лишения», «удалось накопить денег» и пр. Подробностей того, как и почему Чжу Лаочжун стал таким твердым и непреклонным за годы скитаний, не приводится.

Читателю, незнакомому с политической конъюнктурой первых десятилетий КНР, пытающемуся воспринять «Историю красного знамени» как роман воспитания, изъятие из романа подробностей взросления Чжу Лаочжуна может показаться странным. Однако стоит принять во внимание политическую конъюнктуру 1950-х годов, и все сразу встанет на свои места. Взросление Чжу Лаочжуна приходится на первые десятилетия XX века, соответственно, оно физически не могло происходить под руководством КПК, основанной в 1921 году. Если бы Лян Бинь в подробностях описал «удачно завершившееся» (он стал крестьянином с семьей, землей и средним достатком) взросление Чжу

Лаочжуна в подобном контексте, а точнее – без обязательного для 1950-х годов описания лидерства КПК, то это стало бы серьезным идеологическим просчетом. Подробное описание того, как крестьянин *без поддержки КПК* смог избежать участи обездоленной жертвы, могло быть расценено так, что китайский крестьянин может устроить свою судьбу и без КПК. Кроме того, следует отметить, что в начале XX века в Китае еще до появления КПК присутствовали революционные силы. Проявлениями антиимпериалистической борьбы были восстание ихэтуаней (1899–1901), Синьхайская революция (1911). Однако этим и другим знаменательным событиям начала века в романе не уделено должного внимания, как нам представляется, для того, чтобы не отвлекать читательское внимание от роли КПК в революционной антиимпериалистической борьбе и способствовать созданию у читателя более убедительного образа руководства КПК как ее основного фактора.

Вновь повторим: Чжу Лаочжун смог заработать денег, завел семью, то есть *приспособился* к прежнему строю. Хотя он и продолжает ненавидеть помещиков, в том числе Фэн Ланьчи, повинного в гибели его отца, он знает, что добиться справедливости и покарать преступника невозможно. Именно эту интернализацию противоречия, то есть подлинный *bildung*, Лян Бинь и замалчивает. Будучи опытным коммунистом, Лян Бинь не стал вести читателя вслед за тем экзистенциальным переворотом, который произошел в сознании Чжу Лаочжуна. Ведь даже реальное «взросление в борьбе», по характеристике китайского литературоведа Ван Дунфа [12: 92], предполагает душевные терзания и неуверенность. Получается, что Чжу Лаочжун – это герой романа воспитания, сам процесс взросления которого скрыт от читателя. Мы не видим в романе появления (или эволюции) духа борьбы *как результата становления*, а наблюдаем скорее его передачу по наследству – от старшего поколения крестьян к младшему. Для распространения схемы классово-враждебной на младшее поколение Лян Бинь описывает конфликт из-за редкой птицы, которую помещик, любитель пернатых, пытается сначала обманом отнять, а затем купить у крестьянских детей [11: 19]. Дети в итоге оставили птицу себе, сколько бы денег ни предлагал помещик. С одной стороны, интенция автора понятна: показать, что дети крестьян – гордые и противопоставлены помещику. С другой стороны, рассматривать этот эпизод как часть романа воспитания трудно: мы видим здесь реализацию статичной диспозиции – все знают, кто «свой», а кто – «чужой», то есть о *становлении* кого-либо из героев младшего поколения также говорить не приходится.

Большой интерес в рамках настоящей статьи представляет Цзянтао, старший сын Янь Чжи-

хэ, чье взросление описано подробно. Как нам представляется, именно на примере Цзянтао, а не Чжу Лаочжуна, Лян Бинь наиболее развернуто демонстрирует концепцию «революционного воспитания». Интересен тот факт, что, хотя главным героем, участвующим во всех сюжетных перипетиях романа, и считается Чжу Лаочжун, упоминаний имени Цзянтао в романе примерно в полтора раза больше, чем имени Чжу Лаочжуна⁸. Далее мы попытаемся объяснить, почему.

Цзянтао читателю представляет Чжу Лаочжун: «Ах, какой смысленный ребенок, из него обязательно выйдет толк», «пускай сейчас он еще юн, в будущем он добьется больших успехов» (41, 70). Еще будучи ребенком, Цзянтао, услышав о злодеяниях помещиков, сжал кулаки и воскликнул: «Да как так можно!?» (42). Цзянтао с детства молча терпел невзгоды, был гордым и честолюбивым, сдерживал слезы, обладал чувством справедливости (68, 70). Уже это, на наш взгляд, позиционирует его как «праведного», сформированного положительного героя романа соцреализма. После поступления в начальную школу, куда ему помог попасть коммунист Цзя Сяннун, Цзянтао участвовал в демонстрациях, вел агитационную работу, распространял листовки и пр. Однажды, участвуя в митинге, Цзянтао понял, что не одинок, и решил стать коммунистом. Когда Цзя Сяннун сказал ему, что у него, *как у потомка крестьянина*, есть все шансы вступить в компартию, тот весь зарделся, и по его телу разлилось тепло (126–127). Здесь налицо ценностная установка⁹, приближающая вступление в КПК к религиозному таинству, наделяя его модальностью «святости». Среди всех персонажей романа Цзянтао проделал наибольший объем организационной работы, что подтверждает его статус «центра тяжести» ценностных установок в романе, иными словами, он – самый положительный герой, который должен вызвать наибольшее стремление читателя к идентификации. Важно отметить и то, что по ходу романа Цзянтао неоднократно проявил себя как лидер, более сознательный, чем его соратники: он сказал своему товарищу Дагую, что драться с помещиками в одиночку – неэффективно, следует поднять на борьбу весь народ; когда его друг Чжан Цзяцин стал стрелять по голубям помещика, дабы продемонстрировать свою удаль, Цзянтао сказал, что нужно быть осмотрительным, и т. д. В качестве способного лидера Цзянтао отмечают даже гомильдановские военные, осаждающие училище (386). Примеров того, что Цзянтао с детства имел праведные взгляды и был привержен коммунистической идее, – масса. Наиболее насыщенными ценностными установками, инструментом которых становится образ Цзянтао, нам представляются эпизоды с борьбой против налога на убой свиней и оборона училища в Баодине. В ходе борьбы против налога на убой свиней

Цзянтао организует демонстрацию, где храбро выступает перед народом, и его речь находит живой отклик у многотысячной толпы. Чжу Лаочжун, слушая выступление Цзянтао, развивая его характеристику, говорил, что тот «повзрослел» и может организовать массы (293). Эта реплика вновь прямым текстом сообщает читателю о работе схемы «революционного воспитания». Кульминационный эпизод романа – трагически окончившаяся забастовка учащихся педагогического училища в Баодине, которая была также организована Цзянтао.

Ф. Моретти отмечает, что испытание в романе воспитания – это не препятствие, которое следует пройти неизменным, это *возможность* приобрести опыт, из суммы пройденного опыта, который *инкорпорируется* в личность, она и формируется [18: 46–48]. На примере «революционного воспитания» Цзянтао Лян Бинь демонстрирует нам диаметрально противоположное. Во всех сюжетных узлах, представляющих собой схватки с классовым врагом, Цзянтао проявляет одни и те же качества – стойкость, храбрость, рассудительность, твердость характера, самоотверженность и пр. То есть его взгляд на мир статичен, и «революционное воспитание» Цзянтао в романе не более чем хроника его *политического обучения* (но никак не воспитания или становления) и работы под руководством КПК.

Рассматривая персонифицированную роман в целом, о каком-либо развитии, динамике становления героев говорить трудно, так как нет описания их ошибочных деяний и воззрений, неопределенности в жизни. Все, как «свои», так и «чужие», за исключением сына помещика Чжан Цзяцина, изначально имеют «правильное», классово заданное мировоззрение. О пути в революцию Чжан Цзяцина, который мог бы предстать перед читателями как герой романа воспитания, как его понимаем мы, сказано мало ввиду того, что он не был потомком крестьян, и, если бы Лян Бинь стал вдаваться в подробности о детстве Чжан Цзяцина, писателя могли бы обвинить в том, что его роман о помещиках, а не о крестьянах.

Все остальные герои уже имеют классовое сознание, которое полностью сформировано, то есть КПК в романе не воспитывает, а только руководит процессом. Фигурально выражаясь, КПК не учитель музыки, а скорее дирижер, до появления которого оркестр, каждый его участ-

ник, *уже владея инструментом*, не может слаженно играть. С этой целью Лян Бинь и написал о поражении крестьян в прологе к роману. Здесь следует привести точное замечание Е. А. Краснощековой о том, что «в литературе социалистического реализма не было места роману о *самостоятельных* поисках смысла жизни, идейных блужданиях» [3: 14]. Схожие тезисы приводит в своей статье по персонифицированной романов 1950-х годов российский исследователь А. А. Никитина [6: 63].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере романа «История красного знамени» литературный процесс первых десятилетий КНР можно описать как «перенос» воспитания с объекта на его субъект, как показал Т. Лахусен. То есть в роли воспитуемого выступает автор, а не главный герой произведения [4: 848–849]. В результате того, что Лян Бинь следовал партийным директивам (то есть подвергся воспитанию со стороны проводящих литературную политику), реальный процесс взросления Чжу Лаочжуна как интернализация противоречий оказался скрыт от читательского взора, а «революционное воспитание» заведомо положительного Цзянтао, в котором нет места душевным терзаниям и перестройке сознания, раскрыто подробно.

При поверхностном взгляде в ходе прочтения романа складывается впечатление, что борьба присутствует на всем протяжении романа. При этом баланс сил и взгляд героев на мир по ходу романа не изменяется. Мир в романе «История красного знамени» статичен; это не тот хронотоп, который Бахтин обнаруживает у Гёте [2: 16–249], он скорее ближе к идиллическому типу [2: 373–391].

Хронотоп романа, после пролога ненадолго обнаруживший характеристики романа воспитания, быстро и безвозвратно возвращается к идиллическому типу: в нем все знают свои места и имеют четко определенное мировоззрение. Резюмируя, подчеркнем, что роман «История красного знамени» постулирует ценностные установки социалистического реализма, то есть стремится *воспитать читателя*, нежели описать процесс становления героев. Учитывая вышеизложенное, вместо романа воспитания его жанровую специфику уместнее было бы назвать «идиллией борьбы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лян Бинь (наст. имя Лян Вэйчжоу 梁维周 1914–1996) – известный китайский писатель, член КПК с 1937 года, член правления Союза китайских писателей, начал публиковать прозу в 1930-е годы. В историю китайской литературы вошел главным образом как автор трилогии «История красного знамени», состоящей из трех романов: «История красного знамени» (сокр. рус. пер. «Три поколения», 1960), подробно рассматриваемый в данном разделе, «Сеятели огня» 播火记 (1963), и «Пламя войны» 烽烟图 (1983), в которых в хронологическом порядке освещается роль крестьян провинции Хэбэй в «революционной истории». В начале 2000-х годов по трилогии был снят одноименный телесериал.

- ² Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 32 с.
- ³ Там же. С. 2–3.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Пашигорев В. Н. Указ. соч. С. 8.
- ⁶ Мера земельной площади, ок. 667 кв. м.
- ⁷ Текст Лян Биня приводится по: 红旗谱. – 北京, 青年出版社, 1958. 443 页. [История красного знамени. Пекин: Изд-во Циннянь Чубаньшэ, 1958. 443 с.]. В круглых скобках указывается страница.
- ⁸ Эти данные получены нами через поиск по цифровой версии текста романа. Чжу Лаочжун (в том числе его детское имя Хуцзы 虎子 и обращение «Дядюшка Чжун» 忠大伯) упоминается около 800 раз, а Цзянтао – около 1300 раз.
- ⁹ Ценностная установка – своего рода «руководство к ценностям». Ценностными установками текста (группы текстов) мы считаем совокупность элементов (структурных, тематических, стилистических, лексических), направленных на формирование или изменение уже существующей структуры ценностных отношений у читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Краснощекова Е. А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
4. Лахусен Т. Соцреалистический роман воспитания, или Провал дисциплинарного общества // Соцреалистический канон: Сб. статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 841–852.
5. Никитина А. А. О влиянии политики Коммунистической партии Китая (КПК) на изображение персонажей в китайской литературе 1949 – начала 1960-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. № 2. С. 73–81.
6. Никитина А. А. Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. № 4. С. 61–67.
7. 陈思和. 中国当代文学史教程 (第一版). – 上海: 复旦大学出版社, 1999. 436 页. [Чэнь Сыхэ. Курс истории современной китайской литературы (1-е изд.). Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 1999. 436 с.]
8. 程光炜. 重建中国的叙事—《红旗谱》、《红日》和《红岩》的创作策略 // 南方文坛. 2002. № 3. 22–26 页. [Чэнь Гуанвэй. Нарративы перестройки Китая – творческая стратегия романов «История красного знамени», «Красное солнце» и «Красный утес» // Южный литературный форум. 2002. № 3. С. 22–26.]
9. 戴锦华. 红旗谱—一座意识形态的浮桥 // 《当代电影》1990. № 3. 26–33 页. [Дай Цзиньхуа. «История красного знамени» – идеологический плавучий мост // Современное кино. 1990. № 3. С. 26–33.]
10. 李杨. 2006李杨. 50-70年代中国文学经典再解读. 济南: 山东教育出版社, 2006. 370页. [Ли Ян. Вновь о классике китайской литературы 1950–70-х гг. Цзинань: Шаньдунское педагогическое изд-во, 2006. 370 с.]
11. 梁斌. 漫谈《红旗谱》的创作 // 《人民文学》, 1959年06期. 14–25页. [Лян Бинь. Заметки о работе над романом «История красного знамени» // Народная литература. 1959. № 6. С. 14–25.]
12. 汪东发. 叙述成长—《红旗谱》《青春之歌》《三家巷》叙事比较 // 长沙电力学院学报(社会科学版) 1999 年第4期. 90–95 页. [Ван Дунфа. Романы становления – сравнение повествовательной стратегии романов «История красного знамени», «Песня молодости», «Переулочек трех семей» // Вестник института электродинамики г. Чанша (серия «общественные науки»). 1999. № 4. С. 90–95.]
13. 王庆生 (主编) 《中国当代文学史》. – 北京: 高等教育出版社, 2003. 721页. [Ван Циншэн (гл. ред). История современной китайской литературы. Пекин, 2003. 721 с.]
14. Chen Xiaoming. Personal Recollection and the Historicization of Literature: Keep the Red Flag Flying as a Case Study of the Complexity of The Revolutionary Literature // Chinese Revolution and Chinese Literature. UK: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 225–246.
15. Golban P. A. History of the Bildungsroman: From Ancient Beginnings to Romanticism. UK: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 267 p.
16. Huang Joe C. Heroes and Villains in Communist China: the Contemporary Chinese Novel as a Reflection of Life. New York: Pica Press, 1973. 345 p.
17. Maunard J. R. The Bildungsroman. A Companion to the Victorian Novel. UK: Blackwell Publishing, 2002. P. 279–301.
18. Moretti F. The Way of the World: the Bildungsroman in European Culture. London: Verso, 1987. 256 p.
19. Slaughter J. R. Bildungsroman/Kunsterroman. The Encyclopedia of the Novel. UK: Blackwell Publishing, 2011. P. 93–97.

Поступила в редакцию 15.04.2019

Andrei Yu. Sidorenko, Assistant Lecturer, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

AN IDYLL OF STRUGGLE: LIANG BIN'S NOVEL *KEEP THE RED FLAG FLYING*

As a prime example of the 1950s novels about the Chinese countryside, Liang Bin's *Keep the Red Flag Flying* (1957) is frequently positioned as a Bildungsroman with the Chinese peasants of the 1920s and 1930s as a collective protagonist. As our analysis shows, Chu Laochung, the novel's protagonist, may be viewed as a Bildungsroman hero in a conventional sense, however, his *bildung per se* could not be narrated with any degree of plausibility due to ideological constraints. On the other hand, Yan Jiangtao, an adolescent whose growing up and communist schooling are presented as communist *bildung*, his character and attitude being static and "correct" the whole time, cannot be described as a *Bildungsroman* character. Jiangtao's maturation, as we see it, is more of a process of education than a personal evolution. The main objective of the novel, in accordance with the political agenda of its times, is to educate the reader, to direct his value conceptions. The novel adheres to idyllic chronotope, making it fit to be called an idyll of struggle.

Keywords: Chinese literature, “red classics”, socialist realism, Bildungsroman, literary policy in PRC, Liang Bin, value directions, personosphere, chronotope

Cite this article as: Sidorenko A. Yu. An idyll of struggle: Liang Bin’s novel *Keep the Red Flag Flying*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 20119. No 7 (184). P. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.388

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. The aesthetics of verbal art. Moscow, 1986. 445 p. (In Russ.)
3. Krasnoshchekova E. A. Formation novel – Bildungsroman – on Russian soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky. St. Petersburg, 2008. 480 p. (In Russ.)
4. Lahusen T. Socialist realist Bildungsroman or the failure of a disciplinary society. *Socialist realist canon: Collected articles* (H. Gunter, E. Dobrenko, Eds.). St. Petersburg, 2000. P. 841–852. (In Russ.)
5. Nikitina A. A. The role the Chinese Communist Party (CCP) policy in the character portrayal in Chinese literature between 1949 and the early 1960s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian and African Studies*. 2013. No 2. P. 73–81. (In Russ.)
6. Nikitina A. A. Character portrayal in Chinese novels of the 1950s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian and African Studies*. 2013. № 4. P. 61–67. (In Russ.)
7. 陈思和. 中国当代文学史教程（第一版）. – 上海：复旦大学出版社，1999. 436 页.
8. 程光炜. 重建中国的叙事——《红旗谱》、《红日》和《红岩》的创作策略 // 南方文坛, 2002. № 3. 22–26 页.
9. 戴锦华. 红旗谱——一座意识形态的浮桥 // 《当代电影》1990. № 3. 26–33 页.
10. 李杨, 2006李杨. 50-70年代中国文学经典再解读. 济南：山东教育出版社，2006. 370页.
11. 梁斌. 漫谈《红旗谱》的创作 // 《人民文学》，1959年06期. 14–25页.
12. 汪东发. 叙述成长——《红旗谱》《青春之歌》《三家巷》叙事比较 // 长沙电力学院学报(社会科学版) 1999 年第4 期, 90–95 页.
13. 王庆生 (主编) 《中国当代文学史》. – 北京：高等教育出版社，2003. 721页.
14. Chen Xiaoming. Personal recollection and the historicization of literature: *Keep the Red Flag Flying* as a case study of the complexity of the revolutionary literature. *Chinese Revolution and Chinese literature*. UK, Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 225–246.
15. Golban P. A. History of the bildungsroman: From ancient beginnings to romanticism. UK, Cambridge Scholars Publishing, 2018. 267 p.
16. Huang Joe C. Heroes and villains in Communist China: the contemporary Chinese novel as a reflection of life. New York, Pica Press, 1973. 345 p.
17. Maynard J. R. The bildungsroman. A companion to the Victorian novel. UK, Blackwell Publishing, 2002. P. 279–301.
18. Moretti F. The way of the world: the bildungsroman in European culture. London, Verso, 1987. 256 p.
19. Slaughter J. R. Bildungsroman/Kunstlerroman. The encyclopedia of the novel. UK, Blackwell Publishing, 2011. P. 93–97.

Received: 15 April, 2019

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
gyla4@yandex.ru

КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА*

Актуальность и новизна исследования определяются неизученностью состава и стилистических функций количественно-именных сочетаний в поэтическом творчестве А. С. Пушкина. Проведенный анализ показывает, что числовые компоненты в составе этих конструкций выполняют в лирических произведениях поэта не только информативную, но и жанрообразующую и экспрессивно-оценочную функции. Употребление сочетаний с числительными указывает на их востребованность в фольклорных стилизациях («Песни западных славян» и др.), а также в контекстах, указывающих на время и количество лиц. Оценочные смыслы (хорошо / плохо) могут выражаться количественно-именными сочетаниями имплицитно, в связи с чем для их понимания необходим учет более широкого контекста, логических и синтагматических presuppositions поэтического высказывания.

Ключевые слова: количественно-именные сочетания, стилистические функции, поэтический язык, А. С. Пушкин

Для цитирования: Дьячкова И. Н. Количественно-именные сочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 77–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.389

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике количественно-именное сочетание обычно определяется как словосочетание, образованное количественным числительным и существительным в форме родительного падежа. Вместе с тем в роли первого компонента в этой конструкции может также использоваться неопределенно-количественное числительное (*много, немало*), местоименное числительное (*сколько, несколько*), существительное с количественным значением (*тройка, десяток*), а также существительное со значением неопределенного количества (*масса, уйма, пропасть*).

Изучение такого рода конструкций в текстах, далеких от «чистой» информативности, – публицистике и художественной речи, – не единожды привлекало внимание исследователей. По замечанию И. Б. Голуб, постановка вопроса об экспрессивности числительных может на первый взгляд показаться необоснованной, поскольку «за ними закрепилась репутация самой “сухой”, лишенной каких бы то ни было эмоциональных красок части речи» [2]. Хотя работы, посвященные данной проблематике или связанные с ней, в целом немногочисленны, тем не менее все они свидетельствуют о том, что числительные и сочетания с ними обладают значительным стилистическим потенциалом в публицистических и художественных произведениях [4], [5], [6], [8], [9], [10], [11], [12], где они могут выступать сразу в нескольких функциях.

По мнению Н. М. Ким, в такого рода текстах «высказывания с именами числительными могут содержать два семантических

уровня: поверхностный, на котором лексемы имен числительных манифестируют определенно-количественные или определенно-порядковые значения, и глубинный, на котором обнаруживается имплицитный количественно-оценочный смысл и дается оценка названного количества как значительного или незначительного» [6: 38]. Кроме того, числительные играют важную роль в создании различных средств выразительности [6], могут выполнять композиционную функцию (то есть организовывать композицию произведения или текстового фрагмента [12]), способны воскрешать архаичные, мифопоэтические, значения чисел [4], [11], [12] и в отдельных случаях даже наделяться собственно авторскими смысловыми характеристиками.

Однако «языковые особенности счетных слов таковы, что им предоставлены языковой системой ограниченные возможности для превращения в выразительные поэтические знаки» [11: 621], поэтому актуализация дополнительных стилистических и символических коннотаций в их случае может осуществляться только в контексте. Таким образом, самостоятельное рассмотрение стилистических функций числительных – в отрыве от других слов, в особенности тех, которые связаны с ними непосредственно, – невозможно. Для выявления подобных значений нужны специальные «текстовые операторы» (О. Г. Ревзина), «контекстные партнеры» (А. А. Ким) нумеративов. Этим объясняется наше обращение к анализу сочетаний с числительными.

СОСТАВ И ФУНКЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Количественно-именные сочетания в лирике А. С. Пушкина привлекли наше внимание не случайно: актуальность этого грамматического средства для языка его поэтических произведений стала очевидна для нас во время работы над базой данных для «Синтаксического словаря русской поэзии», проекта, который в течение уже нескольких лет создается на кафедре русского языка под руководством проф. Н. В. Патроевой¹.

Оговоримся, что такого рода употребления в творчестве поэта известны каждому из нас даже на уровне хрестоматийных цитат, большей частью, конечно, из пушкинских сказок, но см. и стихотворные примеры: *Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу...* («Два чувства дивно близки нам...» (1830)) или *Тьмы низких истин нам дороже / Нас возвышающий обман...* (Герой (1830)).

Любопытно, что в качестве развернутого примера использования числительных в «Стилистике» И. Б. Голуб приводится именно пушкинское произведение – эпизод из повести «Пиковая дама».

Целью нашей работы стал анализ состава и грамматико-функциональных свойств количественно-именных сочетаний в лирике Пушкина, включающих только количественные числительные. Из выборки была исключена наряду с лексемами *много, мало, столько, сколько* и счетными существительными номинация *один*, поскольку в подавляющем большинстве зафиксированных нами конструкций она употреблялась в переносном значении, и – на тех же основаниях – лексема *тысяча*.

Источником языкового материала послужил Национальный корпус русского языка, из которого было извлечено 178 количественно-именных сочетаний, употребляющихся в стихотворениях А. С. Пушкина 1813–1836 годов.

Лексический состав числовых компонентов выделенных конструкций достаточно разнообразен и включает в себя 21 лексическую единицу. Из них наибольшее количество употреблений приходится на числительные первого десятка, что вполне закономерно для лирического текста: *два* (72 конструкции), *три* (47), *пять*, *шесть*, *восемь* (по 5 раз каждое), *семь* (4), *девять*, *десять* (по 1 разу), итого – 140 словосочетаний, что составляет 78 % употреблений от общего количества зафиксированных конструкций. Далее на шкале частотности занимают место лексемы *сто* (9 раз), *сорок* (7 раз) и *двадцать* (5 раз). Числительные второго десятка и номинации *тридцать*, *шестьдесят*, *семьдесят* отмечаются единично. Аналогичной частотностью характеризуются также лексемы *двести* и *пятьсот*.

Анализ субстантивного компонента исследуемых сочетаний отражает «временную» доминанту в их совокупном значении и демонстрирует востребованность таких лексем, как *мгновенье, час, год, день, ночь, неделя, лето* ('время года'), *весна*.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня...

(«Вновь я посетил», 1835).

Их цель – указать на определенный промежуток времени, который прошел с отмеченного в лирическом повествовании момента, реже – на возраст лица, упоминаемого в стихотворении.

По-видимому, близкое к данному значение выражают конструкции с существительным *раз* (*сто раз, три раза* – 8 употреблений), которые обнаруживают связь со временем посредством счета ситуаций / действий, подчеркивающих не одновременность происходящего. «*Два, три раза, и пять, и шесть / Он (граф. – И. Н.) хочет надпись перечесть; / Несчастный силится напрасно*» (пример из пушкинского перевода поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»).

На втором месте по частотности употребления у Пушкина в представленных сочетаниях, по нашим наблюдениям, находятся номинации лиц – реальных (*шесть друзей, два милые сыночки, два брата, две сестрицы, две бабы, три красавца, сотни три мерзавцев, 12 молодых, трех Матрен*) или вымышленных (*два бесенка, двух бесов, две музы*).

Реже в лирическое повествование вводится счет других объектов: *два озера, два скелета, два рога, три бутылки, три комнатки, три сосны, три ключа, семью пулями, сорок ружей, двести стрел, в шестнадцати томах, пять сот рублей* и др. Нужно отметить, что второй компонент во всех зафиксированных сочетаниях этой группы лексически уникален, примеры также показывают, что их варианты проблематично подвести под какую-либо единую тематическую рубрику.

Формальный анализ словосочетаний, зафиксированных в стихотворных произведениях Пушкина, не выявил существенных отличий от их синтаксических функций или морфологического облика в современном русском языке. Единственное исключение здесь, по-видимому, составляют сочетания, включающие атрибутив, где Пушкин по сложившейся еще в XVIII столетии традиции [3: 77] с существительными всех родов использует только форму Им. п. (!): *два милые сына, два равные лица, два могучие бей, два красные лета, два чудесные творенья*.

Переводя рассматриваемый в статье вопрос из плоскости языка в плоскость авторской речи, в первую очередь остановим внимание на жанрово-стилистической обусловленности употребления конструкций с числительными. Как показывают наши наблюдения, в подавляющем большинстве случаев особые условия для проникновения в язык произведения количественно-именных сочетаний создаются, если в тексте ярко выражено эпическое начало («Будрыс и его сыновья», 1833 г.; «На Испанию родную...», 1835 г.; «Альфонс садится на коня...», 1836 г.; «Родословная моего героя», 1836 г.) и / или автор пытается

воспроизвести стилистику фольклорных источников. Последняя особенно проявляет себя в цикле стихотворений «Песни западных славян» (1834), где повествование густо насыщено числительными:

В пещере, на острых камнях
Притаился храбрый гайдук Хризич.
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выдти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.

Как видим, подражание народной речи, пушкинское «чувство сообразности» объясняют здесь и наличие символических в плане значения числовых лексем (*сорок, три*)², и включение лексического повтора, имитирующего фольклорную ретардацию, которые вкуче с особым ритмом, порядком слов, лексическими вкраплениями народного языка создают лирическое произведение, в котором, по оценке В. В. Виноградова, поэт гениально воспроизводит стили народной поэзии³.

Типичным стилистическим приемом в этих лиро-эпических текстах, по нашим наблюдениям, нередко становится многократное употребление вариантных количественно-именных сочетаний с одним и тем же числовым наполнением, где повторяющийся счетный компонент выступает важнейшей композиционной скрепой:

Три у Будрысы сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.
Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.
Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги <...>».
(Будрыс и его сыновья, 1833)

Отметим, что количественно-именные сочетания у Пушкина выполняют не только жанрообразующую функцию. Так, интересно рассмотреть функционирование конструкций с числительными в не связанных с фольклором лирических текстах, где они определяют смысловое поле «время».

Например, время как возраст может получать авторскую оценку «хорошо» или «плохо» в зависимости от качеств, которые определяют героя стихотворения. Так, в произведении «Кокетка» (1821) достаточно грубое напоминание лирического героя своей знакомой о ее возрасте (грубость замечания усиливается повтором): *Послушайте: вам тридцать лет, / Да, тридцать лет – не многим боле...* – это и выражение раздражения, и желание сорвать маску неестественности с лица взрослой женщины, разыгрывающей невинность.

Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет – не многим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле <...>
Остепенься, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели...

Имплицитно оценка «плохо» выражается в этом фрагменте также в упоминании про *три недели*, которые живет *вечная (!) любовь*. Эта оценка актуализируется в данном случае не только благодаря семантическому противопоставлению указанных оборотов, но и посредством пресуппозиции высказывания – оценочной шкале, опирающейся на знание, что любовь, живущая три недели, – это не любовь и что думать так – дурно. Таким образом, при кажущейся внешней нейтральности высказывание с количественно-именным сочетанием в действительности становится выразителем едкой иронии лирического героя по отношению к женщине, с которой он ведет воображаемый диалог (об участии числительных в формировании категории комического см.: [1]).

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает актуальность использования количественно-именных сочетаний в произведениях художественного стиля, и в частности в языке поэтических произведений А. С. Пушкина. Числовые показатели в составе этих конструкций выполняют не только информативную, но и жанрообразующую и экспрессивно-оценочную функции. Использование сочетаний с числительными указывает на их востребованность в фольклорных стилизациях («Песни западных славян» и др.), а также в контекстах, указывающих на время и количество лиц. Оценочные смыслы (хорошо / плохо) могут выражаться количественно-именными сочетаниями имплицитно, для их понимания необходим учет более широкого контекста и различных пресуппозиций высказывания.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первый и второй тома словаря были посвящены синтаксису А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова – см.: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 576 с.; Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с.

² Известно, что сюжеты некоторых текстов «Песен...» Пушкин заимствовал из книги П. Мериме «Гюэла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине», которая вышла в свет в 1827 году. Однако исследования показывают, что стилистически нейтральные прозаические тексты Мериме поэт подвергал последовательной правке. Так, «нейтральная французская лексика последовательно заменяется у Пушкина простонародными словами,

характерными для русского фольклора. Например: *chambre* (комната) – палаты; *esclave* (раб) – холоп; *il dit* (сказал) – молвил; *sans argent* (без денег) – промотался. Пушкин вводит фольклорные постоянные эпитеты, отсутствующие у Мериме: птенцов горемычных; Радивой окаянный; конь ретивый; беда неминуча и т. п. <...> Числа также заменяются числами эпическими (вместо десяти – «три», вместо десятерых – «семерых» и т. п.). В результате нейтральный книжный стиль Мериме превращается в стиль экспрессивный, носящий ярко выраженный фольклорный характер» [7: 151].

³ О символике числа в мифах и фольклоре см., напр.: Багаев Е. Г. О некоторых числовых символах // *Русская речь*. 1997. № 2. С. 72–75; Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // *Структура текста*. М.: Наука, 1980. С. 3–58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусенская Л. А. Комическая экспрессия числовых форм // *Русский язык в школе*. 1994. № 1. С. 76–78.
2. Голуб И. Б. *Стилистика русского языка: Учеб. пособие*. М.: Рольф: Айрис-пресс, 1997. 448 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения 23.06.2019).
3. Дьячкова И. Н. Числительные в русском литературном языке XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 236 с.
4. Зубова Л. В. Грамматика и семантика числа в современной поэзии // *Логический анализ языка: числовой код в разных языках и культурах*: Сб. ст. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. С. 373–384.
5. Ким А. А. Формирование оценочного значения у определенно-количественных числительных в речи // *Вестник Таганрогского педагогического института им. А. П. Чехова. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2008. № 1. С. 34–37.
6. Ким Н. М. Использование имен числительных в фигурах речи // *Вестник Таганрогского педагогического института им. А. П. Чехова. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2008. № 1. С. 37–40.
7. Муравьева О. С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» // *Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом)*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 11. С. 149–163.
8. Орлицкий Ю. Б. Цифровые стихи в новейшей русской поэзии // *Логический анализ языка: числовой код в разных языках и культурах*: Сб. ст. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. С. 400–412.
9. Патроева Н. В. *Стилистика художественной речи: Учеб. пособие*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 215 с.
10. Ревзина О. Г. Категория числа в поэтическом языке // *Актуальные проблемы русской морфологии*. М.: МГУ, 1988. С. 66–79.
11. Ревзина О. Г. Число и количество в поэтическом языке Марины Цветаевой // *Лотмановский сборник*. М., 1995. № 1. С. 619–641.
12. Толстошеева Л. Ю. Семантика количества в поэзии В. В. Хлебникова: лексический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 20 с.

Поступила в редакцию 09.07.2019

Irina N. Dyachkova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

QUANTITATIVE-NOMINAL COMBINATIONS IN ALEXANDER PUSHKIN'S POETIC LANGUAGE*

The relevance and novelty of the study are determined by the fact that the composition and stylistic functions of quantitative-nominal combinations in the poetic works of Alexander Pushkin have not been studied. The analysis shows that the numerical components of these constructions perform not only informative, but also genre-forming and expressive-evaluative functions in the lyrical works of the poet. The use of combinations with numerals indicates the demand for them in folklore stylizations (*Songs of the Western Slavs*, etc.), as well as in the contexts indicating the time and number of persons. Evaluative meanings (good / bad) can be expressed by quantitative-nominal combinations implicitly, therefore, for their understanding it is necessary to take into account the broader context, the logical and syntagmatic presuppositions of poetic utterance.

Keywords: quantitative-nominal combinations, stylistic functions, poetic language, A. S. Pushkin

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 17-04-00168 “Syntactic dictionary of Russian poetry of the XIX century”).

Cite this article as: Dyachkova I. N. Quantitative-nominal combinations in Alexander Pushkin's poetic language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 77–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.389

REFERENCES

1. Brusenskaya L. A. Comic expression of the numerical forms. *Russian Language in School*. 1994. No 1. P. 76–78. (In Russ.)
2. Golub I. B. *Stylistics of the Russian language: Textbook*. Moscow, 1997. 448 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (accessed 23.06.2019). (In Russ.)
3. Dyachkova I. N. Numerals in the Russian literary language of the XVIII century. Petrozavodsk, 2010. 236 p. (In Russ.)
4. Zubova L. V. Grammar and semantics of number in modern poetry. *Logical analysis of language: numerical code in different languages and cultures*. Moscow, 2014. P. 373–384. (In Russ.)
5. Kim A. A. Formation of the evaluative meaning of definite-quantitative numerals in speech. *Bulletin of Anton Chekhov Taganrog Pedagogical Institute. Series “Humanities”*. 2008. No 1. P. 34–37. (In Russ.)
6. Kim N. M. The use of numerals in figures of speech. *Bulletin of Anton Chekhov Taganrog Pedagogical Institute. Series “Humanities”*. 2008. No 1. P. 37–40. (In Russ.)
7. Muravjova O. S. Observations on the *Songs of Western Slavs*. *Pushkin: Research and materials*. Leningrad, 1983. Vol. 11. P. 149–163. (In Russ.)
8. Orlicskiy Yu. B. Digital poems in the newest Russian poetry. *Logical analysis of language: numerical code in different languages and cultures*. Moscow, 2014. P. 400–412. (In Russ.)
9. Patroeva N. V. *Stylistics of artistic speech: Textbook*. Petrozavodsk, 2018. 215 p. (In Russ.)
10. Revzina O. G. Category of number in poetic language. *Actual problems of Russian morphology*. Moscow, 1988. P. 66–79. (In Russ.)
11. Revzina O. G. Number and quantity in the poetic language of Marina Tsvetaeva. *Lotman Collection*. Moscow, 1995. No 1. P. 619–641. (In Russ.)
12. Tolstosheeva L. Yu. The semantics of number in Velimir Khlebnikov's poetry: lexical aspect: Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). St. Petersburg, 2012. 20 p. (In Russ.)

Received: 9 July, 2019

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЗОРИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e.zorina@spbu.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАМЫСЛА АВТОРА (на материале рассказа М. Шишкина «Пальто с хлястиком»)

Анализируется синтагматическое членение художественного текста в структурном и модальном аспектах. Предметом анализа являются фрагменты текста (отрезки (части) текста, необходимые и достаточные для рассмотрения в грамматическом и семантическом аспектах) с синтагматическим расчленением. Синтагматическое членение в рассказе Михаила Шишкина «Пальто с хлястиком» не характеризуется как нарушение связности, а рассматривается в нарративном аспекте. При таком подходе выявляется иерархичность сверхфразовой структуры повествования. Иерархия фрагментов с синтагматическим расчленением обусловлена степенью эксплицитности средств связи и объемом конструкций и их частей, а также графическим оформлением (абзачным членением). На верхнем уровне иерархии оказываются фрагменты без эксплицитно выраженных средств связи. Для реализации концептуально значимого смысла здесь необходимо понимание имплицитных смыслов, которое находится в модальном поле читателя. Таким образом реализуется образ читателя произведения и интенция автора – воздействие (активизация) на сознание читателя. На нижних уровнях иерархии установку автора реализуют фрагменты, в которых синтагматическое членение маркировано различными эксплицитными средствами связи. Концептуально значимые смыслы реализуются в маркированных фрагментах текста через тему «частное – общее» в рамках ключевого мотива «времени».

Ключевые слова: текст, современный рассказ, синтаксическая расчлененность, восприятие текста, структура текста, конструкции экспрессивного синтаксиса

Для цитирования: Зорина Е. С. Синтагматическое членение текста в аспекте замысла автора (на материале рассказа М. Шишкина «Пальто с хлястиком») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 81–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.390

ВВЕДЕНИЕ

Современный художественный текст сегодня является материалом как для филологических, так и культурологических, психологических, прагматических и различных других направлений исследования. Однако интерес по-прежнему представляет художественная коммуникация как процесс взаимодействия двух субъектов речи: автора и читателя. Лингвистический аспект исследования имеет целый ряд категорий: категория диалогичности, категория «чужой речи», категория модальности, категория субъекта, эмотивность и т. д., а также описаний и определений собственно синтаксических единиц. Особенно следует отметить понятие «эгоцентрик» и работы Е. В. Падучевой (например, [9]); понятие «точки зрения», описанной Б. А. Успенским [12]. Результаты собственно грамматического направления исследования представлены в работе Г. А. Золотовой и ее учеников «Коммуникативная грамматика русского языка» [6]. Все эти категории, понятия и подходы к описанию художественного текста дают возможность анализировать его в нарративном аспекте, то есть обращаться к тексту как к смыслу, как к «по-

сланию человека человеку, порожденному коммуникативным намерением или потребностью» [5: 102]. Начало таким исследованиям, направленным на поиск методов и способов анализа текстовых единиц разного уровня в функционально-семантическом аспекте, было положено в изучении конструкций экспрессивного синтаксиса, что дало возможность основывать описание в аспекте замысла автора на собственно языковом анализе текста.

Интерес к грамматическому аспекту определяется целым рядом характеристик повествования современного художественного текста: нелинейное, многоплановое, многослойное, сложное по структуре, организуемое «образом автора». При этом анализ художественного текста всегда предполагает обращение к литературоведческому аспекту. Особое внимание здесь уделяется читателю. Например, в работах А. Ю. Большаковой проводится анализ «образа читателя» [1]. Термин возник по аналогии с термином «образ автора» В. В. Виноградова¹. С. В. Вяткина говорит о необходимости учета типа сознания современного читателя: клиповое сознание сопоставляется с понятийным (словесно-логическим) [2: 1084].

Е. С. Кубрякова отдельно указывает на «обозримость» формы рассказа в связи с относительно небольшой протяженностью текстов рассказов [8: 515]. Однако проследить реализацию замысла автора через анализ деконструкции, расчлененности синтагматической цепочки текста можно и на материале романной формы [7]. Для романной формы также необходим анализ сверхфразового уровня организации текста. «В основе синтаксиса текста лежит система строевых единиц, имеющих особую функциональную предназначенность, заключающуюся в формировании и выражении концептуально значимого смысла» [4: 78]. Концептуально значимые смыслы формируют замысел автора. Выявление концептуально значимых смыслов строится на анализе грамматики (синтаксиса) повествующего субъекта.

Таким образом, речь идет об анализе грамматической реализации повествующего субъекта в художественном тексте, который берет начало в работах В. В. Виноградова. В. В. Виноградов впервые сказал о «субъективно-экспрессивных формах синтаксиса». Признание экспрессивности на синтаксическом уровне произошло после изучения экспрессии на других уровнях языка. В 1960-е годы получили развитие идеи В. В. Виноградова с появлением и самого термина «экспрессивный синтаксис», который, как пишет Г. Н. Акимова, «применяется при описании отдельных синтаксических явлений письменной речи»², то есть экспрессивных синтаксических конструкций. При этом Г. Н. Акимова отмечает, что «ведущим среди экспрессивных построений является процесс сегментации». Конструкции экспрессивного синтаксиса образуют открытый ряд и описаны многими исследователями. Однозначно к конструкциям экспрессивного синтаксиса относят: парцелляцию, сегментацию и именной темы, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции и особые случаи словорасположения.

Расчленение синтаксической цепочки приводит к тому, что конструкция, состоящая из отдельных частей, вмещает большее количество информации, так как появляется возможность для формирования имплицитных смыслов. В художественном тексте явление нарушения синтагматической связности оказывается шире каких-либо определяемых конструкций и должно анализироваться в аспекте замысла автора.

Обращаясь к современному художественному тексту, можно проследить, как нарушение синтагматической связности оказывается частью замысла автора и способом организации модального поля читателя. Синтаксической особенностью повествования рассказа Михаила Шишкина

«Пальто с хлястиком» является членение синтагматической цепочки, оформленное различными способами. Речь идет о целых фрагментах текста, построенных из расчлененных отрезков высказывания. Определить конструкцию экспрессивного синтаксиса и ее границы в таких фрагментах не всегда представляется возможным. В связи с этим целесообразным представляется анализировать целые фрагменты текста, в которых прослеживается синтагматическая расчлененность. Синтагматически расчлененные фрагменты интерпретируются не как нарушение связности, а как части структуры художественного текста, выполняющие определенную функцию в модальном аспекте. В первую очередь здесь следует говорить о глубинной синтаксической семантике отдельного высказывания как части смысловой структуры художественного произведения, включая прагматический аспект [13: 95]. Такая структура обладает признаками иерархии, которая связана со степенью эксплицитности средств связи между частями расчлененных фрагментов и объемом конструкций и их частей. Описать и проследить иерархию можно, начав с маркированных конструкций, которые находятся на нижних уровнях иерархии.

Одиночные парцеллированные конструкции находятся на модальном уровне повествователя и актуализируют важные компоненты высказываний с оценочной семантикой:

«1) В мои семнадцать лет наши отношения дошли до того, что я перестал с ней (мамой) разговаривать. **Вообще.** Жили в одной квартире, но я с ней даже не здоровался» (18)³. 2) «Действительно, я с ней даже не здоровался, но не только потому, что я прочитал “Колымские рассказы” и “Архипелаг”, которые неисповедимыми путями попали тогда мне в руки и многое изменили в юношеской картине мира. **Нет, конечно.** Конфликт возник из-за моей первой любви. Маме не нравилась та девушка. **Совсем не нравилась**» (19).

Повествование в рассказе ведется от первого лица. На грамматическом уровне точки зрения автора и повествователя совпадают. Парцелляция дает возможность выделить элементы, содержащие оценку событий прошлого. Повествователь анализирует частные события и дает им объяснения, а модальный план автора выводит частные события жизни героя на уровень общих социальных и политических проблем. Происходит смыкание частного и общего. Тема «части и целого; частного и общего» является ведущей для рассказа: на это есть указание уже в названии рассказа «Пальто с хлястиком», которое содержит название целого и его части.

Далее следует сказать о фрагментах, состоящих из расчлененных отрезков с эксплицитно выраженными средствами связи, которые формируют план философских размышлений повествователя. Здесь голос автора так же реализуется на модальном уровне, в том числе и благодаря автобиографическим чертам:

«1) Роман, написанный через несколько лет после маминой смерти, начинался в русской литературе, в нем было много цитат, связей, переплетений, а к концу я просто описывал то, что было в моей жизни. **От** сложного к простому. **От** книжного, начитанного – к маминому лифчику, набитому поролоном, который она надевала после того, как ей отрезали грудь. **От** старославянских центонов – к ее тихой смерти, которую она так ждала, чтобы отпустили боли» (21). 2) «И вдруг со мной что-то произошло. **Будто** я попал из ненастоящего в настоящее. **Будто** все чувства, как объектив, навели резкость. **Будто** у всего мира кругом оказалась моя кожа, продрогшая от августовского утреника» (29).

Повтор служебных частей речи, выполняющих функцию средств связи во фрагменте с синтагматическим расчленением, которое маркируется точками, создает иллюзию нагнетания. Семантика фрагментов вновь реализует тему «частного и общего»: мировая литература и частная жизнь матери героя; от огромного мира к кадру в «объективе» зрения героя, смотрящего в прошлое.

На следующем уровне иерархии прочитываются фрагменты, части которых разделены не только знаками конца предложения, но и абзацным членением. (Семантическая значимость графического оформления текста описана, например, в работах Н. Л. Шубиной⁴.) Каждый отрезок оказывается еще более отделенным; замедляется темп чтения. Автор приглашает читателя осмыслить каждый отрезок, при этом оставляя средства связи между отрезками эксплицированными, тем самым предлагая свой ход рассуждений, который так же, как и в предыдущих примерах, организован темой «частного и общего»:

«И меня, когда родился, не хотела крестить. И не потому, что боялась неприятностей, – она была в начале 61-го, когда Сталин еще покоился в Мавзолее, школьным парторгом. Просто искренне не понимала – зачем? Бабушка тайком крестила меня в церкви в Удельной, где мы летом жили на даче.

Да и мне в детстве было ясно, что в церковь ходят только необразованные бабушки вроде моей, с тремя классами приходской школы.

А потом думал, будто старики ходят в церковь, потому что они больше, чем молодые, боятся смерти. И не знал тогда еще, что, наоборот, молодые больше боятся смерти» (21–22).

Вопрос места религии в жизни общества в разные периоды, поднимаемый в данном фрагменте, реализуется не прямыми рассуждениями героя-повествователя, а в размышлениях героя о своем личном опыте, которые грамматически оформлены синтагматическим расчленением с эксплицитно выраженными средствами связи.

Для реализации смысла фрагментов без эксплицитно выраженных средств связи от читателя требуется выстроить причинно-следственные отношения и понять имплицитные смыслы самостоятельно. На уровне текстообразования такие фрагменты формируют сверхфразовые единства, которые реализуют концептуально значимый

смысл рассказа: невозвратности времени, утраты прошлого, тленности всего окружающего в материальном мире и вечности в нематериальном. Концептуально значимый смысл реализуется в рамках темы «частное – общее, глобальное»:

1) «Старшеклассники хотели провести вечер памяти Высоцкого. Коллеги маму отговаривали, но она разрешила. Вечер состоялся. Ребята пели его песни, читали стихи, слушали записи. На директора написали донос.

Школе устроили показательную порку, чтобы другим было неповадно» (19–20).

2) «Маму выгнали с работы. Перенести этот удар она так и не смогла. Школа была всей ее жизнью» (20).

3) «После ее смерти я перевез альбом к себе. А когда уезжал в Швейцарию, оставил все это у брата. Альбомы хранились у него в подмосковном доме.

Дом подожгли. Все наши фотографии сгорели.

У меня осталось только несколько детских карточек» (23).

Глубинный имплицитный смысл реализуется в противопоставлении утраты частных материальных воспоминаний о матери (фотографий, которые сгорели) и нематериальных глобальных вещей. Так формируется мотив хода времени, который становится ключевым для рассказа и сборника в целом. Мотив здесь понимается как «эстетически значимая повествовательная единица» [11: 96].

На верхнем уровне иерархии оказываются фрагменты, состоящие из целого ряда различных экспрессивных конструкций:

«Вдруг ощутил себя не у куста посреди тумана, а посреди мироздания. Да я и был мирозданием. В первый раз я тогда испытал это удивительное чувство. И это было не только предвосхищение всей будущей жизни. Тогда впервые все замкнулось, стало единым целым. Дымок от невидимого костра и мокрое шуршание в траве у меня под ногами. Не умерший папа и ничего не спросивший дядя Витя. Что было и что будет» (30).

Лексический повтор, присоединение, парцелляция формируют фрагмент текста. В таких фрагментах эксплицитно выражены смыслы, которые представлены имплицитно для модального поля читателя во фрагментах предыдущего типа: прошлое и настоящее «замкнулось» и стало «единым». Именно так и устроено то, что мы называем «мирозданием». Читатель, сопоставляя свою интерпретацию текста и эксплицитно выраженную позицию автора, переживает определенные эмоции. На уровне диалога «автор – читатель» читатель оказывается под воздействием эмоциональной программы автора (эмотивный код текста). Воздействие автора лежит в поле формирования перцептивного образа у читателя, о котором психологи говорят как о результате смыслового уровня восприятия речи. Такой уровень восприятия в психологии характеризуется как обусловленный целым рядом факторов, и прежде всего включенностью в активную деятельность⁵. Читатель воспринимает текст не пассивно, а активно участвует в реализации

замысла автора. Такое построение текста иногда связывается с понятием «интеллектуальной сложности» текста.

Расчленение синтагматической цепочки разной степени является средством формирования иерархической синтаксической структуры текста, с помощью которой реализуется замысел автора: концептуально значимые смыслы текста постигаются автором и читателем одновременно, а к пониманию идеи приходит повествователь и эксплицирует ее с помощью экспрессивных синтаксических построений. Экспрессия здесь связана с воздействием на читателя на уровне художественной коммуникации.

В нарративном аспекте особую значимость приобретают фрагменты текста, в которых отсутствуют эксплицитно выраженные средства связи между частями синтагматической цепочки, однако смысловые связи между сегментами легко устанавливаются читателем. Такое синтаксическое построение повествования позволяет автору передать право на формирование смысла текста читателю. Позиция самого автора реализуется на концептуальном уровне не столько через актуализацию частей сегментированных фрагментов текста (как это традиционно интерпретировалось для конструкций экспрессивного синтаксиса), сколько через активизацию читательского сознания там, где требуется установить смысловые связи между частями высказывания и выявить имплицитные смыслы.

В собственно структурном аспекте следует отметить функциональную корреляцию между традиционными конструкциями экспрессивного синтаксиса и сегментированными построениями в тексте. Например, функционально очень схожими оказываются ряд коротких распространенных предложений и цепочка номинативных предложений:

«Очень хорошо помню, как я испытал это в первый раз. Мне одиннадцать. Запах горящих под Москвой торфяников. Мглистые дачные утра 72-го. Привкус гари у всего, даже у горячей клубники с грядки. Мама

едет в отпуск в дом отдыха на Верхней Волге и берет меня с собой. Одно из моих первых путешествий» (10).

Лексический повтор темы функционально коррелирует с именительным темы:

«На одной из них я снят, наверное, отцом, еще на Пресне, но в тот же год мы переехали в Матвеевскую. Я в четвертом классе. На мне пальто с невидимым для объектива хлястиком. Очень хорошо помню то пальто, которое донашивал за братом. Мне все приходилось донашивать за братом. А пальто запомнилось вот почему. Мама часто рассказывала эту историю» (23).

Все анализируемые синтаксические явления можно охарактеризовать как деконструкцию традиционной повествовательной модели, организованной интенцией воздействия автора на читателя. Таким образом, речь идет о господстве не стиля, а материала в текстах [10: 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полисубъектность повествования (герой-повествователь и автор) оказывается мнимой: она полностью строится в пространстве читателя, которому предлагается иерархичная синтаксическая структура текста, реализующая путь к пониманию позиции автора. Особое внимание следует обратить на название рассказа «Пальто с хлястиком» (рассказ дал название всему сборнику). Концептуально название рассказа также реализуется иерархично: хлястик у пальто – отдельная часть пальто, частное; пальто – общее: потянув за короткое личное воспоминание или переживание из прошлого, герой видит общее, глобальное, а через это постигается смысл бытия. Мама держит за хлястик героя, чтобы герой не потерялся – частное, личное, материальное исчезает со временем, но остается глобальное и нематериальное в сознании героя, поколений, народа, страны. Функция заглавия текста с синтагматической расчлененностью усложняется [3: 91]. Расчлененные конструкции – мостик, смычка между полем читателя и автора, которая работает через воздействие на концептуальном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 75–86

² Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.

³ Здесь и далее цитаты из произведения М. Шишкина «Пальто с хлястиком» приводятся по изданию: Шишкин М. Пальто с хлястиком: Короткая проза, эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 7–31. В круглых скобках указывается номер страницы.

⁴ Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

⁵ Восприятие устной речи // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2007. С. 86.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова А. Ю. Образ читателя как литературоведческая категория // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 2. С. 17–26
2. Вяткина С. В. Метаграфемика в создании эмотивного кода русского рассказа XXI века // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Барселона, 2018. С. 1083–1092.
3. Вяткина С. В. Степень синтаксической расчлененности текста и функция заглавия современного русского рассказа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 86–93.

4. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
5. Золотова Г. А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Пленарное заседание: Сб. докладов. СПб.: Политехника, 2003. С. 101–109.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. М., 2004. 554 с.
7. Зорина Е. С. Вставные конструкции в романе П. Крусанова «Железный пар» // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Барселона, 2018. С. 1155–1164.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
10. Парамонов Б. М. Конец стиля. М.: Аграф: Алетейя, 1997. 464 с.
11. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
12. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
13. Думарский М. Syntax, Semantics, and Two Faces of Pragmatics // *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: Spór o pierwszeństwo*. T. I. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. Olsztyn, 2011. P. 81–95.

Поступила в редакцию 22.02.2019

Ekaterina S. Zorina, PhD in Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

SYNTAGMATIC DECOMPOSITION OF THE TEXT: THE MODAL ASPECT (BASED ON THE SHORT STORY “THE HALF-BELT OVERCOAT” BY M. SHISHKIN)

The undertaken analysis of the syntagmatic deconstruction is based on the structural and modal aspects. The chosen approach to the material opens an opportunity to describe the grammar features of the text fragments with the syntagmatic decomposition in terms of the author’s intention. Syntagmatic decomposition is turned out to be a part of the conceptual intention of the author. Moreover, the short story superphrasal structure is hierarchical. The hierarchy is based on the degree of the syntactic link means explicitness and the size of the fragments with the syntagmatic decomposition. Thus, on the highest level of the hierarchy are the syntagmatically decomposed fragments explicating the ideas that the reader has to interpret on the other levels. So, the author’s intention is to activate the reader’s sense through the decomposed structure perception and interpretation.

Keywords: text, modern short story, syntagmatic decomposition, text perception, text structure, expressive syntax constructions

Cite this article as: Zorina E. S. Syntagmatic decomposition of the text: the modal aspect (based on the short story “The Half-Belt Overcoat” by M. Shishkin). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 81–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.390

REFERENCES

1. Bol’shakova A. Yu. Reader as a literary category. *The Bulletin of the Russian Academy of Science: Studies in Literature and Language*. 2003. Vol. 62. No 2. P. 17–26. (In Russ.)
2. Vyatkina S. V. Metagraphics in creating the emotive code of the Russian short story of the XXI century. *Current Trends and Future Perspectives in Russian Studies. Proceedings of the International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona, MKR-Barcelona 2018*. Barcelona, 2018. P. 1083–1092. (In Russ.)
3. Vyatkina S. V. The degree of syntactic text deconstruction and the title function of the contemporary Russian short story. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 86–93. (In Russ.)
4. Dymarskiy M. Ya. Problems of text formation and the fiction text (based on Russian prose of the XIX and XX centuries). Moscow, 2001. 328 p. (In Russ.)
5. Zolotova G. A. Text as the main object of the linguistic and language study. *Russkoe slovo v mirovoy kul’ture: Materialy X kongressa MAPRYaL. Plenarnoe zasedanie: Sb. dokladov*. St. Petersburg, 2003. P. 101–109. (In Russ.)
6. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
7. Zorina E. S. Expletive constructions in the novel *Iron Steam* by P. Krusanov. *Current Trends and Future Perspectives in Russian Studies. Proceedings of the International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona, MKR-Barcelona 2018*. Barcelona, 2018. P. 1155–1164. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to getting knowledge of the language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the cognition of the world. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
9. Paducheva E. V. Semantic studies (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative). Moscow, 2010. 480 p. (In Russ.)
10. Paramonov B. M. The end of style. Moscow, 1997. 464 p. (In Russ.)
11. Silant’ev I. V. Poetics of the motif. Moscow, 2004. 296 p. (In Russ.)
12. Uspenskiy B. A. Poetics of composition. St. Petersburg, 2000. 352 p. (In Russ.)
13. Dymarskiy M. Syntax, semantics, and two faces of pragmatics. *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: Spór o pierwszeństwo*. T. I. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. Olsztyn, 2011. P. 81–95.

Received: 22 February, 2019

ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА МУХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского гуманитарного института
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
golst@el.ru

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ «ГОРЯЧИЙ ↔ ХОЛОДНЫЙ»*

Новизна исследования обусловлена выявлением лексических единиц, которые находятся в русском языке в отношениях противоположности в составе синонимико-антонимического комплекса «горячий ↔ холодный». Актуальным является определение противопоставленных лексико-семантических множеств в его составе. Анализ показал, что в антонимические отношения вступают лексемы с семантикой противоположности, а также лексико-семантические группировки лексем: синонимические ряды, имеющие однословные антонимы; антонимичные синонимические ряды, состоящие из большого количества лексических единиц; синонимико-антонимичные комплексы, представляющие собой семантически соотносимые группировки слов, связанные парадигматическими отношениями. Интерпретация универсальных понятий *горячий* и *холодный* осуществляется лексемами разной категориально-грамматической природы с преобладанием глагольных репрезентаций.

Ключевые слова: антонимы, отношения противоположности, денотативно-идеографическая группа, синонимико-антонимический комплекс

Для цитирования: Мухина И. К. Способы реализации отношений противоположности в синонимико-антонимическом комплексе «горячий ↔ холодный» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 86–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.391

ВВЕДЕНИЕ

Репрезентации отношений противоположности лексическими средствами находится в центре внимания как в отечественных научных изысканиях [3], в том числе и в исследованиях лексики в идеографическом аспекте [1], [2], так и в работах зарубежных ученых [6]. Принимая за основу теоретическую концепцию Л. Г. Бабенко, в которой выявлены основные когнитивные стратегии представления отношений противоположности в рамках идеографических словарей [2: 38], рассмотрим специфику антонимических отношений на примере синонимико-антонимического комплекса (далее – САК) «горячий ↔ холодный», относящегося к денотативно-идеографической сфере «Осязательная картина мира» в создаваемом авторским коллективом ученых Уральской семантической школы под руководством профессора Л. Г. Бабенко идеографическом словаре синонимико-антонимических комплексов.

Денотативно-идеографическая сфера «Осязательная картина мира» входит в объемную денотативную сферу «Восприятие окружающего мира» и состоит из нескольких денотативно-идеографических подгрупп, объединяющих САК, включающие в свой состав близкородственные лексемы («горячий ↔ холодный», «мокрый ↔ сухой», «мягкий ↔ жесткий», «ровный ↔ не-

ровный») и др.) и образованные антонимическими рядами, семантически соотносящимися с доминантными синонимами.

Рассмотрим способы реализации отношений противоположности в денотативно-идеографической подгруппе «горячий ↔ холодный», включающей лексемы, объединенные следующей типовой оппозитивной семантикой:

«Имеющий высокую / низкую или относительно высокую / низкую температуру; подвергшийся нагреванию / охлаждению до высокой / низкой температуры (от воздействия огня или жара / в результате использования льда, воды, имеющих низкую температуру, а также специальных нагревающих / охлаждающих устройств); характеризующийся высокой / низкой температурой воздуха; возможно, вызывающий неприятные, болезненные ощущения или наносящий повреждения человеку».

В денотативно-идеографическую подгруппу «горячий ↔ холодный» входят 16 основных антонимических оппозиций, которые являются САК, представляющими собой следующие семантически соотносимые парадигматические ряды. Прежде всего это основной синонимический ряд с доминантой ГОРЯЧИЙ (*горячий, нагретый, обжигающий, раскаленный, разг. жаркий*) соотносится с антонимичным ему синонимическим рядом с доминантой ХОЛОДНЫЙ (*холодный, ледяной и устар. ледяной, трад.-поэт. хладный, мерзлый, разг. студеный, разг. стылый*). Типовая

семантика, объединяющая членов антонимически соотносящихся синонимических рядов, также оппозитивна: «Имеющий высокую / низкую или относительно высокую / низкую температуру; подвергшийся нагреванию / охлаждению». В лексикографической практике в процессе словарного толкования целесообразно приводить примеры не на все слова – члены синонимического ряда, а только на лексемы – доминанты синонимического ряда:

«ГОРЯЧИЙ. Ивашов устроил для нас санаторий: **горячие** батареи, столовая чистота... (Ал.) – А оделись вы, ребята, так легко, – упрекала бабка, разливая им **горячий** чай (Айт.). ХОЛОДНЫЙ. Вымыть и выпотрошить рыбу под **холодной** водой, сбрызнуть лимонным соком и слегка посолить (газ.). Лежать бы, смотреть на море и попивать **холодное** вино (В. Крейд)».

Доказательством противопоставленности лексем *горячий* – *холодный* является наличие в Национальном корпусе русского языка совместной встречаемости антонимичных лексем в одном контексте, что показал дискурсивный анализ:

«Хотя в новом варианте законопроекта появилась статья о “ненадлежащем исполнении” коммунальных услуг, по-прежнему неясно, что делать жильцу, у которого отключили, например, **горячую** или **холодную** воду: на кого жаловаться, с кого требовать моральную или материальную компенсацию? (газ.)».

С основными синонимическими рядами, вступающими в антонимические отношения, соотносятся по 15 близкородственных синонимических рядов, в которые входят глаголы изменения функционального состояния объекта (**НАГРЕВАТЬ** / **НАГРЕТЬ** что, *греть* / *нагреть* что, *разогреть* / *разогреть* что, *подогреть* / *подогреть* что «Делать / сделать горячим, горячее или теплым, теплее; давать / дать нагреться чему-л.» ↔ **ОСТУЖАТЬ** / **ОСТУДИТЬ** что, *остуживать* / *остудить* что, *леденить* что, *разг. студить* / *остудить* что, *разг. холодить* что «Делать / сделать холодным, холоднее; давать / дать остыть чему-л.»); возвратные глаголы изменения функционального состояния (**НАГРЕВАТЬСЯ** / **НАГРЕТЬСЯ**, *разогреться* / *разогреться*, *подогреться* / *подогреться* «Становиться / стать горячим, горячее или теплым, теплее» ↔ **ОСТЫВАТЬ** / **ОСТЫТЬ**, *выстуживаться* / *выстудиться*, *остуживаться*, *охладевать* / *устар. охладеть*, *охлаждаться* / *охладиться*, *холодеть* / *похолодеть*, *разг. выстужаться* / *выстудиться*, *разг. студиться*, *разг. холодать*, *разг. холоднеть* / *похолоднеть* «Становиться / стать холодным или более холодным»); отвлеченные имена существительные (**НАГРЕВАНИЕ**, *нагрев*, *подогревание*, *подогрев* «Процесс, при котором что-л. становится горячим, горячее или теплым, теплее» ↔ **ОХЛАЖДЕНИЕ**, *выстуживание*, *остывание*, *разг. остужение*, *разг. остуживание* «Процесс, при котором что-л. становится холодным или холоднее»); производные слова кате-

гории состояния, образованные от некоторых членов ряда (**ЖАРКО** «О высокой температуре воздуха (в помещении)» ↔ **ХОЛОДНО**, *хладно*, *разг. студено* «О низкой температуре воздуха (в помещении)»).

Антонимические оппозиции, объединенные семантикой «горячий» – «холодный», разделяются на три группы. Основную группу составляют синонимические ряды, связанные с базовым лексическим значением «имеющий высокую / низкую или относительно высокую / низкую температуру; подвергшийся нагреванию / охлаждению». Корпусный анализ показал, что многие синонимические ряды из данной группы имеют примеры, в которых представлены оба антонима:

«Аризонская пустыня сложена из коричнево-красного плитняка. Кажется, землю эту прокалили в огне и потом **остудили**, чтобы снова **нагреть** уже солнцем (В. Песков, Б. Стрельников)». «Мясо режу маленькими кусочками, овощи, одноразовую вилочку – упаковываю в пластиковую коробку, сверху салфетку и все в фольгу (фольга не дает **нагреваться** летом, **остывать** зимой)» (газ.). «Она [Женя] знала из книжек, что такие печки [буржуйки] **нагреваются** мгновенно и так же мгновенно **остывают** (А. Берсенева)». «Осетрина **остыла**, водка в хрустальном графинчике **нагрелась** (С. Лукьяненко)».

Во вторую и третью группы объединяются синонимические ряды, метонимически связанные с основными. Вторая группа семантически соотносится с высокой / низкой температурой в каком-л. помещении: **ЖАРКИЙ** «Характеризующийся высокой или относительно высокой температурой воздуха; натопленный (о помещении, температура которого выше обычной, нормальной)» ↔ **ХОЛОДНЫЙ**, *ледяной*, *трад.-поэт. и разг. хладный*, *разг. студеный*, *разг. стылый*, *разг.-сниж. мерзлый* «Характеризующийся низкой или относительно низкой температурой воздуха; нетопленный, выстуженный (о помещении, температура которого ниже обычной, нормальной)»; **ЖАРКОСТЬ** «Свойство предмета, явления и т. п., имеющего высокую или относительно высокую температуру, характеризующегося такой температурой воздуха» ↔ **ХОЛОДНОСТЬ**, **МЕРЗЛОСТЬ** «Свойство предмета, явления и т. п., имеющего низкую или относительно низкую температуру, характеризующегося такой температурой воздуха»; **НАГРЕВАТЬ** / **НАГРЕТЬ** что «Делать / сделать горячим, горячее, теплым, теплее жилое помещение обычно с помощью специальных приспособлений; давать / дать помещению нагреться» ↔ **ОСТУЖАТЬ** / **ОСТУДИТЬ** что, *морозить* / *выморозить* что, *разг. выстуживать* / *выстудить* что, *охлаждать* / *охлаждать* что, *разг. студить* / *остудить* что, *разг. холодить* что «Делать / сделать холодным жилое помещение, выпуская тепло; давать / дать помещению остыть»; **НАГРЕВАТЬСЯ** / **НАГРЕТЬСЯ** «Делаться / делаться горячим, горячее, теплым, теплее (о жилом помещении)» ↔ **ОСТЫВАТЬ** / **ОСТЫТЬ**, *остужаться* / *остудиться*, *выстуживаться* /

выстудиться, разг. выстужаться, разг. холодиться «Делаться / сделаться холодным, выпускающая тепло (о жилом помещении)»; *НАГРЕВАНИЕ, нагрев* «Процесс, при котором жилое помещение становится горячим, горячее, теплым, теплее; результат такого действия» ↔ *ВЫСТУЖИВАНИЕ, разг. остужение, разг. остуживание* «Процесс, при котором жилое помещение становится холодным или холоднее; результат такого действия».

В одном контексте употребляются только лексемы данной группы, входящие в синонимические ряды с доминантами *ХОЛОДНЫЙ* ↔ *ГОРЯЧИЙ* (о помещении), *ЖАРКО* ↔ *ХОЛОДНО*:

«Почему в **холодном** цеху болты от гаек освободить довольно легко, а в **горячем** цеху освобождать эти болты от гаек вручную порой бывает не под силу?» (газ.) «Окружные суды обычно располагались в старых, запущенных зданиях, в которых зимой было **холодно**, чадили печи, а летом – **жарко** и душно (газ.)».

Третья группа объединена семантикой изменения температуры объекта – пищевого продукта – в процессе приготовления пищи и включает следующие синонимические ряды: *РАЗОГРЕВАТЬ / РАЗОГРЕТЬ что* «Делать / сделать остывшие пищевые продукты, кушанья, напитки снова горячими, горячее или менее холодными, теплыми» ↔ *ОСТУЖАТЬ и ОСТУЖИВАТЬ / ОСТУДИТЬ что, охлаждать / охладить что* «Делать / сделать пищевые продукты, кушанья, напитки холодными, холоднее или менее горячими, менее нагретыми»; *РАЗОГРЕВАТЬСЯ / РАЗОГРЕТЬСЯ* «Становиться / стать снова горячим, горячее или менее холодным, теплым (об остывших пищевых продуктах, кушаньях, напитках)» ↔ *ОСТУЖАТЬСЯ / ОСТУДИТЬСЯ, остуживаться / остудиться, остывать / остыть, охлаждаться / охладиться, стыть / остыть* «Становиться / стать холодным или холоднее, утратив тепло (о пищевых продуктах, кушаньях, напитках)»; *РАЗОГРЕВАНИЕ, разогрев* «Процесс, при котором остывшие пищевые продукты, кушанья, напитки делаются снова горячими, горячее или менее холодными, теплыми» ↔ *ОХЛАЖДЕНИЕ* «Процесс, при котором пищевые продукты, кушанья, напитки делаются холодными, холоднее или менее горячими, менее нагретыми»; *РАЗМОРАЖИВАТЬ / РАЗМОРОЗИТЬ что* «Выводить / вывести продукты питания из замороженного состояния, подвергая действию тепла, высокой температуры, возможно, с помощью специальных устройств» ↔ *ЗАМОРАЖИВАТЬ / ЗАМОРОЗИТЬ что, леденить что, подмораживать / подморозить что* «Приводить / привести продукты питания в замороженное состояние, превращать / превратить в лед, подвергая действию сильного холода, возможно, с помощью специальных устройств» и др.

Анализ показал, что в денотативно-идеографической сфере «Осязательная картина мира» в антонимические отношения вступают различные лексические единицы и их лексико-семантические группировки: отдельные лексемы

с семантикой противоположности (*РАЗМОРАЖИВАТЬСЯ / РАЗМОРОЗИТЬСЯ* ↔ *ЗАМОРАЖИВАТЬСЯ / ЗАМОРОЗИТЬСЯ*), составляющие антонимическую пару; парадигматические лексические множества: синонимические ряды, имеющие однословные антонимы (*НАГРЕВАТЬСЯ / НАГРЕТЬСЯ* ↔ *ОСТЫВАТЬ / ОСТЫТЬ, остужаться / остудиться, выстуживаться / выстудиться, разг. выстужаться, разг. холодиться*); антонимичные синонимические ряды (*РАЗМОРАЖИВАНИЕ, разг. разморозка* ↔ *ЗАМОРАЖИВАНИЕ, подмораживание, устар. морозение, разг. заморозка*); лексические парадигмы, представляющие собой подгруппы в составе денотативно-идеографической группы (см., например, проанализированные синонимические ряды, объединенные общими дифференциальными семами «имеющий высокую / низкую или относительно высокую / низкую температуру»; «с высокой / низкой температурой (о каком-л. помещении)»; «изменение температуры пищевого продукта на более высокую / низкую в процессе приготовления пищи»); САК, представляющие собой семантически соотносимые парадигматические ряды из основных и близкородственных синонимических рядов («горячий ↔ холодный», «мокрый ↔ сухой», «мягкий ↔ жесткий», «ровный ↔ неровный»).

ВЫВОДЫ

В реальности горячим / холодным могут быть какой-то объект, вещества и явления неживой природы (вода, пар, ветер и т. п.); продукты питания, напитки; температура воздуха в каком-либо месте, помещении, а также в какой-нибудь промежуток времени; живые организмы и их части. Когда человеку жарко / холодно, температура поверхности его тела обязательно выше / ниже нормы. Характеризующееся высокой / низкой температурой воздуха помещение обычно предполагает наличие / отсутствие в нем отопления (так же, как и неработающее отопление), такое помещение может быть построено с использованием / без использования специальных материалов, хорошо сохраняющих тепло, и поэтому быть / не быть предназначенным для использования зимой.

В синонимической картине мира русского языка из этих признаков актуализируются когнитивные признаки «помещение с высокой / низкой температурой воздуха», «пищевые продукты, подвергающиеся воздействию высокой / низкой температуры при приготовлении пищи», имеющие многочисленные лексические репрезентации.

Исследование закономерностей оппозитивных представлений о горячем и холодном также позволяет сделать вывод о преимущественном частеречном оформлении САК, что вносит вклад в решение проблемы национально-специфической интерпретации универсальных понятий лексемами разной категориально-грамматической природы. Несмотря на то что доминантными

синонимами в САК являются имена прилагательные *горячий* и *холодный*, из 16 антонимически противопоставленных синонимических рядов 8 являются глагольными, а 4 синонимических ряда объединяют отглагольные имена существительные.

Оппозитивные группы синонимов «горячий ↔ холодный» воплощают в себе представления о том, что носители русского языка думают и что говорят о ситуациях, репрезентируемых всеми лексемами синонимических рядов. При этом совокупность всех знаний о признаках горячих и холодных объектов, об изменении их температуры, лексически выраженных в лексико-семантических вариантах, составляет коллективное когнитивное пространство носителей

русского языка. Условием возникновения связи между ментальными пространствами «горячий ↔ холодный», если применять терминологию Ж. Фоконье [5], является наличие интуитивно очевидного отношения – коннектора, связывающего между собой компоненты соответствующих пространств. На наш взгляд, такими коннекторами между ментальными понятийными пространствами «ГОРЯЧИЙ» и «ХОЛОДНЫЙ», позволяющими осуществлять референцию к одному из объектов пространств посредством другого, являются отношения синонимии и антонимии между лексико-семантическими вариантами – членами одноименного синонимико-антонимического комплекса.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»). Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л. Г. Интеграция ментальных пространств в лексикографической интерпретации (на материале эмотивной лексики в идеографических словарях) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 67–77.
2. Бабенко Л. Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 37–41.
3. Кусова М. Л. «Смысл» отрицания в лексической семантике. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 1997. 186 с.
4. Царегородцева Н. В. Антонимические корреляции в идеографическом аспекте (на материале английских паремий): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
5. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. No 22 (2). P. 133–187.
6. Jones S. Antonymy. A corpus-based perspective. London and New York, 2002. 193 p.

Поступила в редакцию 24.06.2019

Irina K. Mukhina, PhD in Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)

REALIZATION OF CONTRAST RELATIONS IN THE SYNONYMIC AND ANTONYMIC COMPLEX “HOT ↔ COLD”*

The paper focuses on the research of the synonymic and antonymic complex “hot ↔ cold”. The novelty of the research is to identify lexical units of the Russian language which are contrasted to each other as parts of this synonymic and antonymic complex. Definition of the opposed lexico-semantic word sets within the structure of this complex is also relevant. The analysis showed that antonymic relations are formed by the lexemes with contrastive semantics, as well as lexico-semantic groups of lexemes: synonymic rows with one-word antonyms; antonymous synonymic rows including a large number of lexical units; synonymic and antonymic complexes consisting of semantically correlating groups of words connected by paradigmatic relations. Interpretation of universal concepts *hot* and *cold* is carried out through lexemes of different categorial and grammatical character with the prevalence of verbal representations.

Keywords: synonyms, antonyms, contrast relations, denotative ideographic group, synonymic and antonymic complex

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (Project No 19-012-00458 “Relations of identity and contrast: integration of mental spaces from lexicographic, structural-semantic and cognitive discourse perspectives”). The research was carried out as part of the UrFU Competitiveness Enhancement Program for 2013-2020 (Agreement No 02.A03.21.0006).

Cite this article as: Mukhina I. K. Realization of contrast relations in the synonymic and antonymic complex “hot ↔ cold”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 86–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.391

REFERENCES

1. Babenko L. G. Integration of the mental spaces in lexicographic interpretation (as exemplified in the lexis of emotions in ideographic dictionaries). *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018. No 4 (57). P. 67–77. (In Russ.)
2. Babenko L. G. Representation of contrast relations in the Russian language: problems of categorization and lexicographic parametrization. *Cognitive Studies of Language*. 2016. Issue XXVI. P. 37–41. (In Russ.)
3. Kusova M. L. “Meaning” of denial in lexical semantics. Yekaterinburg, 1997. 186 p. (In Russ.)
4. Tsaregorodtseva N. V. Antonymic correlations in ideographic aspect (as exemplified in English proverbs): Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Yekaterinburg, 2013. 24 p. (In Russ.)
5. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*. 1998. No 22 (2). P. 133–187.
6. Jones S. Antonymy. A corpus-based perspective. London and New York, 2002. 193 p.

Received: 24 June, 2019

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
novak@krc.karelia.ru

БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ СПЕЦИФИКИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА*

Представлен обзор переводов на карельский язык евангельских текстов и молитв, опубликованных в неофициальном отделе журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» в 1907–1908 годах. Публикация переводов была вызвана несколькими причинами: слабый уровень владения прихожанами карельских приходов русским языком; активизация деятельности по лютеранской пропаганде; признание карельского языка «миссионерским наречием». За год с небольшим на страницах журнала увидело свет 14 оригинальных текстов переводов (один текст дважды). Каждый из них фиксирует карельскую диалектную речь начала XX века. Основная часть текстов представляет распространенные близ г. Олонца говоры ливвиковского наречия карельского языка. Из всей совокупности переводов выделяется самый первый, «Пасхальное евангелие на карельском языке» (1907). Фонетический и морфологический анализ позволяет отнести его к южнокарельским говорам собственно карельского наречия, а именно к южным паданским, или соседним с ними северным мяндусельгским, или восточным поросозерским говорам. Опубликованные на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей» карелоязычные тексты могут пополнить список объектов для исследования процесса становления карельской письменности.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, перевод, диалектная речь, письменность, религиозные тексты, молитвы, Евангелия

Для цитирования: Новак И. П. Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.392

ВВЕДЕНИЕ

Первые переводные печатные тексты на карельском языке, в основном духовного содержания, были опубликованы в XIX веке, то есть еще до разработки в 30-е годы XX века нормированных письменных форм языка. Количество богослужебных текстов на карельском языке невелико, поэтому каждый из них представляет собой ценность как уникальное явление для церковной жизни того периода. Данные переводы находятся в поле зрения лингвистов, поскольку, во-первых, в них зафиксирована карельская диалектная речь определенного этапа своего развития, что дает возможность проследить ее в динамике, а во-вторых, анализ этих текстов является неотъемлемой частью исследования истории становления карельской письменности.

Источником для настоящего исследования послужили карелоязычные тексты, опубликованные на страницах периодического церковного издания Олонецкой епархии «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее «ОЕВ»). Журнал издавался на протяжении 20 лет, с 1898 по 1918 год, с периодичностью 2–3 раза в месяц. Полный его архив находится в свободном доступе на сайте Российской национальной библиотеки (nlr.ru).

В конце 2018 года свет увидел полный библиографический указатель издания, составленный Н. Г. Урванцевой [4], что значительно облегчает работу с источником. Материалы журнала неоднократно привлекались исследователями для изучения истории церкви, краеведения, этнографии и фольклора региона [2: 14].

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОЛОНЕЦКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Проблему использования карельского языка как на страницах журнала, так и в церковной жизни освещает О. П. Илюха в предваряющей библиографический указатель статье «Репрезентация “племен” и “народов” в “Олонецких епархиальных ведомостях”» [2]. В ней подробно проанализировано содержание журнала с точки зрения информации об этносах края и их языках: вплоть до первой русской революции журнал ограничивался довольно скромными, однако важными упоминаниями о них [2: 15–17]. Так, например, в историко-этнографическом очерке Я. Елпидинского «Олонецкая епархия, ее пределы и население» автором выделяется два карельских говора: олонецкий и повенецкий, тем самым производится разделение карельского языка на две

крупные группы, указывающие на сформировавшиеся к тому периоду наречия: собственно карельское и ливвиковское (очевидно, совместно с людиковским)¹.

В начале XX века на страницах журнала отмечен слабый уровень владения прихожанами-карелами русским языком, что в совокупности с активизацией миссионерской деятельности по лютеранской пропаганде заставило церковь обратиться к карелам и их языку. Карельский язык был признан «миссионерским наречием». В связи с этим предлагалось принять такие меры, как использование карельского языка в практике богослужений, перевод на него религиозной литературы, повышение окладов священникам, владеющим карельским языком [2: 17–24], [4], [5: 128–129]. На Видлицком пастырско-миссионерском съезде (20–24 января 1907 года) было принято решение отказаться от имеющихся на финском языке переводов, при этом относительно карельского языка в публикациях, освещающих съезд, говорилось:

«Язык этот не литературный и является наречием финского языка со значительной примесью русских слов. На нем нет ни церковных, ни богослужебных книг...».

В обзоре упоминаются переводы религиозных текстов «Начатки христианского учения на карельском и русском языках» А. Логиновского (1882), «Краткая священная история на русском и карельском языках» свящ. Н. Дьячкова и диакона К. Дьячкова, «Евангелие от Матфея» свящ. П. Преображенского, М. Усердова и Н. Дьячкова (1896), «Евангелие от Луки», «Евангелие от Иоанна» свящ. Тунгудского прихода К. Дьячкова (см. о переводах подробнее [3: 10–12]). О переводе «Евангелия от Матфея» говорится, что он вы-

полнен «очень худо», «хранятся пачки его не развязанными»². Очевидной причиной такой оценки и невостребованности перевода является то, что он был сделан на собственно карельское наречие, распространенное на тот момент в Архангельской губернии, тогда как Олонецкую населяли большей частью носители южных наречий карельского языка: ливвиковского и людиковского.

В связи со сложившейся ситуацией редакция журнала «ОЕВ» осознала необходимость размещать на своих страницах переводы на карельский язык молитв и евангельских текстов. В № 8 за 1907 год был опубликован призыв миссионера, священника А. Вещезерова к священнослужителям, владеющим карельским языком, делать переводы текстов Священного писания на свое наречие:

«...мы уверены, что ни одна слеза благодарности прольется карелами, особенно женщинами, впервые услышавшими в храме слово Благовестия на своем родном языке... Приняться за это дело необходимо сейчас же – сама жизнь требует этого...»³.

Публикации в неофициальном отделе журнала евангельских текстов и молитв в переводе на карельский язык относятся к непродолжительному периоду: с № 6 за 1907 год (15 марта) по № 10 за 1908 год (15 мая). Редактором отдела на тот момент являлся архимандрит Фаддей (Иван Васильевич Успенский), совмещающий деятельность на посту ректора Олонецкой духовной семинарии (1902–1908) с редакторской работой (1903–1908). В общей сложности за год с небольшим было опубликовано 14 оригинальных текстов переводов (один текст дважды: «Пасхальное евангелие на карельском языке» в № 7 за 1907 год и № 8 за 1908 год) (см. табл. 1).

Таблица 1

Переводы на карельский язык евангельских текстов и молитв, опубликованные в «Олонецких епархиальных ведомостях»

№ / год	Стр.	Название (Автор перевода)	Наречие
6 / 1907	164	Пасхальное Евангелие на карельском языке: Иоан. 1, 1–17 (Карел. дьякон Стефан Троицкий Уножского прихода)	собств.кар.
7 / 1907	212	Пасхальное Евангелие на карельском языке (вторая редакция) (Благоч. свящ. М. К-в и дьякон Д. Б-й)	ливв.
8 / 1907	219–220	Символ веры на карельском языке (Свящ. с. Мегреги Петр Ильинский)	ливв.
8 / 1907	220	Молитва Господня на карельском языке (Свящ. с. Мегреги Петр Ильинский)	ливв.
24 / 1907	593	Святое Евангелие в праздник Рождества Христова в переводе на карельское наречие: Мф. 1, 18–25 (Д. Островский)	ливв.
24 / 1907	594	Литургийное: Мф. 2, 1–12	ливв.
2 / 1908	31–32	Евангелие на литургии в Сретение Господне: Лук. 2, 22–40	ливв.
2 / 1908	33–35	Слово в день Сретения Господня (Учитель Вознесенской школы А. Островский)	ливв.
3 / 1908	53–54	Святое Евангелие на литургии в неделю Мясопустную: Мф. 25, 31–46	ливв.
6 / 1908	121–122	Евангелие на литургии в Благовещение: Лук. 1, 24–38	ливв.
7 / 1908	145–146	Евангелие на литургии в Вербное воскресенье: Иоан. 12, 1–8	ливв.
8 / 1908	167–168	Пасхальное Евангелие: Иоан. 1, 1–17	ливв.
10 / 1908	221–222	Блаженны (Свящ. Виктор Никольский (Ребольский приход))	ливв.
10 / 1908	222–223	Евангелие на литургии в Вознесение Господне: Лук. 24, 36–53	ливв.
10 / 1908	224–225	Евангелие на литургии в день сошествия Святого Духа: Иоан. 7, 37–52; 8, 12	ливв.

Публикации переводов были приурочены к православным церковным праздникам: «Пасхальное евангелие», «Святое Евангелие в праздник Рождества Святого», «Евангелие на литургии в Сретение Господне», «Святое Евангелие на литургии в неделю Мясопустную», «Евангелие на литургии в Благовещение», «Евангелие на литургии в Вербное воскресенье», «Евангелие на литургии в Вознесение Господне», «Евангелие на литургии в день сошествия Святого духа».

ДИАЛЕКТНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ТЕКСТОВ

Наличие в основной части текстов ярких фонетических, морфологических и лексических маркеров позволяет отнести их к ливвиковскому наречию карельского языка. Анализ материала указывает, что переводы выполнены на разные ливвиковские говоры. Отличия проявляются как в представительстве отдельных фонетических особенностей, напр., возможность замены согласного *j* палатализованным *d'*: юмал бог-NOM, ялал нога-ADESS / дюгей трудный-NOM, *diattia* оставляет-INF, так и в использовании вариантов морфологических показателей, напр.: комитатив: *мейянке* мы-SOM / *гянэнкель* он-SOM, аллатив: *мигелль* / *мигеле* муж-ALL, аппроксиматив: *минулло* / *минуллоу* я-APPR, форма II причастие актива: *эй тахтону* хотеть-NEGIMPF:3SG / *этто сюэтанухъ* кормить-NEGIMPF:2PL, или различных вариантов личных местоимений, напр.: *гай* / *гайнъ* он-NOM.

Из всей совокупности текстов выделяется первый перевод – «Пасхальное евангелие на корельском языке» (№ 6 за 1907 год), выполненный Стефаном Троицким, «природным карелом», дяконом Уножского прихода (Колодозерский приход Пудожского уезда):

Пасхальное евангелие на корельском языке Куннэлгоа (Вонмемь).

1. Энзимязеня оли сана, и сана оли дюмалалла, и сана оли дюмала.
2. Хянъ оли энзимязькси дюмалалла.
3. Кай хянесть пиялитчи энзимязестя оли и хянеття ни-ми энзимязьття эй заводиннуузъ ми пида олла.
4. Хянься оли элось, и элось оли валгье рахваалла.
5. И валгье пиміэсса валлотау, и пиміе эй сьвянню хяндя.
6. Оли міесь тюённеттю дюмаласта, ними хяnellя Ийвана.
7. Хянъ тули катчема, чтобы катчоу илмуа, и кайкинъ уссоттайсь хянесть пиялитчи.
8. Хянъ эй оллу илма валгье, а оли тюённеттю чтобы катчоу илмуа.
9. Оли илма истинной, кумбанэ валлоттау кайкіе рахвахіе туліой илмалла.
10. Илмалла оли, и илма хянесть пиялитчи заводизи ройта, и илма хяндя эй тундэну.
11. Тули оміень-луо, и омаь хяндя эй пріймиттю.

12. А нійлля, кумбазеть пріймитти хяндя, віеруйчой хянеъ нимъ, андой валланъ олла бригагчу лойнна дюмаланъ.

13. Кумбазеть эй вѣрестя, эй тахонналла рунганъ, (хібіень) эй ни тахонналла уконъ, а дюмаласта ройты.

14. И сана роди рунгакси, (хібіекси) и роди мѣйянкера, тязузи хювья и ойгіѣда, и мюо няммя слуванъ хянеъ, куй слуванъ айनावоста туатаста.

15. Ийвана катчоу хяндя, и айяльди сану: тямя оли сѣ, кудамайста міе санойнъ, что тулія міунъ дяльѣлля, роди эннѣ міуда, куйнъ и оли эннѣ міуда.

16. И тязвестя хянесть кайкинъ мюо пріймія и хювья хювья.

17. Сѣндя что закона (кяску) оли аннэтту Мойсіеста пиялитчи, а кай хювюеть и праувватъ ляхетти пиялитчи Исусасъ Христасъ (дюмаласта).

Уножского прихода,
діаконъ Стефанъ Троицкій⁴.

Уже в следующем номере журнала публикуется вторая редакция перевода:

Пасхальное евангелие на корельском языке (Вторая редакция).

1. Аллусь оли Сана, и Сана оли Юмалаллу, и Сана оли Юмалъ.
2. Гяйнъ оли аллусь Юмалаллу.
3. Кай Гянэсь пияличи рубей олэмахъ, и Гянэтта ними эй рубейну олэмахъ, ми рубей олэмахъ.
4. Гянэсь оли элось, и элось оли валгье рагвагійнъ.
5. И валгье пиміэсъ валлотау, и пимей эй оттанухъ гяндю.
6. Оли міесь тюённеттю Юмаласъ, ними гянэлъ Ийванъ.
7. Гяйнъ тули свидѣтельствоинтяхъ, да свидѣтельствоучоо валгейду, ку кай ускойтгасъ гянэсь пияличи.
8. Гяйнъ эй оллу валгье, а оли тюётттю да свидѣтельствоуйчоо валгейду.
9. Оли валгье истинной, кудаи валлэндау ёга инегмизэнь туліянь тьялэ илмалэ.
10. Тьял илмалъ оли, и илму Гянэсь пияличи рубей олэмахъ, и илму Гяндю эй тундэну.
11. Тули оміень-луо, и омаь Гяндю эй пріймиттю.
12. И нійллэ, кудамаь пріймиттихъ Гяндю, кудамаь ускотахъ Гянэнь нимехъ, андой валланъ олла Юмаланъ лапсэнну,
13. кудамаь эй вересь, эй гибьянь тахтондасъ, эй ни міэгень тахтондасъ, но Юмаласъ родитгыгээ.
14. И Сана рубей гибьяксэ, эли мейянке, тязузи армоо и ойгіеда, и мюё няммё слуванъ Гянэнь, слуваннъ, ку Айнованъ Туатонъ Пойянь.
15. Ийванъ свидѣтельствоуйчоо Гяндю и киллюу сану: Тямя оли Сэ, кудамаа мина санойнъ, Туліяй минунъ яллэсь сэйзаттихъ эдэль минуу, оли бо айёмби минуу.
16. И тьявюндасъ Гянэнь кай міе прійміяммё армоармохъ,
17. сєндяхъ-ку закона аннэтту оли Мойсэйсь пияличи, армо и истинну туллыхъ Исусъ Христасъ пияличи. Аминь⁵.

Переведенный фрагмент из «Евангелия от Иоанна» небольшой, однако и этого материала оказалось достаточно для того, чтобы выявить в его вариантах яркие особенности, характеризующие собственно карельское и ливвиковское наречия карельского языка (табл. 2).

Таблица 2

Диалектные маркеры в вариантах перевода «Пасхального евангелия»

Диалектный маркер	№ 6 за 1907 год	№ 7 за 1907 год
1. Конечная огласовка начальных форм одноосновных имен с основой на <i>-a / -ä</i> , показателей партитива, эссива	<i>дюмала</i> бог-NOM <i>илма</i> мир-NOM	<i>юмалъ</i> <i>илму</i>
	<i>хяндя</i> он-PART <i>ойгьда</i> правильный-PART	<i>ганду</i> <i>ойгьду</i>
	<i>энзимязеня</i> первый-ESS	<i>лапсэнну</i> ребенок-ESS
2. Конечная огласовка показателя транслатива	<i>рунгакси</i> плоть-TRANSL	<i>гибьякэ</i> плоть-TRANSL
3. Конечная огласовка окончаний 1 и 2 л. мн. ч.	<i>няйммя</i> видеть-PRS:1PL <i>прійміймя</i> принять-PRS:1PL	<i>няйммё</i> <i>прійміймё</i>
4. Отличия в системе дифтонгов	<i>валге</i> свет-NOM <i>пиміе</i> тьма-NOM	<i>валгеі</i> <i>пимей</i>
5. Наличие / отсутствие дифтонгов на <i>i</i> перед <i>s</i>	<i>уссоттайсь</i> верить-COND:3PL	<i>ускойттасъ</i>
6. Альтернативная система согласных	<i>тахонналла</i> похоть-ADESS <i>уссоттайсь</i> верить-COND:3PL	<i>тахондасъ</i> похоть-INESS <i>ускойттасъ</i>
7. Система местоимений	<i>хянь</i> он-NOM <i>міе</i> я-NOM <i>міуда</i> я-PART	<i>гяйнь</i> <i>мина</i> <i>мунуу</i>
	<i>кумбанэ</i> который-NOM	<i>кудай</i> который-NOM
8. Система местных падежей	<i>пииміэсса</i> тьма-INESS	<i>пиміэсь</i>
	<i>хянестя</i> он-ELAT <i>вгьрестя</i> кровь-ELAT	<i>гянесь</i> <i>вересь</i>
	<i>илмалла</i> мир-ADESS <i>хянелля</i> он-ADESS	<i>илмалъ</i> <i>гянэль</i>
	<i>илмалла</i> мир-ALL <i>нійлля</i> эти-ALL	<i>илмалэ</i> <i>нійллэ</i>
9. Система послеложных падежей	<i>мгыйнкера</i> мы-COM <i>оміень-луо</i> свой-PLAPPR	<i>мейянке</i> <i>оміень-луо</i>
10. Форма II причастия актива	<i>эй стьянню</i> объять-NEGIMPF:3SG <i>эй тундэну</i> узнать-NEGIMPF:3SG	<i>эй оттанухъ</i> брать-NEGIMPF:3SG <i>эй тундэну</i>
11. Наличие / отсутствие возвратного спряжения	<i>ройты</i> становиться-IMPF:3PL	<i>родиттыгэээ</i> становится-REFL:IMPF:3PL

Для второй редакции «Пасхального евангелия» в сопроводительном комментарии указано: «Принятое к этому переводу наречие употребляется в карельских приходах близ г. Олонца»⁶. Анализ же фонетических и морфологических отличительных особенностей первого текста с уверенностью позволяет отнести его к распространенному на северо-западе Олонецкой губернии собственно карельскому наречию. Кроме того, в тексте удается обнаружить ряд маркеров, позволяющих говорить о его принадлежности к южным паданским, или соседним с ними северным мяндусельским, или восточным поросозерским говорам (см. [1]):

- использование свистящих согласных: *сана* слово-NOM, *тяузи* целый-NOM, *энзимязеня* первый-ESS, *уссоттайсь* верить-COND:3PL;
- сохранение нисходящего дифтонга на конце словоформы: *андой* давать-IMPF:3SG;
- вокализация / выпадение конечного согласного *h*: *ройты* верить-IMPF:3PL, *ляхетти* отправляться-IMPF:3PL, *тули* приходиться-IMPF:3П катчема смотреть-SUP;

- замена согласного *j* палатализованным *d'*: *дюмала* бог-NOM, *дяльлгьлля* следом-ADV;
- форма II причастия актива с гласным на конце: *эй стьянню* объять-NEGIMPF:3SG, *эй тундэну* узнать-NEGIMPF:3SG.

Очевидно, что в ходе подготовки этих и последующих текстов переводчикам и редакторам журнала приходилось сталкиваться с целым рядом трудностей, вызванных отсутствием норм и правил. Как отмечает священник Д. Островский в комментарии к переводу «Святого Евангелия в праздник Рождества»:

«Не можем сказать, что означенный перевод чужд недостатков. ... В настоящее время не разработаны ни грамматика, ни фонетика, ни синтаксис и т. п. карельского языка»⁷.

В качестве примера проблем, вызванных отсутствием зафиксированных орфографических правил, можно привести различные варианты написания послеложных падежных форм комитатива: *гяэнкель* он-COM / *синунь-кель* ты-COM и аппроксиматива: *оміень-луо* свой-PLAPPR / *юмалаллу* бог-APPR / *минулло* я-APPR / *нейдызеллюо* девушка-APPR, находящихся в начале

XX века в процессе становления, или использование различных показателей аллатива даже в рамках одного перевода: *миегеле* муж-ALL / *хяnellе* он-ALL / *ангелиль* ангел-PLALL.

Очевидны также некоторые проблемы, связанные с использованием в переводах кириллической графики, напр.: *мюо* / *мюё* / *миё* мы-NOM, *хібіень* / *гибьянь* плоть-GEN, *хіянь* / *гяйнь* он-NOM. Однако при этом отмечается, что финских букв

«недостаточно для выражения всех звуков карельской речи... проще было бы написать карельские слова русскими буквами, в особенности в переводах священных и богослужебных книг на карельский язык»⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель, с которой производилась публикация карелоязычных переводов на страницах «ОЕВ», в совокупности с мероприятиями, проводившимися в епархии по переходу на карельский язык в практике богослужений, очевидно, была выполнена. Священник Д. Островский в примечании к переводу «Святого Евангелия в праздник Рождества Христова» призывает священников карельских приходов:

«Убедительно просим... воспользоваться сим переводом на праздничном богослужении... Думаем, что нельзя сделать лучшего рождественского подарка для карел – особенно пожилых, не понимающих богослужения на славянском языке, как чтение святого Евангелия на их родном наречии»⁹.

В обзорах различных событий, опубликованных на страницах журнала в последующие годы, отмечается, что в карельских приходах карельский язык активно использовался в богослужениях. Например, в очерке Н. Чукова о Карельском празднике в с. Видлица Олонецкого уезда особое внимание обращено автором на то, что молитвы поются на церковно-славянском и карельском языках, чтения проводятся на карельском языке или переводятся на карельский язык синхронно¹⁰. Д. Островский, освещая паломничество карел в Колатсельгу, пишет:

«Некоторые песнопения и чтения исполняются на карельском языке. ... Проповедь произносится по-русски

и тотчас же особым переводчиком переводится на карельский язык»¹¹.

Священник А. П-ий делится своим опытом использования карельского языка: «Пишущий эти строки – уроженец русского прихода, за 8 лет служения в двух карельских приходах усвоил язык карел». Отмечено, что долг исповеди св. причастия прихожанами исполнялся плохо, пока не перешли на карельский язык: «Мужчины все, за очень редкими исключениями, русскую речь знают, а женщины, наоборот... в полном смысле слова карелки». Автор делится: «Благодарили: *“Пассибо сіула, паппи, што сіе гювя прійमितь міунь ріяхкятъ”*», делая вывод: «Священнику обязательно нужно знать язык своих прихожан-карел, чтобы не страдало дело пастырства»¹².

Владение священнослужителями карельских приходов карельским языком подтверждалось прохождением ими соответствующего экзамена, который необходимо было сдать в течение трех лет со времени поступления в карельский приход. В № 9 за 1910 год отмечено:

«Кто, хотя и знает карельский язык, но не любит, не пользуется им, не совершенствуется, того можно будет лишать уже и полученного усиленного оклада, наоборот, кто постарается изучить, того представлять к усиленному окладу».

Была организована испытательная комиссия, постановившая:

«Требовать от испытуемых в карельском языке: 1) знание разговорного карельского языка в такой степени, чтобы испытуемый мог свободно объясняться на нем; 2) знание наизусть на карельском языке общеупотребительных молитв; 3) письменное упражнение, состоящее или в кратком поучении на карельском языке, или в изложении общеизвестного священо-исторического события, или в переводе некоторых мест Евангелия»¹³.

Возможно, именно свободное владение священниками карельским языком с середины 1908 года лишило редакцию «ОЕВ» необходимости публиковать переводы молитв и текстов Священного писания. К тому же силами Православного Карельского братства (1907–1917) свет увидело большое количество религиозной литературы на карельском языке.

* Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте» (AAAA-A18-118012490344-5).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Елпидинский Я. Олонецкая епархия, ее пределы и население // Олонецкие епархиальные ведомости. 1898. № 3. С. 17.

² С-кий. Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 393–394.

³ Вещезеров А. Заметка // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 239.

⁴ Троицкий С. Пасхальное евангелие на корельском языке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 6. С. 164.

⁵ К-в М., Б-й Д. Пасхальное евангелие на корельском языке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 7. С. 212.

⁶ Там же.

⁷ Островский Д. Святое Евангелие в праздник Рождества Христова в переводе на карельское наречие // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 24. С. 594.

⁸ «Руководство к карельскому языку» Х. Оянсу // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 21. С. 542.

⁹ Островский Д. Святое Евангелие в праздник Рождества Христова в переводе на карельское наречие // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 24. С. 593.

- ¹⁰ Чуков Н. Карельский праздник в с. Видлицах Олонецкого уезда (по случаю получения покровителя Карел. Братства иконы Св. Великомученика Георгия Победоносца) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 12. С. 238–239.
- ¹¹ Островский Д. Паломничество карел в Колат-сельгу // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 478–480.
- ¹² П-ий А. О желательности каждому священнику карельского прихода знать наречие своих прихожан-карел (Из наблюдения и опыта священника) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 14. С. 317–319.
- ¹³ Журнал заседания Комиссии по составлению проекта программы для производства испытаний в знании карельского языка клириками и кандидатами в клир от 12 февраля с. г. за № 1 // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 146–148.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: Финно-угорское об-во, 1997. 10 с.
2. Илюха О. П. Репрезентация «племен» и «народов» в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): Библиографический указатель / Сост. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 13–24.
3. Ковалева С. В., Родионова А. В. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 138 с.
4. Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): Библиографический указатель / Сост. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 240 с.
5. Пулькин М. В. Переводы Евангелия на карельский язык в XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2010. № 4. С. 123–131.

Поступила в редакцию 5.06.2019

Irina P. Novak, PhD in Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

LITURGICAL TEXT AS A SOURCE OF RESEARCH INTO THE DIALECT SPECIFICS OF THE KARELIAN LANGUAGE*

The article provides an overview of the Karelian-language translations of the Gospel texts and prayers published in 1907 and 1908 in the unofficial section of *Olonets Diocesan Gazette*, which so far have not come to the attention of linguists, with a view to introduce them into scientific circulation. The publication of the translations was influenced by several reasons: the low level of the Russian language among the members of the Karelian parishes; the revitalization of the Lutheran propaganda and missionary work; and the recognition of the Karelian language as a “missionary language”. In a little more than a year, 14 original translations were published on the pages of the journal (one of the texts was published twice). Each of them records Karelian dialect speech of the early XX century. Most of the texts are written in the Livvi dialect of the Karelian language, common in the vicinity of Olonets town. The first of these translations titled *Easter Gospel in the Karelian Language*, published in the sixth issue of the journal in 1907, stands out from all the other. Phonetic and morphological analysis enables to attribute it to the southern variants of the Karelian dialect, namely to the southern Paatene dialects or to the adjacent northern Mätyselkä or eastern Porajärvi dialects. In addition, the Karelian-language texts presented on the pages of *Olonets Diocesan Gazette* can be used for studying the process of the Karelian written language formation.

Keywords: Karelian language, dialectology, translation, dialect speech, written language, religious texts, prayers, Gospels

* The article was written as part of the state project AAAA-A18-118012490344-5 “The Baltic-Finnish languages in the north-west of the Russian Federation: linguistic research in the socio-cultural context”.

Cite this article as: Novak I. P. Liturgical text as a source of research into the dialect specifics of the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.392

REFERENCES

1. Bubrih D. V., Beljakov A. A., Punzhina A. V. Dialectological atlas of the Karelian language. Helsinki, 1997. 10 p. (In Russ.)
2. Iljuha O. P. Representation of “tribes” and “peoples” in *Olonets Diocesan Gazette*. *Olonets Diocesan Gazette (1898–1918): Bibliography* (N. G. Urvanцева, Comp.). Petrozavodsk, 2018. P. 13–24. (In Russ.)
3. Kovaleva S. V., Rodionova A. V. The traditional and the new in the vocabulary and grammar of the Karelian language. Petrozavodsk, 2011. 138 p. (In Russ.)
4. *Olonets Diocesan Gazette (1898–1918): Bibliography* (N. G. Urvanцева, Comp.). Petrozavodsk, 2018. 240 p. (In Russ.)
5. Pul'kin M. V. Gospel translations to the Karelian language in the XIX and the early XX centuries. *Bulletin of St. Tikhon University for the Humanities. Series III. Philology*. 2010. No 4. P. 123–131. (In Russ.)

Received: 5 June, 2019

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА ТВЕРДОХЛЕБ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка филологического факультета

Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Российская Федерация)
ogtwr@gmail.com

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЙ ПОВТОР СОМАТИЗМОВ В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Статья подводит некоторые итоги изучения наименований частей тела человека (соматизмов) в поэзии Андрея Белого. Проведенный в работе анализ показал сложную эстетическую систему Андрея Белого, межтекстовые образные связи в которой устанавливаются путем повторного включения наименований частей тела человека с определенными реалиями, событиями действительности (112 контекстов; примерно 10 % от всех конструкций, включающих соматическую лексему). Обосновывается идея о том, что в поэтическом творчестве Андрея Белого сочетаемость повторы соматизмов с одинаковыми компонентами, вводимыми поэтом на протяжении всего творческого пути в разные стихотворные произведения для изображения многообразных поэтических картин и образов, персонажей и деталей, связывают его стихи «в единый текст», отображая эстетические задачи автора, целостность его исходного творческого импульса. В работе акцентируется внимание на грамматическом аспекте сочетаемости повторов соматизмов в поэзии Андрея Белого, являющихся не только средством познания частей тела человека в процессе их называния поэтом, но и языковым приемом как для анализа соматической сферы в образно-понятийных связях, ее места в поэтическом мире Андрея Белого, так и для характеристики идиостилия поэта. Показывается на иллюстративном материале, что в разнообразных поэтических творениях, написанных в различные годы, Андрей Белый: а) чаще использует сочетательные повторы соматизмов с глаголами, реже – с именами существительными и прилагательными; б) излюбленными глагольными лексемами, в синтаксическое окружение с которыми неоднократно включает одни и те же соматические лексемы, репрезентирующие обычно верхнюю часть тела человека: *лицо, голова, нос*, являются глаголы лексико-семантической группы «изменение положения тела». Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Андрея Белого, а также найти применение в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: Андрей Белый, соматизм, повтор, ассоциативность, сочетаемость

Для цитирования: Твердохлеб О. Г. Сочетательный повтор соматизмов в поэзии Андрея Белого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 96–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.393

ВВЕДЕНИЕ

В исследовательской литературе уже накоплен некоторый опыт анализа творчества А. Белого, чаще в литературоведческом аспекте ([3], [5], [6]). Но и в последние годы интерес к его творчеству не ослабевает ([1], [4], [10], [15], [16]). Однако работ лингвистического характера очень мало, среди них наиболее значима [7]. Возросшее внимание в современной науке к междисциплинарным исследованиям языковых особенностей в единстве с поэтикой делает наш анализ поэтического языка Андрея Белого актуальным.

Исследование проводилось на основе Национального корпуса русского языка¹ (далее все примеры, приводимые в статье, по этому источнику – НКРЯ). Так как нас интересовало функционирование в поэзии Андрея Белого одного из древнейших пластов лексики – соматической лексики, ключевой с точки зрения формирования, функционирования и концептуализации в разных языках и являющейся традиционным

образным средством языка (Т. И. Вендина, Д. Б. Гудков, А. А. Занковец, А. С. Киндеркнехт, И. М. Кобозева, В. В. Колесов, А. М. Кочеваткин, Г. Е. Крейдлин, А. А. Уфимцева, А. Д. Шмелёв и др.), – то в поэтическом подкорпусе НКРЯ, посвященном Андрею Белому (объем 505 документов, 7 562 предложения, 54 389 слов), был сделан запрос (**S r:concr & (pt:partb & pc:hum)**), выявивший значительное количество соматической лексики (351 документ, 1 104 вхождения, что составило 2,03 % от общего количества слов в выбранном подкорпусе).

ПОВТОРЫ В ТЕКСТАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Андрей Белый обращал внимание читателей «Четвертой симфонии» на то, что

«надо понимать... сколько раз уже повторялась тема образа и какие образы ее сопровождали», так как «переживания, облеченные в форму повторяющихся тем», «представлены как бы в увеличительном стекле»².

И действительно, на важность повторов в структуре прозаических текстов А. Белого

указывали многие исследователи его творчества ([16], [17] и др.), отмечая, в частности, «повтор и возникшие на его основе сквозную тему и лейтмотив» как «основу организации текста в орнаментальной прозе», в которой «все связано, переплетено, объединено по ассоциации», а «опорные слова не всегда концентрируются в одном отрывке, от которого тянутся нити к другим» [8: 56], [57], [58]; либо «целые цепочки ассоциативных образов», «скрепляющих повествование» [18: 128]; либо «густоту» различных типов повторов как «носителей определенных семантических тем лейтмотива» [13: 146–147]; либо «образные и синтаксические параллельные структуры и общие атрибуты»; либо «точный или вариативный повтор» «на различных уровнях текста – композиционном, сюжетном, лейтмотивном, на уровне персонажей» [2]. Описаны основные типы повторов в его текстах (см., напр., [9]). Все эти работы посвящены анализу прозаических текстов А. Белого, в то время как к повторам в его поэзии исследователи обращаются крайне редко ([13], [19]). Поэтому мы в данной статье подробно проанализируем обнаруженный нами сочетаемостный, ассоциативный повтор, функционирующий в разных поэтических произведениях Андрея Белого.

Анализ нашей картотеки, насчитывающей более тысячи поэтических конструкций А. Белого, включающих соматизмы, показал, что поэт достаточно часто (112 примеров; примерно 10 % от всех конструкций, включающих соматическую лексему) располагает в стихотворном контексте рядом с лексемой-соматизмом одни и те же слова следующих частей речи:

- а) глагол (69 случаев);
- б) имя существительное (18 случаев);
- в) имя прилагательное (15 случаев);
- г) комбинированные повторы разных частей речи одновременно (10 случаев).

Опишем некоторые грамматические особенности сочетательных повторов, созданных Андреем Белым в разных поэтических произведениях и в разные годы в порядке убывания частотности.

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ С ГЛАГОЛАМИ

Как свидетельствуют приведенные выше данные, Андрей Белый в своих стихотворных текстах наиболее часто включает соматические лексемы в синтаксическое окружение с одной и той же глагольной лексемой (69 контекстов) и обычно лексико-семантической группы «изменение положения тела»³. При этом обнаруживается многократный, тройной, двойной повторы.

1) Излюбленными глагольными лексемами, с которыми А. Белый неоднократно сочетает одни те же соматические лексемы (репрезентирующие обычно верхнюю часть тела человека: *лицо, голова, нос*), являются однокоренные гла-

голы лексико-семантической группы «изменение положения тела» *клонить, наклонить, склонить, клониться, склониться* (13 стихотворных контекстов):

а) часть тела «лицо» представлена двумя лексемами (6 случаев): ● нейтральная лексема *лицо* (в форме творительного падежа) употребляется с возвратными формами глагола *клониться*: *Своим белым лицом / Тихо клонится гений* (Золото в лазури. 1903); *И клонится лицом своим* (Мой друг. Философическая грусть. 1908); *Клонясь рассеянным лицом* (Вячеславу Иванову. 1916); ● стилистически высокая лексема *лик* (в форме винительного падежа) введена с невозвратными формами глаголов *клонить, наклонить*: *Так сказав, наклонил / Он свой лик многодумный...* (Безумец. 1904); *Клоню свой лик в лучах* (Смерть. 1907);

б) часть тела «голова» введена в поэтический текст с невозвратными и возвратными формами (причастной и деепричастной) одного и того же префиксального глагола *клониться* тремя лексемами (5 случаев): ● нейтральным именем существительным *голова* в форме творительного падежа: *Неживою головою / Над хозяйкой склонено* (Маскарад. Город. 1908). Ср. также использование соматизма *голова* при описании дня в контексте с олицетворением: *Над чащей склонясь / Золотой головой* (День. Трепетень. 1931); ● стилистически торжественным существительным *глава*; ● существительным с уменьшительно-ласкательным суффиксом *головка* в форме винительного падежа: *Я шел домой согбенный и усталый, / Главу склонив* (Голос. 1902); *Висит, как я, – склонив главу* (Мефистофель, первоначальный вариант. 1908); *...головку склонивши на грудь* (Прогулка. Просветы. 1904);

в) часть головы «нос» в ассоциативных сочетаниях (3 случая) с личными формами переходного глагола *клонить* репрезентирована либо именами существительными в форме винительного падежа: ● нейтральным: *Над вышкой песчаной / Клонил нос багряный...* (Осинка, 7. 1906) и ● с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *И к котику клонит / свой носик и ротик...* (Полунощницы. Прежде и теперь. 1903); либо ● словосочетанием, обозначающим 'часть носа': *И клонит кончик носа снова* (Первое свидание. 1921).

2) Объектом изменения положения тела в стихотворных строках А. Белого с глаголом, представленным двумя своими супплетивными формами совершенного и несовершенного вида *сложить / складывать*, неоднократно становятся одни и те же соматизмы, репрезентирующие верхние конечности (10 стихотворных контекстов), в частности: ● нейтральное имя *руки*: *Сложивши руки, без борьбы* (Успокоение. 1904); *Мы побрели в гроба, сложивши руки* («Старинный друг, к тебе я возвращался...»). Старинный друг, 1.

1903); ● существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *Плачет девка, ручки сложит* (Купец. Деревня. 1908).

Такие повторяющиеся поэтические контексты возникают неслучайно, потому что связаны в мироощущении Андрея Белого с одним и тем же образом другого поэта – В. Брюсова, ср.: *Взор опустишь, руки сложишь* («Грустен взор. Сюртук застегнут...»). Брюсов, 2. 1904–1929); *Мертвый маг, сложивший руки, / Вставший в выси* («Свисты ветряных потоков...»). Брюсов, 1. 1903–1929); с изображением мага, ср. предыдущие строки и следующие, где наблюдаем контактный трехкомпонентный повтор *руки – сложивший – маг*: *...застывший маг, сложивший руки, / пророк безвременной весны* (Маг. Образы. 1903).

Особо отметим в описываемой группе конструкций четыре трехкомпонентных повтора, в которых находим повторение еще одного ● соматизма *грудь* (обозначенного во всех случаях именем существительным в форме «на + предложный падеж» в синтаксической роли обстоятельства места), ср.:

Паренек уходит во скитанице; / Бель-руки сложит / [На груди] (Горе. Россия. 1906); *Издали / Прошушукую милой Легким лепетом, / Руки складывавая / [На груди] / ... / Руки складывавая / На груди / К милой / Лепетом / Прилечу издали* (Приходи. Просветы. 1907); *«И – падаю / Я, / Руки / Складывавая / [На груди]!»* (Мое бремя. Исход. 1906–1929).

3) С глаголом нанесения удара *бить* и *ударить* (в личной форме, изъявительного и повелительного наклонения) А. Белый сочетает номинацию передней части тела человека, репрезентированную ● именем существительным *грудь* (5 контекстов) в форме «в + винительный падеж» для обозначения направления удара:

Бил себя в грудь (Ты опять со мной. 1902); *Бьешь в устающую грудь ты тюльпаном?* (Безумец. 1904); *Докучно бьет трещотка / В его пустую грудь* (Шут. 1910–1911); *Войдет сквозняк, / Пугливо в грудь ударит* (Сантиментальный романс. Разуверенья. 1908).

Отметим дважды повторенное *ударь*:

Пространство черное, ударь, – / Мне в грудь ударь мечом разящим (Я это знал. Зима. 1908);

4) С глаголом изменения положения тела *покинуть* (в личной форме и в форме причастия) А. Белый сочетает номинацию верхней части тела человека, репрезентированную ● именем существительным *голова*, причем во всех случаях (4 контекста) только в одной падежной форме творительного падежа:

Я поник головой (На закате. Багряница в терниях. 1901); *...поникла седой головой* («Года проходили... Угрозой седою...»). Жизнь, 2. 1901); *...с головой поникшей* (Вечность. Образы. 1902); *Прижался: поник головой...* (На улице. Город. 1904).

5) С глаголом несовершенного вида *застывать* (в одной и той же форме настоящего времени, единственного числа, 3-го лица: *застывает*) творец соединяет сразу два соматизма: ● *слеза* (в форме именительного падежа, в роли субъекта действия) и ● *щеки* (в форме «на + предложный падеж»; в роли места действия) (4 случая, хотя и по два контекста в структуре двух произведений), ср.:

На кресте пригвожден... Умираю. / На щеках застывает слеза. / ... / Пригвожденный к кресту, умираю / На щеках застывает слеза («Там... в низинах... ждут с верой денницу...»). Возмездие, 3. 1901); *В морщинах чела притаилась гроза. На бледных щеках застывает слеза. / ... / Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза. / На бледных щеках застывает слеза* (Песнь кентавра. Образы. 1902).

Приведенные примеры особенно показательны, так как в них все три повторяющиеся лексемы (*на щеках – застывает – слеза*) расположены поэтом на одной строке и в одной и той же последовательности.

6) С глаголом *установиться* поэт троекратно повторяет (хотя и в разных падежных формах) ● соматическую лексему *лицо*, ср. беспредложные формы винительного и творительного падежа: *Вокруг установились на нас / Соболезнующие лица* (Свадьба. 1905); *Что установилась в дальнюю просинь / Ты лицом, побелевшим, как снег* (Побег. 1906); и предложную форму «в + винительный падеж»: *Установился столб полосатый / Мне цифрой упорной в лицо* (Шоссе. 1904). Добавим строки со стилистически возвышенной лексемой ● *лик* в форме творительного падежа: *Ты установилась в дальнюю просинь / Бледным ликом, прозрачным, как снег* (Побег. 1906).

7) В синтаксическое окружение с двумя префиксальными родственными глаголами лексико-семантической группы «давление»⁴ в разных формах (личной и деепричастной) *прижать*, *сжать* (по 3 стихотворных контекста) А. Белый неоднократно включает одни те же соматизмы.

а) С глаголом *прижать* поэт употребляет для обозначения направления давления ● соматизм *грудь*, репрезентированный именем существительным в форме «к + дательного падежа», ср.:

Взволнованно потом прижав / К груди взрыдающую гитару (Пир. 1905); *Грудь к груди прижав* (Предчувствие. Деревня. 1908); *Братоубийственную руку / Я радостно к груди прижал* (Ответ на посвящение (В. Брюсову). 1909).

Интересно, что последние строки являются откликом на строки стихотворения В. Брюсова: *Братоубийственную руку / Я на поэта подымал...*⁵, где Брюсовым использована другая глагольная лексема *прижал*. А. Белый же создает иную, близкую своему поэтическому мироощущению, синтаксическую конструкцию.

б) С глаголом *сжать* поэт употребляет номинации верхних конечностей человека, репрезентированные либо ● именем существительным

руки в форме творительного падежа для обозначения орудия давления: Он крался, безжизненный посох / *Сжимая* холодной рукой (Каторжник. Россия. 1906–1908); либо ● словосочетанием пальцы рук для обозначения объекта давления, ср.: *Молчал: но пальцы нежных рук*, / *Дрожа, сжимали стебли лилий* (Весенняя грусть. 1905); *Не сжимают черных четок / Пальцы рук твоих* (Ты. 1906).

8) Андрей Белый употребляет трижды в функции определения причастие *всклокоченная*, дважды контактно состыкованное поэтом с одним и тем же ● соматизмом *бровь* (3): *И вновь – всклокоченная бровь* (Первое свидание. 1921); *Всклокоченная бровь – издрог* («Свет, – как жегло, и воздух – пылен...»). Брюсов, 3. 1907–1931). Отметим здесь и контекст, где то же самое причастие соединено хотя и с другой соматической лексемой *облик*, но семантически (часть – целое), безусловно, связанной с названием волосяного покрова на лице: *В лазури проходит толпа исполинов на битву / Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый* (Битва. 1903).

9) В поэтических творениях, написанных А. Белым в разные годы, обнаруживаем по два словосочетания с главным словом с одной и той же глагольной формой (обычно с личной формой, единично с причастием и деепричастием) и зависимым именем существительным – соматизмом:

а) в роли объекта действия обнаруживаем: ● соматизм *глаза*, дважды состыкованный с одной и той же формой глагола (прошедшего времени единственного числа) *зажмурить* (2): *Зажмурил глаза, но слезою...* (На рельсах. Россия. 1904); *... зажмурил глаза и ждет казни* (Битва кентавров. Образы. 1902); ● соматизм *спину* – с личной формой (настоящего и прошедшего времени) глагола *гнуть* (2): *День-то весь спину мы гнули, / а к девяти я был здесь...* (Свидание. Прежде и теперь. 1902); *Спины гневно гнут* (Вечерком. Россия. 1908); ● соматизм *язык* – с личной формой (настоящего и прошедшего времени) глагола *показать / показывать* (2): *Здесь суматошливые фавны / Язык показывают свой* (Лес. Трепетень. 1931); *Великана сутулого / Ризы / ... / Язык / Показал* («Великана сутулого...»). Лесные встречи, 2. 1903–1929); ● соматизм *шею* – с личной формой (прошедшего времени) глагола и деепричастием от глагола *вытянуть* (2): *Он вытянул шею* (Песнь кентавра. Образы. 1902); *... испуганно вытянув шею* (Игры кентавров. Образы. 1903); ● соматизм *бровь* – с личной формой (прошедшего времени) глагола и причастием от глагола *сдвинуть* (2): *Жених бледнел и брови сдвинул* (Преследование. Город. 1906); *Сдвинутая бровь* (Стар. Деревня. 1908);

б) в роли орудия действия обнаруживаем: ● соматизм *губы*, дважды состыкованный с личной формой глагола *сосут* (2): *... разорванные солнечные части / сосут дрожаще-жадными*

губами («В очах блеснул огонь звериной страсти...»). Возврат, 3. 1903); *Сосут сосуды толстыми губами* (Возврат. Трепетень. 1902–1931);

в) в роли обстоятельства (место, направление, исходный пункт) действия обнаруживаем: ● соматизм *голова* в предложно-падежной форме «над + предложный падеж», дважды состыкованный поэтом с одной и той же формой глагола (настоящего времени единственного числа) *катится* (2): *И катится над головой* (Встреча. В. Брюсову, 4. 1909); *И – катится над головой / Тяжеловесная лавина...* («Я обменял свой жезл змеинный...»). Брюсов, 6. 1909) и с формой глагола (будущего и настоящего времени) *простереть* (2): *В тот час, когда над головой / Твой враг прострет покров гробницы* (Угроза. 1905); *Над головой седой простер / Кремня зубчатого осколок* (На скате. 1906); ● соматизм *уши* в предложно-падежной форме «в + винительный падеж», дважды состыкованный с формой глагола (настоящего и прошедшего времени) *петь* (2): *Так сиверко в уши поет* (Бегство. Горемыки. 1906); *И пели лунные лучи / В мое расширенное ухо* («И знаю я: во мгле миров...»). Карма, 3. 1917); ● соматизм *руки* в предложно-падежной форме «из + родительный падеж», дважды соединенный с формами двух родственных глаголов (настоящего и прошедшего времени) *падать / выпасть* (2): *Тихо падает на пол из рук / сумасшедший колпак* («Я сижу под окном...»). Вечный зов, 3. 1903); *Мои пальцы из рук твоих выпали* (Осень. 1906).

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ С ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

Лексему – соматизм Андрей Белый достаточно часто включает в свои стихотворные тексты с одной и той же лексемой – именем существительным (18 контекстов).

1) Самым частым случаем ассоциативного сочетаемостного повтора соматической лексемы с именем существительным является повтор соматизма ● *слеза* с другим именем существительным, тоже соматизмом, ● *щека* (9 примеров), причем обычно в разных текстах, написанных Андреем Белым в разные годы: *И слезы на щеках дрожат...* (Сергею Соловьеву. Посвящения. 1909). Добавим двойной повтор в структуре одного поэтического творения: *На бледных щеках застывает слеза. / ... / Кентавр – хоть бы слово: в затишьи гроза. // На бледных щеках застывает слеза (Песнь кентавра. Образы. 1902).*

Отметим, что конструкции с описанными лексическими повторами характеризуются и грамматическим повтором. Имя существительное *слеза* практически во всех стихотворных текстах употреблено в форме именительного падежа единственного или множественного числа в позиции подлежащего (примеры выше); и лишь в единственном случае в форме творительного падежа в качестве объекта сравнения, ср.: *Из*

которой бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз («Глянул / Замок / С отвеса...». Близкой, 2. 1911). А имя существительное *щека* поэт использует только в форме множественного числа, обычно в форме «на + предложный падеж» в обстоятельственной позиции места действия: *На щеках застывает слеза* («Там... в низинах... ждут с верой денницу...». Возмездие, 3. 1901), и только в двух конструкциях находим другие грамматические формы, ср. форму «на + винительный падеж» (отметим тот же предлог *на*): *...бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз* («Глянул / Замок / С отвеса...». Близкой, 2. 1911) и форму «по + дательный падеж»: *По щекам старика / Покатились алмазные слезы* (Сказка. 1902).

2) Несколько реже отмечаются сочетаемостные повторы • соматизма *глаз* с именем существительным *алмаз* (4 примера): *Живой алмаз / Блестит из глаз* (Антропософии. 1918); – *Сверкни, / Звезды алмаз, / Звездою глаз / Моих!* (Алмазный напиток. Тристии. 1908). Дважды здесь отмечаем использование поэтом лексемы *алмаз* в качестве объекта сравнения с соматизмом *глаз*:

Молнью стиснув, / Как алмазом / Поморгает / Ясным глазом («Бьет, как бивнем, / Хлещет бурей...»). Лесные встречи, 4. 1903–1931); *Вас, как алмаз, / Палил / Мой глаз* (Рок. Черч теней. 1901–1931).

Включим в эту группу и поэтический контекст: *В светлоглазых алмазах роса* (Асе. 1913), где лексема *алмаз* состыкована поэтом со сложным прилагательным, одним из корней в котором является *глаз-*, а также два контекста, показывающие более тесную связь в поэтическом мироощущении А. Белого двух описываемых единиц: *Вставал алмазноглазый Спас* (Первое свидание. 1921); *...кусты – / Алмазноглазы* (Лето. 1904), где в составе одного сложного прилагательного (в полной и в краткой форме) находим сразу два корня: *алмаз-* и *глаз-*. (О более сложном сочетаемостном повторе в последнем контексте см. далее.)

О предпочтительности поэтом ассоциации *глаз – алмаз* говорит и использование ее в качестве рифмовки (5 примеров; хотя и не в структуре одного простого предложения), ср.:

Не лепет лоз, не плеск воды печальный / И не звезды изыскренной алмаз, – / А ты, а ты, а – голос твой хрустальный / И блеск твоих невыразимых глаз (Сестре. Летние блески. 1926).

3) Лексему *алмаз* Андрей Белый соединяет и с другим • соматизмом *слеза* (2 примера), ср.: *Кристаллы дум, алмазы слез* (Совесть. 1907); *...бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз* («Глянул / Замок / С отвеса...». Близкой, 2. 1911). Отметим более сложное соединение двух прилагательных – отыменного (от имени существительного *слеза*) и сложного, в состав которого входит корень *алмаз-*: *Уже слезливые кусты – /*

Алмазноглазы (Лето. 1904). (См. также далее о повторах лексемы *слеза* с прилагательным *алмазный*.)

4) Двумя случаями представлены сочетаемостные повторы двух соматизмов: • *нос* – с именем существительным *кончик* в структуре одного стихотворного произведения, ср.: *И клонит кончик носа* (Первое свидание. 1921); *Али-Баба; / Кончик носа / Созерцал* (Сказание об Али-Бабе. Белые стихи. 1929); • соматизм *грудь* – с именем существительным *утес* в разных текстах, написанных Андреем Белым в разные годы, ср.: *Грудь / Утесов – / В огне...* (В стране золотого руна. Трепетень. 1902–1921); *Встали груди утесов* («Золотая, эфир просветится...»). Золотое руно, 1. 1903). Интересно, что в указанных случаях использована одна и та же грамматическая конструкция, представляющая собой словосочетание, построенное по модели «имя существительное + имя существительное в форме родительного падежа». Хотя лексические особенности данных контекстов различны, так как в первом случае (*кончик носа*) поэт использует слова в прямом значении, а во втором случае (*грудь утесов*) введены слова в переносном значении (на основе олицетворения нежилому предмету приписываются телесные человеческие свойства).

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Лексему – соматизм Андрей Белый включает в свои стихотворные тексты с одним и тем же именем прилагательным (15 контекстов).

1) Мы уже выше указывали на существенную связь в поэтическом мире Андрея Белого *слез* и *алмаза*, и поэтому закономерно • соматическую лексему *слеза* обнаруживаем неоднократно в синтаксической связи (согласование) с прилагательным *алмазный*, образованным именно от имени существительного *алмаз* (6 случаев):

По щекам старика / Покатились алмазные слезы (Сказка. 1902); *На щеках старика / заблестали алмазные слезы* («Среди туманного дня...»). Великан, 3. 1902); *На щеках старика / заблестали алмазные слезы* (Сказка, первоначальный вариант). 1900)

и единично с обратным порядком:

И, как слезой алмазной, – плачет / Небо... (Туда. 1931).

Поэт может в своих стихотворных строках соматический объект *слеза*: а) обогащать при помощи ассоциативной связи со сложным прилагательным: *В алмазно-зреющих слезах* (Асе. 1916) и б) даже особенно выделять его (контактно, хотя и на разных строках стиха), соединяя с дважды повторенным описываемым именем прилагательным: *И яркая заменилась слеза – / Алмазная, алмазная Венера* («Упал на землю солнца красный круг...»). 1907).

2) С именем прилагательным *снеговой* в поэзии А. Белого состыкован • соматизм *лицо* (3 конструкции): *На лице снеговом* (Не тот. 1903); *Прижму снеговое лицо* («Я в струе воздушного тока...»). Безумие. 1907); *Снеговое лицо / На огнистом закате* (Зов. 1914). В эту группу можно добавить и сочетание указанного прилагательного с другой соматической лексемой *чело*, также репрезентирующей верхнюю часть лица: *Снеговое чело* (Безумец. 1904).

3) Дважды является определением прилагательное *мертвая* для • соматизма *голова* (2):

Летая мертвой головой! (Демон. Черч теней. 1929); *Взвизывая молниеносные муки / Мертвой головы* («Свисты ветряных потоков...»). Брюсов, 1. 1903–1929)

и прилагательное *бескровные* для • соматизма *губы* (2):

Губы бескровные шепчут мольбу... (Одиночество. Образы. 1900); *Бескровные губы лепечут заклятья* (Священные дни. Багряница в терниях. 1901).

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ КОМБИНИРОВАННОГО ТИПА

Сочетаемость повторы у Андрея Белого могут быть более сложными и включать 4 и более компонента, так, кроме повторов сразу двух соматизмов (*щека – слеза*), наблюдаются повторы еще нескольких слов (причем в одной и той же грамматической форме), ср.:

На щеках старика / заблестали алмазные слезы («Средь туманного дня...»). Великан, 3. 1902); *На щеках старика / заблестали алмазные слезы* (Сказка, первоначальный вариант. 1900).

И еще один пример:

В часовне житель гробовой / к стеклу прижался головой... / *Кроваво-красная луна / уже печальна и бледна* (Кладбище. Образы. 1898); *В часовне житель гробовой / К стеклу прижался головой; / И в стекла красные глядит* (Первое свидание. 1921).

Ср. следующий сложный повтор, где при сопадении целого ряда лексем наблюдаются не-

которые грамматические и пунктуационные отличия:

Раскатам бури снеговой / Ответствует громами эхо... / И катится над головой – / Тяжеловесная лавина (Встреча. В. Брюсову, 4. 1909); *В раскаты бури снеговой / Ответствует громами эхо; / И – катится над головой / Тяжеловесная лавина...* («Я обменял свой жезл змеинный...»). Брюсов, 6. 1909).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал сложную эстетическую систему А. Белого, в которой сочетаемость повторы соматизмов с одними и теми же компонентами, вводимыми поэтом на протяжении всего творческого пути в разные стихотворные произведения для изображения многообразных поэтических картин и образов, персонажей и деталей, связывают его стихи («в единый текст» [11: 11]), отображая эстетические задачи автора, целостность его исходного творческого импульса. Путем повторного включения наименований частей тела человека с определенными реалиями, явлениями, событиями действительности поэтом устанавливаются межтекстовые образные связи. Сочетаемость повтор соматизмов в поэзии А. Белого является не только средством познания частей тела человека в процессе их называния, но и языковым приемом как для анализа соматической сферы в образно-понятийных связях, ее места в поэтическом мире А. Белого, так и для характеристики его идиостиля. В поэтических творениях, написанных в различные годы, А. Белый чаще использует сочетательные повторы соматизмов с глаголами, реже – с именами существительными и прилагательными. Излюбленными глагольными лексемами, в синтаксическое окружение с которыми неоднократно поэт включает одни те же соматические лексемы, репрезентирующие обычно верхнюю часть тела человека: *лицо, голова, нос*, являются глаголы лексико-семантической группы «изменение положения тела».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения 05.02.2019).

² Белый А. Собрание стихотворений. 1914 / Изд. подгот. А. В. Лавров. М.: Наука, 1997. С. 433.

³ Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 32–33.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Белый А. Симфонии / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 252, 254.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балаклеец Н. А., Фаритов В. Т. Поэтика трансгрессии в романе Андрея Белого «Петербург» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 116–130.
2. Гармаш Л. В. Принципы организации лейтмотивной структуры симфоний Андрея Белого // Русская филология. Укр. вестник. Харьков, 2004. № 3–4 (26). С. 50–55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lgarmash.narod.ru/Lejtmotive.html> (дата обращения 05.02.2019).

3. Гаспаров М. Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 444–469.
4. Демченко А. И. Андрей Белый: ракурсы символизма // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 37–46.
5. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1988. 415 с.
6. Иванов Вяч. Вс. О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // Андрей Белый: Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 338–366.
7. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М.: Институт русского языка РАН, 1992. 256 с.
8. Кожевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 1. С. 55–66.
9. Кожевникова Н. А. О типах повтора в прозе А. Белого // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1983. С. 52–70.
10. Корчагин К. М. Цезура в русской теории стиха от Мелетия Смотрицкого до Андрея Белого // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 11. С. 146–158.
11. Лавров Л. В. Ритм и смысл. Заметки о поэтическом творчестве Андрея Белого // Лавров Л. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 9–51.
12. Лотман Ю. М. Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый: Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 437–443.
13. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Белого. М.: Наука, 1990. 181 с.
14. Сарычев В. А. «Мне важен не человек, а его отношение к тайне» (символизм раннего Андрея Белого: теургия и этика художника) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 213–227.
15. Сергеева-Клятис А. Ю. «Бывают странные сближенья»: Андрей Белый – Борис Пастернак // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 3. С. 34–40.
16. Силард Л. О структуре Второй симфонии Андрея Белого // *Studia slavica*. Budapest (Hungary). 1967. Т. XIII. № 3–4. С. 311–322.
17. Тилкес О. Православные реминисценции в Четвертой симфонии А. Белого // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 135–143.
18. Хмельницкая Т. Литературное рождение Андрея Белого. Вторая Драматическая Симфония // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 103–130.
19. Швецова Л. Андрей Белый и Сергей Есенин // Андрей Белый: Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 404–425.

Поступила в редакцию 12.02.2019

Olga G. Tverdokhleba, PhD in Philology, Orenburg State Pedagogical University
(Orenburg, Russian Federation)

COMBINATORIAL REPETITIONS OF SOMATISMS IN THE POETRY OF ANDREI BELY

The article summarizes some results of the study of the names of human body parts (somatisms) in the poetry of Andrei Bely. The analysis carried out in the work revealed Bely's complex aesthetic system, where intertextual figurative connections are established by re-including the names of human body parts with certain realities or events of reality (112 contexts; about 10 % of all the constructions including a somatic lexeme). The article substantiates the idea that in the poetic works of Andrei Bely repetitive combinations of somatisms with the same components, introduced by the poet throughout his creative journey into different poetic works to depict diverse poetic pictures and images, characters and details, link his poems into a "single text", reflecting the aesthetic tasks of the author and the integrity of his original creative impulse. The work focuses on the grammatical aspect of combinatorial repetitions of somatisms in Bely's poetry, which are used not only as a means of getting to know the parts of human body in the process of naming them by a poet, but also as a linguistic technique for analyzing the somatic sphere in figurative and conceptual relationships and its place in the poetic world of Andrei Bely, as well as for characterizing the poet's idiosyncrasy. The supporting illustrative material shows that in Bely's various poetic works written in different years a) he more often uses repetitive combinations of somatisms with verbs, and less often – with nouns and adjectives; b) his favorite verb lexemes, with which he repeatedly syntactically combines the same somatic lexemes, usually referring to the upper part of human body (*face, head, nose*), are the verbs from the lexico-semantic group of "body position change". The results of this research may be interesting for literary scholars and critics exploring the works of Andrei Bely, and can be used for compiling his poetic dictionary.

Keywords: Andrei Bely, somatism, repetition, associativity, compatibility

Cite this article as: Tverdokhleba O. G. Combinatorial repetitions of somatisms in the poetry of Andrei Bely. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 96–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.393

REFERENCES

1. Balakleets N. A., Faritov V. T. Poetics of transgression in Andrei Bely's novel *Petersburg*. *Tomsk State University Journal. Philology*. 2017. No 48. P. 116–130. (In Russ.)
2. Garmash L. V. Organizational principles of the leitmotif structure of Andrei Bely's symphonies. *Russian Philology. Ukr. Bulletin*. Kharkov. 2004. No 3–4 (26). P. 50–55. Available at: <http://lgarmash.narod.ru/Lejtmotive.html> (accessed 05.02.2019). (In Russ.)

3. Gasparov M. Bely as a poetry scholar and Bely as a poet. *Andrei Bely. Problems of creativity: Articles, memoires, publications*. Moscow, 1988. P. 444–469. (In Russ.)
4. Demchenko A. I. Andrei Bely: angles of symbolism. *Almanac of Modern Science and Education*. 2016. No 4 (106). P. 37–46. (In Russ.)
5. Dolgoplov L. Andrei Bely and his novel *Petersburg*. Leningrad, 1988. 415 p. (In Russ.)
6. Ivanov V. V. The impact of Andrei Bely's "aesthetic experiment" (V. Khlebnikov, V. Mayakovsky, M. Tsvetaeva, B. Pasternak). *Andrei Bely: Problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 338–366. (In Russ.)
7. Kozhevnikova N. A. Language of Andrei Bely. Moscow, 1992. 256 p. (In Russ.)
8. Kozhevnikova N. A. Some observations of non-classical ("ornamental") prose. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1976. Vol. 35. No 1. P. 55–66. (In Russ.)
9. Kozhevnikova N. A. Types of repetitions in the prose of Andrei Bely. *Lexical units and the structure of the literary text*. Kalinin, 1983. P. 52–70. (In Russ.)
10. Korchagin K. M. Caesura in the Russian theory of verse from Meletius Smotrytsky to Andrei Bely. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2017. Vol. 11. P. 146–158. (In Russ.)
11. Lavrov L. V. Rhythm and meaning. Notes on the poetic works of Andrei Bely. *Lavrov L. V. Andrei Bely: Search and sketches*. Moscow, 2007. P. 9–51. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Poetic stammering of Andrei Bely. *Andrei Bely: Problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 437–443. (In Russ.)
13. Novikov L. A. Stylistics of Andrei Bely's ornamental prose. Moscow, 1990. 181 p. (In Russ.)
14. Sarychev V. A. "It is not the person that is important to me, but his attitude to mystery" (symbolism of early Andrei Bely's works: theurgy and ethics of the artist). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2017. Vol. 22. No 2. P. 213–227. (In Russ.)
15. Sergeeva-Klyatis A. Yu. "Some strange convergences occur": Andrei Bely – Boris Pasternak. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2016. No 3. P. 34–40. (In Russ.)
16. Silard L. The structure of *The Second Symphony* by Andrei Bely. *Studia Slavica. Budapest (Hungary)*. 1967. Vol. XIII. No 3–4. P. 311–322. (In Russ.)
17. Tilkes O. Orthodox reminiscences in *The Fourth Symphony* by Andrei Bely. *Literary Review*. 1995. No 4/5. P. 135–143. (In Russ.)
18. Khmel'nitskaya T. Literary birth of Andrei Bely. His *Second Dramatic Symphony*. *Andrei Bely. Problems of creativity: Articles, memoires, publications*. Moscow, 1988. P. 103–130. (In Russ.)
19. Shvetsova L. Andrei Bely and Sergey Yesenin. *Andrei Bely: Problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 404–425. (In Russ.)

Received: 12 February, 2019

МИХАИЛ СПАРТАКОВИЧ ТЕЙКИН

аспирант кафедры русской филологии и журналистики
филологического факультета
Северо-Восточный государственный университет (Магадан,
Российская Федерация)
teikin-ms@mail.ru

ЭТНОНИМ КАМЧАДАЛ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Этноним *камчадал* в современном смысле слова обозначает так называемый «новый» народ, ранняя история которого простирается не далее XVIII века. Камчадалы возникли в результате смешения русских первопоселенцев на Камчатке с местным населением – ительменами, коряками, эвенями. В более ранние эпохи камчадалами назывались ительмены – древние жители полуострова; два данных термина были в то время абсолютными синонимами в русском языке. По мере усиления процессов обрусения среди части населения Северо-Востока и возникновения особых групп людей, отличающихся от «чистых» туземцев, возникла объективная необходимость различать этнонимы. В результате название *ительмены* сохранилось за теми, кто не утратил ительменский язык и культуру; название *камчадалы* закрепилось за русскоязычными жителями, в том числе проживающими вне пределов Камчатского полуострова. В статье рассматривается процесс изменения значения этнонима *камчадал*, его место в письменной и устной речи Северо-Востока России в XX веке и сегодня, отличие от катойконима. Приводятся этимологические версии происхождения слова, существующие на сегодняшний день. Этноним *камчадал* рассматривается в качестве регионализма, поскольку имеет широкое хождение в местах проживания камчадалов, но мало известен вне пределов Дальнего Востока.

Ключевые слова: камчадал, ительмен, этноним, катойконим, регионализм (лингвистика), Северо-Восток России, Камчатка
Для цитирования: Тейкин М. С. Этноним *камчадал* в лингвистическом пространстве Северо-Востока России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 104–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.394

ВВЕДЕНИЕ

Семантика лексемы *камчадал* на протяжении веков не была неизменной, что само по себе представляет интерес для изучения. В XVIII и XIX столетиях камчадалами называли ительменов. Как считает И. И. Огрызко, такое имя связано с названием реки Камчатки, где ительмены жили [8: 28], хотя данная позиция разделяется не всеми учеными, даже в XVIII веке она не считалась единственно верной, о чем речь пойдет ниже. С. П. Крашенинников верно указывает, что

«...мы ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей <...>. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы покоряцки, ибо Камчадалъ отъ коряцкаго Хончала происходить <...>»¹.

При этом целую главу своего фундаментального труда ученый красноречиво назвал «О происхождении звания Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ² только догадкамъ». С. П. Крашенинников отвергает версию об именовании ительменов камчадалами по реке Камчатке. Он утверждает, что

«Хончало [такъ коряки именовали ительменовъ] <...> есть испорченное слово изъ *Коочь-ай*³, что значитъ жителя по рѣкѣ Еловкѣ, которая течетъ въ Камчатку и Коочъ называется <...>»⁴.

В. В. Леонтьев предлагает несколько версий этимологии лексемы *Камчатка* и излагает их в отдельной статье, а затем повторяет в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР». За обычай ительменских женщин носить парики, подмеченный С. П. Крашенинниковым⁵, чукчи могли назвать ительменов *камчатявтыльыт* (чукот.), *камчалав'тылг'у* (коряк.), что значит 'лохматоголовые, кудрявые, косматые'. Отсюда могли возникнуть сокращения *камчалыт* (чукот.), *камчалг'у* (коряк.), услышанные русскими. Эти слова весьма сходны с приводимым С. П. Крашенинниковым словом *хончало*. Излагается одна из версий В. И. Воскобойникова о происхождении названия *Камчатка* от ительменского слова *камчалу* 'мыс' или 'полуостров'. Сам же Леонтьев отклоняет данную концепцию, указывая, что такая этимология ничем не подкреплена и у народов Северо-Востока не было слова *полуостров*. Версия Б. П. Полевого о происхождении топонима *Камчатка* от фамилии казака Ивана Камчатного отвергается, поскольку местные жители не могли назвать именем пришлого человека ни реку Камчатку, ни полуостров. Этимология, предположительно восходящая к якутскому *Камчѣккытан* 'куращаяся, вздыбленная, подверженная встряскам земля', также подвергается сомнению. Скорее всего, предполагает В. В. Леонтьев, в основу

топонима *Камчатка* лег этноним *камчалъо*, поскольку так коряки могли назвать ительменов за парики, прибавив к основе суффикс *-лъо*, обозначающий жителя курящейся вулканической местности [6: 193–196, 198–199], [7: 174–176, 178]. А. А. Бурькин считает, что слово *хончал* воспродуцирует корякское *к'ончалг'о* 'живущие на расстоянии одного перехода'. По-чукотски то же слово будет *к'ончалыт*, которым называют канчаланских чукчей. Этноним *камчадалы* ученый выводит из корякского *к'унчычэлг'о*, *к'онтылялг'о* (по-чукотски *к'унчычельыт*, *к'онтыляльыт*) 'живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки', а топоним *Камчатка* – из корякской формы направительного падежа *к'ончайтын'* и соответствующей чукотской формы дательного-направительного падежа *к'ончагты* 'на одну кочевку, на расстояние одного перехода' [1: 92]. Трудно сказать, чья версия – В. В. Леонтьева или А. А. Бурькина – является истинной, поскольку на сегодня больших доказательств в пользу того или другого варианта не представлено. Обе версии выглядят правдоподобно и, пока одна из них не опровергнута, имеют право на существование.

Синонимичность этнонимов *ительмен* и *камчадал* в XVIII веке находит свое подтверждение в фундаментальном «Описаніи всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ» Иоганна Готлиба (Ивана Ивановича) Георги. Творение сие, написанное на немецком, «въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ исправленное и въ новъ сочиненное», что говорит о значительной его переработке при подготовке русского текста, а значит, приближает его к оригинальному произведению, что увеличивает ценность представленной в тексте терминологии. И. Г. Георги пишет:

«Камчадалы называются сами *Ительменнами*⁶, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной ея сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго Ительмена *Кончат*, жившаго при оной»⁷.

Таким образом, И. Г. Георги этнониму *ительмен* придавал значение 'житель'; такое самоназвание встречается у различных народов. С. П. Крашенинников, сам употребляя этноним *камчадалы*, делает важное уточнение:

«Камчадалы какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое название происходитъ отъ глагола *Итлахса* живу, какъ пишетъ господинъ Стеллеръ»⁸.

Действительно, Г.-В. Стеллер написал: «Племена, обитающие между Лопаткою и Тигилем, называютъ себя ительменами» [14: 24], однако ниже он указывает, что ему не удалось установить значение и происхождение названия «ительмен» [14: 145]. В «Истории и культуре ительменов» под общей редакцией академика А. И. Крушанова указывается, что самоназвание *ительмен* – производное от *итэнмэн* 'живущий' [5: 3]. Разумеется, именование ительменов камчадалами могло быть вполне приемлемым

и не допускать никакой путаницы, если бы не появление на Камчатке и в близлежащих областях групп смешанного происхождения, в конечном итоге объединенных под названием *камчадалы* – по названию места обитания. Современные камчадалы – не ительмены, а потомки русских переселенцев и туземцев, сформировавших самостоятельный народ. Постепенно происходила дифференциация двух этнонимов. Этнонимы *ительмен* и *камчадал*, между которыми в XVIII веке ставился знак равенства, на протяжении XIX столетия переосмысливаются. О. А. Глушченко верно замечает:

«<...> камчадалами в XVIII–XIX вв. все чаще именуяют обрусевших ительменов долины реки Камчатки и потомков русских старожилов Камчатки, а ительменами – аборигенов западного побережья Камчатки, длительное время сохранявших ительменский язык и некоторые архаические черты в материальной культуре» [2: 109].

Правда, точное значение этнонимов не было утверждено и семантически разграничено на официальном уровне. Во-первых, не всегда можно было дифференцировать «чистых» ительменов от «смешанных» камчадалов; во-вторых, сами потомки русских и туземцев долгое время называли себя различно. Особенно это было характерно для обитающих не на Камчатском полуострове или в местностях, не относящихся к Камчатской области (в границах до 1909 года). Как правило, смешанное население именовало себя по месту проживания (гижигинцы, тауйцы, марковцы и проч.).

С начала XIX века камчадалами стали называть не только ительменов, но и потомков русских с туземцами – по мере нарастания их численности и ассимиляции значительной части собственно ительменов. По словам Е. П. Орловой, термин *камчадал* «потерял свое первоначальное значение и приобрел иное, территориальное, широкое» [9: 7].

Распространение этнонима, обозначающего народ, на недавно образованную этническую группу объясняется следующими причинами. Во-первых, значительное число ительменов в результате длительных контактов с русскими утратило свой язык и перешло на русский. Во-вторых, именно с ительменами в первую очередь смешивались русские на Камчатке; в чуть меньшей степени в формировании камчадалов участвовали коряки, эвены и юкагиры. Поскольку ительмены назывались часто камчадалами, потомки русских и туземцев – жители Камчатки – стали именоваться камчадалами ввиду этимологической связи этнонима с топонимом.

Следует заметить, что значение словосочетания *житель Камчатки* не содержит этнической составляющей и может обозначать как человека, относящегося к туземному народу или метисной группе, так и русского по национальности. При этом иногда термин *камчадал* выступает не как

этноним, а катойконим, что представляется некорректным. Впрочем, данная неточность встречается чаще всего в устной речи, а также в ненаучной литературе. Катойконим не несет в себе этнической маркировки, а обозначает лишь место обитания – город, село или область. Правильное именование жителей Камчатки – *камчатцы*.

При проведении Приполярной переписи 1926–1927 годов ительменами стали официально считать коренных жителей, не забывших свой язык и некоторые черты материальной и духовной культуры предков. Этноним *ительмены* был сохранен лишь за обитателями западной части Камчатки [8: 28]. Как отмечает Л. Н. Хаховская, в научной литературе шел процесс дифференциации терминов – название *камчадалы* постепенно стало закрепляться за обрусевшими ительменами долины реки Камчатка, а название *ительмены* – лишь за теми обитателями полуострова, которые сохранили свой родной язык и некоторые архаические черты быта [18: 159].

Б. К. Подгурский пишет в связи с именовани-ем жителей края:

«Коренное население Камчатки – Коряки, называемые Камчадалами (от слова “Кончалю”, какъ они себя называютъ). <...> Теперь они совершенно обрусѣли, хотя сохранили нѣкоторые изъ своихъ старинныхъ вѣрованій и обрядовъ; внутри полуострова часто можно встрѣтить обрядъ шаманства, очень схожій съ таковымъ же у Чукчей. Но такіе старинные обычаи сохранились лишь въ сѣверной Камчаткѣ <...>. Въ Петропавловскѣ Камчадалами называютъ именно такое полурусское коренное население, почти ничего общаго уже съ исконными Коряками не имѣющее <...>»⁹.

Действительно, преимущественным местом обитания коряков и сегодня является именно северная часть полуострова. Что же касается происхождения камчадалов, то они образовались путем смешения русских не только с коряками, но и ительменами, а также эвенами и – в меньшей степени – иными народами. Любопытный факт: Подгурский замечает, что коряков называли камчадалами. Это можно объяснить тем, что в камчадалы, как в смешанное население, могли включаться оседлые русскоговорящие жители. Подтверждение тому есть у А. А. Ресина, упоминающего о двух деревнях оседлых коряков, по официальным сведениям считающихся камчадалами¹⁰. Возможно, камчадалами названа группа, предки которой могли быть отнесены к корякам, но потомки обрусели. Ниже тот же автор приводит любопытные слова, подтверждающие использование различных этнонимов для одной этнической группы: «Камчадалы (собственно это коряки) <...> но, впрочем, по-русски они вообще говорили немного»¹¹.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭТНОНИМА КАМЧАДАЛ

Не имея подходящего этнонима, исследователи порой использовали термин *обруселые инородцы*; он достаточным образом отражал этническую принадлежность людей, но не мог по-

служить в качестве наименования народа. Такой термин неоднократно встречается у Н. Л. Гондати в статье «Оседлое население реки Анадыра»¹². Иногда автор уточняет происхождение обруселых жителей и тогда слово *инородцы* заменяет, в зависимости от контекста, на *чуванцы*, *юкагиры*, *ламуты*, *чукчи*. Единого обозначения для всего обруселого населения Чукотки и Охотского побережья еще не было, поскольку проходил процесс стирания старой идентичности, а для новой еще не было подобрано подходящего имени, под которым могли бы объединиться в один народ разные по происхождению группы.

В настоящее время, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, ительмены проживают преимущественно на западе Камчатского края, в меньшей степени на юге; кроме того, зафиксированы ительмены на востоке Магаданской области, а также в Ольском районе. Следует оговорить, что фиксация значительного процента ительменов в Магаданской области должна восприниматься критически: есть сомнения в этнической принадлежности всех означенных переписью ительменами, хотя определенное число указавших ительменскую национальность, возможно, относится к ней. Кроме того, следует считать ительменами тех, кто по своему ощущению относит себя к данному народу, а не был по ошибке записан в ительмены вместо камчадалов, когда последние почти не признавались за особый народ и власти всех старались записать в «правильную» национальность.

Значительную роль в распространении этнонима *камчадал* за пределы полуострова сыграло административно-территориальное деление. В 1909 году была в третий раз образована Камчатская область¹³, в состав которой вошли Гижигинский и Охотский уезды. В результате административной реформы управление большей частью Охотского побережья перешло в Петропавловск-Камчатский. Вслед за включением новых территорий в подчинение города на Камчатке произошло распространение термина *камчадал* на местных жителей со смешанным происхождением; слово, имеющее давнюю традицию употребления на полуострове, вошло в практику на новых территориях. Отмечены случаи, когда эвены северо-восточного Охотского побережья называли себя камчадалами, в частности в поселках Армань и Ола [10: 12], а также тауйцы – потомки русских и якутов [10: 9]. Часть территории современной Магаданской области управлялась из Петропавловска-Камчатского до 1926 года, часть – до 1953-го. В. А. Туголуков делает в связи с этим логичное заключение:

«К ительменам местные камчадалы не имели никаких отношения и назывались так исключительно потому, что некогда эта прибрежная часть Магаданской области (к северу от Магадана) входила в состав Камчатской области» [15: 133–134].

Именно благодаря внешнему фактору исключительно административного характера начала

постепенно кристаллизироваться внутренняя сущность этнической идентичности смешанного населения, следствием которой стало закрепление для него общего этнонима *камчадал*. С течением времени это не могло не привести к осознанию себя разбросанными на большом пространстве группами как самобытного народа. Однако, по справедливому замечанию Л. Н. Хаховской, именно деятельность советской власти запустила механизм этнической идентификации: люди, по сословным признакам относившиеся к инородцам, но различного происхождения, официально смогли объединиться в одну этническую группу камчадалов. Исследовательница приводит любопытную деталь: оказывается, в первые годы советской власти была попытка ввести в употребление для метисированного населения термин *креол* [18: 160], ранее не имевший хождения в евразийской части России – к западу от Берингова пролива¹⁴. Креолы были упомянуты в перечне туземцев во «Временном положении об управлении территории Дальневосточной области», утвержденном 26 сентября 1924 года Дальневосточным революционным комитетом. Очевидно, что попытка введения нового этнонима была явно неудачной ввиду полной чуждости местному населению, и сохранилось прежнее название – *камчадал*.

Современные камчадалы – народ смешанного этнического происхождения, возникший в результате экзогамных браков русских мужчин с представительницами местных народов, причиной которых в большинстве случаев было отсутствие русских женщин. Родным языком камчадалов всегда был русский, в прошлом имевший свои особенности.

А. А. Сирина замечает: «Этноним “камчадалы” образован от названия территории» [13: 90]. Действительно, название полуострова Камчатка дало имя народу: сначала – ительменам, затем – современным камчадалам.

В 1920-е годы зафиксировано написание этнонима в архивных источниках как *камчидал*, *камчедал* [11: 13]. Данные записи – в особенности первый вариант – следует считать орфографическими неточностями, наиболее вероятное объяснение которым – запись слова согласно произношению писавшего [камч'е"дál]; такая орфоэпия является частью литературной нормы русского языка. В то время на Северо-Востоке, крайне малозаселенном и не имевшем в достаточном количестве средних учебных заведений, грамотность не могла быть на высоком уровне, поэтому в документах делопроизводства государственного учреждения не могли не встречаться черты, свойственные письменной речи малограмотных. Во всяком случае, представленные выше варианты написания этнонима противоречат встречающейся в книгах с XVIII столетия форме *камчадал*; так пишут, например, Крашенинников,

Георги, Крузенштерн. Тройкое написание слова не встречается в печатных письменных источниках прошлых эпох.

В отличие от других малочисленных народов Северо-Востока, камчадалов в целом не коснулась волна смены этнонимов довоенного периода (например: тунгусов – в эвенков, ламутов – в эвенов, чукчей – в луораветланов; имя *луораветлан*, в отличие от двух других, не прижилось). Причиной этому было то обстоятельство, что сам этноним *камчадал* приобрел «новое» наполнение. Еще до революции 1917 года ительмены и камчадалы разграничились, хотя путаница в названиях по-прежнему имела место. Те, кто сегодня именуется камчадалами, в начале XX столетия часто выступали под локально-территориальными названиями, образованными по месту жительства и по сословному признаку [18: 159], что не отрицало национальной принадлежности. Однако предпринимались попытки провести границу между двумя этническими группами. Вышеупомянутое «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области» приводит перечень туземцев: тунгусы, креолы, чуванцы, камчадалы, эскимосы, чукчи, коряки, юкагиры. Представляется наиболее вероятным, что камчадалами (по старой традиции) названы ительмены – народ, преимущественно проживающий на Камчатке, а креолами – метисные потомки русских и местного населения. Однако этноним *креол* не прижился и в дальнейшем употребление не вошел.

В 1920-е годы в официальных документах закрепился этноним *камчадал* в отношении жителей смешанного происхождения, он объединил их и отразил важнейшие черты в сравнении с остальными малочисленными народами, а именно: оседлость как образ жизни и русский язык как средство общения.

Важно отметить: именно наплыв русского населения в первой трети XX века усилил формирование камчадальской идентичности, укрепил ее. До того не было особой необходимости осознавать свое единство: метисированные потомки русских и северо-восточных народов и без того разительно отличались по языку и культуре от местного нерусского населения.

К. В. Дитмар в середине XIX века описал население Гижиги:

«При нашем посѣщеніи въ Ижигинскѣ было 233 души мужескаго пола – въ томъ числѣ 50 казаковъ – и 242 – женскаго. Меньшинство этого народа было еще чисто-русскаго происхожденія, и это относится, главнымъ образомъ, къ торговому люду. Большая часть, какъ почти всѣ казачьи семьи, представляла помѣсь, возникшую отъ смѣшанныхъ браковъ русскихъ съ туземцами. Чистая русская рѣчь слышалась не часто; напротивъ, языкъ пересыпанъ чуждыми словами и оборотами и искаженъ инороднымъ выговоромъ»¹⁵.

Жители Гижиги должны были называть себя особым именем, отличающим их от русских. Это

объяснялось как антропологическими причинами – смешением с туземцами, так и лингвистическими – обилием иноязычных вкраплений в русский язык и его видоизменением. В связи с этим примечательной выглядит следующая заметка С. Л. Бацевича (оставленная через шестьдесят с небольшим лет после описания К. В. Дитмара):

«Они сами считают русскими только приѣзжихъ, прибывшихъ изъ Россіи, про себя же говорятъ, что мы не русскіе, а гижигинцы»⁶.

При этом не было и полной ассимиляции. И. С. Гурвич пишет в связи с данным фактом:

«Однако гижигинцы не отождествляли себя и с коренным населением. Русский язык, ряд исконных особенностей быта выделяли их из среды береговых коряков и эвенов» [3: 205–206].

Л. Н. Хаховская замечает:

«Метисированные русскоязычные старожилы, как правило, носили либо “инородческие названия”, либо локальные имена, связанные с местом жительства» [16: 248].

При промышленном освоении Северо-Востока, начавшемся в первой трети XX века, регион значительно пополнился приезжими русскими. Данная ситуация подтолкнула к обострению осознания камчадалами своей самости, в первую очередь на фоне противопоставления себя русским, с которыми при общности языка были антропологические и культурные отличия. Это подстегнуло метисированное население к принятию им названия *камчадал*; одним этнонимом стали называться локальные группы, до того именовавшиеся преимущественно по месту жительства (гижигинцы, тауйцы и т. п.).

Л. Н. Хаховская отмечает особенность самоназваний камчадалов, определяя их как микроэтнонимы (названия, обозначающие небольшие группы; то же, что местные, региональные этнонимы):

«Весьма значимым оказалось восприятие себя и своих соседей по названию поселения. Так возникли географические апеллятивы, выраженные в форме отыменных прилагательных: ольские, арманские, ямские, тауйские, гижигинские» [19: 29].

Такие микроэтнонимы сохранялись, но главной их особенностью была невозможность обозначить целый народ. Термин *камчадал* подходил для этого лучшим образом, поскольку объединял разрозненные группы, тем более что они проживали в одной административной единице – Камчатской области, названной так по полуострову, давшему имя народу.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОНИМА

Этноним *камчадал* является регионализмом – одной из лексем «локально ограниченного распространения, независимо от источника их происхождения и отнесенности к литературному языку» [12: 88]. Слово хорошо известно на Камчатке, чуть в меньшей степени – на Северо-

Востоке, но за пределами территории расселения камчадалов с ним мало знакомо большинство носителей русского языка. На ограниченность распространения этнонима влияет малочисленность народа: в местах компактного проживания камчадалов происходят постоянные контакты данного народа с другими носителями русского языка, поэтому этноним не может не встречаться в устной и письменной речи региона. На ограниченность распространения слова долгое время влияли «отрицание» камчадалов в качестве отдельного народа и частое отождествление камчадалов с русскими. Именно этим объясняется смешение этнонима *камчадал* и катойконима *камчатец*, встречающееся в устной речи до сего дня. Несмотря на этнические различия, камчадалы стоят ближе к русским, нежели иные народы Северо-Востока, полностью относящиеся к монголоидной расе. Это способствовало относительной легкости заключения русско-камчадалских браков начиная со второй трети XX века. Растет и число камчадало-эвенских браков, поскольку эвены постепенно переходили к оседлому образу жизни. По данным, указанным Л. Х. Хаховской, в селе Гижига во второй половине 1960-х годов насчитывалось 207 камчадалов и 58 камчадалских семей, из которых 31 была этнически смешанная [16: 59]. Численность русских в результате экономических преобразований, развившихся в интенсивном промышленном развитии Северо-Востока, стала преобладающей. В доле межэтнических браков камчадалов преобладали русско-камчадалские. Л. Н. Хаховская замечает:

«Именно в процессе активного смешения с приезжими различных национальностей и заключается причина частичной утраты этнической идентичности, поскольку камчадалы, входящие в такие семьи, и особенно их потомки, зачастую начинали относить себя к русским» [16: 60].

Такая частичная утрата идентичности способствовала уменьшению численности камчадалов и снижению частоты использования этнонима *камчадал*. Последнее не замедлило сказаться на официальном уровне. По замечанию А. А. Сиринной,

«[в Магаданской области в] 1970-е годы (а для Камчатки еще раньше) эта национальность была отменена, а сами камчадалы “изъяты” из списка народов СССР. Таким образом, со второй половины XX в. камчадалы стали рассматриваться как этнографическая группа русских старожилов региона» [13: 90].

«Словарь современного русского литературного языка» (БАС) в качестве этнонимического определения слова *камчадалы* указывает (на 1956 год): «Название, данное первыми русскими поселенцами части коренного населения Камчатки; то же, что ительмены»; ительмены описываются так: «Северная народность, живущая на западном берегу Камчатки; камчадалы»¹⁷. Похожее значение приводится во втором томе

второго издания «Словаря русского языка» (МАС), вышедшего в 1983 году: «Употреблявшееся в 18 в. название коренного населения Камчатки – ительменов»¹⁸. «Большой толковый словарь русского языка», изданный в новую эпоху, слово в слово повторяет определение, данное в МАС¹⁹. Налицо по меньшей мере неупоминание камчадалов в качестве особого народа и полное отождествление по значению слов *камчадалы* и *ительмены*, что было свойственно для XVIII века. Можно также сделать вывод о том, что лексема *камчадал* в то время носила и сегодня носит региональный характер: представлено историческое значение, широко известное науке, но отсутствует более новое. Регионализмы могут не попадать в словари литературного языка.

Во Всесоюзных переписях населения 1970, 1979 и 1989 годов камчадалы не упоминаются. Это способствовало вытеснению этнонима из активного употребления в литературной речи. Разумеется, свою роль сыграло этническое смешение с русскими и другими народами, но основная причина, разумеется, не в этом. Очевидно, власти посчитали нецелесообразным учитывать отдельный народ, поскольку он был недавнего (по историческим меркам) и смешанного происхождения. Камчадалы записывались или русскими (по языку), или эвенями (как результат браков с ними), или ительменами (ранее также называвшимися камчадалами). Следует отметить, что камчадалы не были здесь исключением: в частности, советская власть долгое время считала ненужным выделять ижорцев и водь, относящихся к финно-угорской группе народов, проживающих на Северо-Западе России.

Со второй половины XX столетия начался процесс размывания границ этнической группы камчадалов. В большей степени на это влиял наплыв приезжего населения и переход кочевников к оседлому образу жизни, в результате чего усилился процесс смешения и растворения камчадалов в численно превосходящих народах. Данные процессы способствовали вытеснению этнонима *камчадал* из активного употребления, термин «регионализировался» все в большей степени, причем на официальном уровне – с тенденцией перехода в историческую терминологию, как прежнее название ительменов, что далеко не полностью соответствовало действительности. Данное обстоятельство подтверждается исследовательницей камчадалов Л. Н. Хаховской:

«Со второй половины 1980-х гг. этническая идентификация камчадалов осуществлялась в законодательном и процессуальном пространстве, обозначенном органами государственной власти. В этом пространстве не оказалось места этнониму “камчадал” как не входящему в перечень коренных народов, утвержденному еще в 1926 году. Тем камчадалам, которые хотели сохранить статус принадлежности к малочисленным северным народам и пользоваться предоставляемыми этой части населения льготами, пришлось выбирать между пред-

ложенными номинациями, обозначенными в перечне (в основном – ительмен). Находясь в ситуации выбора между двумя потенциально существующими оппозиционными идентичностями (русский или иная некоренная национальность / ительмен или иная коренная национальность), камчадалы однозначно делают выбор в пользу последней. В основе лежит принцип рациональности и логической пользы» [17: 282–283].

Правда, этническая принадлежность камчадалов, в отличие от тех же ижорцев и водь, упоминание о которых исчезло на десятилетия, все же была представлена в официальных документах. По расчетам Л. Н. Хаховской, произведенным на основании опроса жителей Северо-Эвенского района, число камчадалов, имевших личные документы с реальной этнической принадлежностью, в 1960–1980-е годы по Магаданской области составляло немногим более 10 % [16: 61].

Неучет камчадалов как представителей коренных малочисленных народов Севера, имевший следствием непредоставление льгот, положенных согласно законодательству (в частности, квоты на вылов рыбы), сыграл негативную роль в этнической идентичности и, как следствие, практической применении этнонима в устной и письменной речи. Поскольку льготы имели важное значение, особенно для обитателей отдаленных поселков, представители малочисленных народов стремились быть включенными в соответствующий перечень, что естественно. На середину 1980-х годов камчадалы большей частью официально числились русскими. Желание сохранить юридический статус представителей коренного малочисленного народа способствовало смене этнической принадлежности: камчадалы стали записываться эвенями, ительменами, коряками. Регионализм *камчадал* оказался под угрозой исчезновения.

Поскольку ительмены исторически назывались камчадалами, многие современные камчадалы записывались именно ительменами – кто добровольно, желая сохранить льготы, положенные народам, включенным в перечень, а кого-то в ительмены записывали власти, не спрашивая согласия (правда, такое происходило большей частью в середине века, когда камчадалы перестали учитываться и нужно было переменить «неправильно» указанную национальность). Именно это, по мнению автора, объясняет, почему Всероссийские переписи 2002 и 2010 годов фиксируют ительменов в восточной части Магаданской области, а также в Ольском районе. Это вчерашние камчадалы, в предках имеющие скорее эвенов и коряков, но в силу политических и экономических превратностей указанные в официальных документах ительменами.

Г. Г. Шпет во «Введении в этническую психологию» отметил важную деталь:

«Но “народ” в психологическом смысле есть исторически текущая форма, и если бы на наших глазах эта форма перелилась в новые формы – скажем, современные

народы разделились бы на классы, которые, переливаясь из народа в народ, создали бы новые, еще не виданные коллективы, – мы были бы только последовательны, если бы признали, что *народились новые народы*» [20: 371–372].

Философ приводит удачный гипотетический пример зарождения народов, хорошей иллюстрацией которого служат камчадалы.

Следует заметить, что ныне камчадалы находятся в относительной безопасности по части сохранения себя как самобытной этнической общности. С 2000 года камчадалы включены в перечень малочисленных народов, в связи с чем нет нужды принимать другую идентичность (хотя бы по форме) ради сохранения или получения льгот. Статьи «Словаря современного русского литературного языка» и других указанных выше лексикографических работ, описывающие лексему *камчадал*, не могут быть признаны полными этнонимологическими современными реалиями: исторически камчадалами назывались ительмены, ныне это отдельный малочисленный народ Севера.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ КАМЧАДАЛ

Словарь Г. В. Зотова дает следующее пояснение лексеме *камчадал*:

«Название местного русского жителя на Крайнем Северо-Востоке, ведущего свое происхождение от смешения русского казачества с коренным населением» [4: 209].

Слово в слово данное определение повторено в кратком словаре Ю. А. Резвухиной [11: 13]. По мнению автора, определение, предложенное Г. В. Зотовым, в большей степени подходит для описания камчадалов Магаданской области, поскольку исследователь не был на Камчатке и не подверг изучению значение лексемы *камчадал* на полуострове. При этом, как представляется, правильнее было бы в определении слово «русского» заменить на «русскоязычного».

Следует отметить, что лексема *камчадал* не ограничивается этнонимическим значением. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера для слова *камчадал* указано значение ‘ученик, сидящий на заднем ряду’ и добавлено: «От *камчадал* “житель Камчатки”»²⁰. «Словарь современного русского литературного языка» во втором определении слова *камчадалы* (первое – этнонимическое) приводит похожее значение: «Шутливое название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах», – и указывает на устарелость и проторечный характер слова²¹ (том вышел в 1956 году). Действительно, про учеников и студентов на задних партах говорят, что они сидят *на галёрке* или *на камчатке* (значительно реже с прописной буквы – *на Камчатке*), поскольку полуостров находится далеко от центра России: как последняя парта или стол – от доски или кафедры. В таком случае ироничное значение слова *камчатка* оправданно, оно приводится в современном «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химика²². По-

жалуй, в словарной статье словаря М. Фасмера не хватает только единственного уточнения, что камчадал – житель Камчатки в этнонимическом смысле, то есть представитель народа, живущего на полуострове, а не камчатец; у читателя может невольно возникнуть мысль, что термин *камчадал* ошибочно употреблен в качестве катойконима. Более точное, не омонимичное с этнонимом обозначение сидящего на последней парте (на камчатке) дается Д. Н. Ушаковым – *камчатник*²³. Однако неэтнонимическое значение лексемы носит производный характер.

Камчадал – название народа, происходящего от смешения русских с туземцами, в силу малочисленности которого этноним имеет хождение на ограниченной территории – преимущественно на Северо-Востоке. Исторически – в XVIII веке – *камчадал* и *ительмен* были абсолютными синонимами, ныне каждая лексема имеет свое значение и обозначает разные этнические группы. Следует отметить необходимость давать возможность жителям Северо-Востока России – представителям малочисленных народов самостоятельно выбирать и указывать свою идентичность, дабы избежать в будущем повторения ошибок вроде записи камчадалов ительменами, что выглядит особенно нелепо на территории Магаданской области, где последние в значительном количестве никогда не проживали.

Сегодня существует три этнонимических значения лексемы *камчадал*:

- 1) тождественное лексеме *ительмен*; носит исторический характер, поскольку в прошлом коренной народ Камчатки называли в том числе камчадалами;
- 2) народ, проживающий на Камчатке, образованный путем смешения русских первопроходцев с местными народами – преимущественно ительменами, в меньшей степени – коряками;
- 3) народ, проживающий в Магаданской области, ведущий свое происхождение от смешения русских первопроходцев с местными народами – эвенями, коряками, в меньшей степени ительменами и якутами.

При этом следует отметить значительное сходство между вторым и третьим значениями. Различие обуславливается в большей степени этническим субстратом камчадалов разных регионов. Вполне возможно, что в будущем – по мере усиления объединительных процессов внутри этноса, существующего недолго по историческим меркам, – исчезнут различия между камчадалами Камчатки и Магаданской области. Наиболее полным, соединяющим вторые два значения лексемы (что, по мнению автора, вполне уместно уже сейчас), было бы следующее определение:

Камчадалы – народ, живущий на Крайнем Северо-Востоке (или просто – Северо-Востоке) России, преимущественно на Камчатском полуострове и северной части побережья Охотского моря, ведущий свое происхождение от смешения русского казачества и служилых людей с коренным (или местным) населением, преимущественно ительменами и коряками, в меньшей степени – эвенями и юкагирами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этноним *камчадал* представлен в научной и художественной литературе, но в устной речи тех, кто не имеет постоянных или спорадических контактов с камчадалами (что обычно происходит чаще всего в месте проживания народа), встреча-

ется редко. В силу этого слово *камчадал* следует признать регионализмом. Поскольку термин широко употребляется на Северо-Востоке, он относится к северо-восточному региональному варианту русского языка, в который входят этнонимы и других малочисленных северных народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: В 2 т. Т. 2. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. С. 5.
- ² Форма *однимъ* для женского рода (вместо *однѣмъ*) дана Крашенинниковым; такой орфографический вариант был вполне допустим для XVIII века.
- ³ В оригинале – *Коочъ-ай*. Очевидно, это опечатка, так как в других местах везде пишется *Коочъ-ай*.
- ⁴ Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 9.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Возможно, удвоение *n* – ложное сближение с немецким существительным *Mann*.
- ⁷ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: В 4 ч. Ч. 3. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799. С. 56.
- ⁸ Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 3.
- ⁹ Подгурский Б. К. (Б. Горовский). Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка: Путевые очерки. СПб.: Издание Б. А. Суворина, 1914. С. 73.
- ¹⁰ Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. С. 13.
- ¹¹ Там же. С. 27.
- ¹² Гондатти Н. Л. Оседлое население реки Анадыра // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. III. Вып. I. Хабаровск: Типолиитография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 111–165.
- ¹³ До того Камчатская область существовала в 1803–1822 и 1849–1856 годах.
- ¹⁴ До продажи Аляски в 1867 году креолами называли потомков русских и индейцев или русских и алеутов, живших на территории, управляемой Российско-Американской компанией.
- ¹⁵ Дитмар К. В. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. С. 423.
- ¹⁶ Бацевич С. Л. Два года в местечке Гижига Камчатской области // Известия Общества горных инженеров. 1913. № 3. С. 22.
- ¹⁷ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Стб. 739, 594.
- ¹⁸ Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. М.: Русский язык, 1983. С. 25.
- ¹⁹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. С. 413.
- ²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Изд. 2-е, стереотип. М.: Прогресс, 1986. С. 176.
- ²¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. Стб. 739.
- ²² Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. 1. А–Н. СПб.: Златоуст, 2017. С. 340.
- ²³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В IV т. Т. I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. Стб. 1300.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буркин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 224 с.
2. Глущенко О. А. К проблеме этничности камчадалов-ительменов // Русское слово: литературный язык и народные говоры: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко / Отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. С. 107–113.
3. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1966. 269 с.
4. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2010. 540 с.
5. История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. Л.: Наука, 1990. 208 с.
6. Леонтьев В. В. Из истории происхождения названия «Камчатка» // Краеведческие записки. Вып. 14. Магадан, 1986. С. 192–199.
7. Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Науч. ред. Г. А. Меновщиков. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989. 456 с.
8. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX века). Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 192 с.
9. Орлова Е. П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 168 с.
10. Попова У. Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.
11. Резвухина Ю. А. Колымские регионализмы переходной эпохи. (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века). Магадан: СВГУ, 2014. 40 с.
12. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 84–90.
13. Сирина А. А. Кто такие камчадалы и почему ты – один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е. А. Пивнева, Д. А. Функ. М.: Наука, 2005. С. 85–107.
14. Стеллер Г.-В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.
15. Туголуков В. А. Народ один – названий много // Советская этнография. 1970. № 5. Сентябрь – Октябрь. С. 132–137.
16. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.

17. Хаховская Л. Н. Социальная организация и этническая идентичность камчадалов Охотского побережья // Этноссы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. / Отв. ред. Н. П. Макаров. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. С. 277–283.
18. Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
19. Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 25–36.
20. Шпет Г. Г. Психология социального бытия / Под ред. Т. Д. Марцинковской; Вступ. ст. Т. Д. Марцинковской. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 492 с.

Поступила в редакцию 18.02.2019

Mikhail S. Teikin, Postgraduate Student, North-Eastern State University
(Magadan, Russian Federation)

ETHNONYM *KAMCHADAL* IN THE LINGUISTIC SPACE OF RUSSIAN NORTH-EAST

The ethnonym *Kamchadal* in its contemporary sense denotes a so-called “new” people, the early history of which covers only the beginning of the XVIII century. The Kamchadals appeared as a result of the intermixture between Russian pioneers in Kamchatka and its local dwellers: the Itelmens, Koryaks, and Evens. In earlier ages, the Itelmens, ancient residents of the peninsula, were referred to as the Kamchadals; these two terms were absolute synonyms in Russian language at that time. The intensification of russification processes among some of the population in the North-East resulted in the formation of specific groups of people that differed from “pure” aborigines, thus entailing an objective necessity to distinguish between the ethnonyms. As an outcome, the name *Itelmens* was retained for those who did not give up Itelmen language and culture, while Russian-speaking dwellers, including those who lived outside the Kamchatka Peninsula, adopted the name *Kamchadals*. The article deals with the procedure of the change in the meaning of the ethnonym *Kamchadal*, its place in written and oral speech in the North-East of Russia in the XX century and nowadays, as well as with its difference from the demonym. The author also gives the most probable etymological versions of the word’s origin existing nowadays. This article regards the ethnonym *Kamchadal* as a regionalism, because it has wide circulation in the Kamchadals’ places of residence, but beyond the Far East it is of little notice.

Keywords: Kamchadal, Itelmen, ethnonym, demonym, regionalism (linguistics), North-East of Russia, Kamchatka

Cite this article as: Teikin M. S. Ethnonym *Kamchadal* in the linguistic space of Russian North-East. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 104–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.394

REFERENCES

1. Burykin A. A. Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studying of the region. Essays on toponyms and ethnonyms of Eastern Siberia. St. Petersburg, 2006. 224 p. (In Russ.)
2. Glushchenko O. A. The problem of Kamchadal-Itelmen ethnicity. *Russian word: literary and vernacular languages: Proceedings of scientific conference dedicated to 100th birthday anniversary of Doctor of Philology, Professor G. G. Melnichenko*. (T. K. Khovrina, Ed.). Yaroslavl, 2008. P. 107–113. (In Russ.)
3. Gurvich I. S. Ethnical history of the North-East of Siberia. (B. O. Dolgikh, Ed.). Moscow, 1966. 269 p. (In Russ.)
4. Zotov G. V. Dictionary of regional lexicon in the Far North-East of Russia. Magadan, 2010. 540 p. (In Russ.)
5. History and culture of the Itelmens: Historical and ethnographical studies. (A. I. Krushanov, Ed.). Leningrad, 1990. 208 p. (In Russ.)
6. Leontyev V. V. The history of Kamchatka name origin. *Regional History Records*. Issue 14. Magadan, 1986. P. 192–199. (In Russ.)
7. Leontyev V. V., Novikova K. A. Toponymical dictionary of the North-East of the USSR. (G. A. Menovshchikov, Ed.). Magadan, 1989. 456 p. (In Russ.)
8. Ogryzko I. I. Essays on the history of convergence between Kamchatka indigenous and Russian population (late XVII – early XX centuries). Leningrad, 1973. 192 p. (In Russ.)
9. Orlova E. P. The Itelmens. Historical and ethnographical study. St. Petersburg, 1999. 168 p. (In Russ.)
10. Popova U. G. The Evens of the Magadan region. Essays on history, household and culture of the Evens on the coast of the Sea of Okhotsk in 1917–1977. Moscow, 1981. 304 p. (In Russ.)
11. Rezvukhina Yu. A. Kolyma regionalisms of the transitional era. (Concise dictionary of Kolyma regional lexicon of the 1920s). Magadan, 2014. 40 p. (In Russ.)
12. Rezvukhina Yu. A. Regionalism: the definition of the term. *Interexpo Geo-Siberia*. 2015. Vol. 6. No 2. P. 84–90. (In Russ.)
13. Sirina A. A. Who are the Kamchadals and why are you one of them? State policy and problems of ethnical identity formation of the Kamchadals in the Magadan region. *In search of self: Peoples of the North and Siberia during post-Soviet transformations*. (E. A. Pivneva, D. A. Funk, Ed.). Moscow, 2005. P. 85–107. (In Russ.)
14. Steller G. -W. Depiction of Kamchatka land. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 1999. 288 p. (In Russ.)
15. Tugolukov V. A. One people – different names. *Soviet Ethnography*. 1970. No 5. P. 132–137. (In Russ.)
16. Khakhovskaya L. N. The Kamchadals in the Magadan region (their history, cultural traditions and identification). Magadan, 2003. 325 p. (In Russ.)
17. Khakhovskaya L. N. Social organisation and ethnic identity of the Kamchadals on the coast of the Sea of Okhotsk. *Ethnoses of Siberia. Past. Present. Future: Proceedings of the international research-to-practice conference*. In 2 parts. (N. P. Makarov, Ed.). Krasnoyarsk, 2004. P. 277–283. (In Russ.)
18. Khakhovskaya L. N. Indigenous peoples in the territory of the Magadan region in the XX and the early XXI centuries. Magadan, 2008. 229 p. (In Russ.)
19. Khakhovskaya L. N. Ethnonymic processes of the aborigines of the North-East of Russia (case study of the Evens and Kamchadals). *Russia and the Pacific*. 2018. No 4. P. 25–36. (In Russ.)
20. Spet G. G. Psychology of social being. (T. D. Martsinkovskaya, Ed., Foreword). Moscow, Voronezh, 1996. 492 p. (In Russ.)

Received: 18 February, 2019

25 апреля 2019 года исполнилось 85 лет кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета *Ларисе Николаевне Колесовой*.

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА КОЛЕСОВА

К 85-летию со дня рождения

Л. Н. Колесова родилась в Ленинграде, с 1940 года ее жизнь неразрывно связана с Карелией и Петрозаводским университетом. Окончив в 1957 году историко-филологический факультет, она сначала работала ответственным секретарем газеты «Петрозаводский университет». После окончания аспирантуры при кафедре русской и зарубежной литературы университета и успешной защиты кандидатской диссертации «Пионерские журналы в истории советской детской литературы 20-х годов XX века» она стала преподавателем, а с 1971 года – доцентом этой кафедры. Лариса Николаевна является ведущим специалистом – представителем научной школы, основанной профессором И. П. Лупановой. Научные интересы юбиляра в течение всей профессиональной деятельности связаны с проблемами теории и истории детской литературы и журналистики. В 1999 году во многом благодаря усилиям и организаторскому таланту Л. Н. Колесовой было создано отделение журналистики, которому она верна и сегодня.

Л. Н. Колесова – автор книг и множества статей, посвященных детской литературе и журналистике. В начале 2009 года вышла в свет ее обобщающая монография «Детские журналы России. XX век». Она продолжает читать курс по детской литературе и детским журналам России 1785–2000 годов.

С 2014 года Л. Н. Колесова – доцент кафедры русского языка Института филологии и по-прежнему в творческом поиске. В 2013 году вышла монография «Проза для детей: XX век, вторая половина». Начав работу над учебно-методическим комплектом «Детские журналы России», Лариса Николаевна в 2014 году издала первую книгу, охватывающую весь дореволюционный период (1785–1917), вторая книга, вышедшая в 2015 году, посвящена советскому и постсоветскому десятилетию (1917–2000). В этом году она завершила новую монографию, которая посвящена детским журналам начала XXI века. Книга увидит свет в 2020 году.

Награждена Почетной грамотой МО РФ, нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» и в связи с юбилеем Благодарностью Президента РФ.

Поздравляем Ларису Николаевну с юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, оптимизма и новых книг!

3 июля 2019 года исполнилось 80 лет доценту кафедры русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета *Любови Петровне Михайловой*.

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

К 80-летию со дня рождения

Интерес к «самовитому» русскому слову зародился у Л. П. Михайловой еще в детстве и укрепился за годы учебы в Новгородском педагогическом институте и аспирантуре Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена. После нескольких лет преподавательской деятельности в Череповце Любовь Петровна связала свою жизнь сначала с Карельским государственным педагогическим институтом, затем – с Петрозаводским госуниверситетом. Ее имя хорошо известно российским и зарубежным диалектологам и историкам языка по более 320 научным публикациям, участию в научных форумах и экспедициях. Она ведущий специалист в области русской диалектологии, видный организатор лингвокраеведческого направления в работе кафедры русского языка ПетрГУ, один из редакторов «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» – тридцатипятилетнего коллективного труда в шести томах. «Глубокий знаток и необыкновенный энтузиаст народной речевой культуры Северо-Запада», – так назвала Любовь Петровну профессор Л. В. Савельева.

Л. П. Михайлова – автор получившего широкое признание «Словаря экстенциальных лексических единиц в русских говорах» (2013), нескольких монографий (например, книги «История края в народном слове»), составитель «Лексического атласа русских народных говоров» (в содружестве с коллегами из академических учреждений РАН Москвы и Санкт-Петербурга). С рюкзаком за плечами Любовь Петровна исходила и объехала – одна, с коллегами, с несколькими поколениями своих студентов и аспирантов – множество экспедиционных дорог в районах Карелии, Тверской, Новгородской, Вологодской областей (первая такая экспедиция состоялась еще в 1957 году в районе озера Селигер). Результатом этих усилий стали не только научные публикации Любови Петровны, но и работы ее подопечных – нынешних кандидатов наук, коллег по кафедре русского языка и Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Она признается: «Русское слово стало смыслом моей жизни. Докопаться до сути смысла, его истории, превратностей судьбы какого-нибудь прихотья или обудохи – преинтереснейшее занятие. И не только потому, что это дает тебе небесмысленно проводить время, а в основном потому, что открываются страницы исторических судеб и слова, и народа – его носителя». Недаром одна из наград Любови Петровны – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Л. П. Михайлова – заслуженный деятель науки РК.

Здоровья Вам и многая лета, дорогая Любовь Петровна!

20 октября 2019 года исполнилось 70 лет доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета, члену редакционного совета нашего журнала *Владимиру Николаевичу Захарову*.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗАХАРОВ

К 70-летию со дня рождения

В. Н. Захаров родился в 1949 году в г. Мурманске. Закончив среднюю школу № 30 г. Петрозаводска, он в 1967 году поступает на историко-филологический факультет Петрозаводского университета, с которым не расстается по сей день. Окончив в 1972 году вуз, работает преподавателем на кафедре русской и зарубежной литературы, в данное время являясь заведующим. Увлеченный творчеством Ф. М. Достоевского еще в студенческие годы, В. Н. Захаров работает над диссертациями, посвященными творчеству писателя, и успешно защищает в 1975 году кандидатскую, а в 1988 году – докторскую. В 1998 году на Генеральной ассамблее X Симпозиума Международного общества Ф. М. Достоевского (International Dostoevsky Society – IDS) в Нью-Йорке его избирают вице-президентом, а в июле 2013 году – президентом. В 2019 году в Бостоне новым президентом Международного общества Достоевского избрана Кэрол Аполлонио (Университет Дьюка, США), а В. Н. Захаров стал почетным президентом IDS. Им написаны четыре монографии, посвященные творчеству Достоевского и проблемам исторической поэтики, а также свыше 300 научных статей, которые опубликованы не только в России, но и в других странах. По его инициативе с 1993 года на базе ПетрГУ проходят международные конференции «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр». Под руководством В. Н. Захарова защищено одиннадцать кандидатских диссертаций, у двух соискателей докторской степени он был научным консультантом. Владимир Николаевич – основатель и глава петрозаводской текстологической школы. Он одним из первых начал использовать современные информационные технологии в филологических исследованиях и образовании, в изучении наследия Достоевского. В 1993 году он организовал в ПетрГУ Web-лабораторию.

В. Н. Захаров является членом редколлегии международных научных изданий, главным редактором научных журналов «Проблемы исторической поэтики» и «Неизвестный Достоевский». В 2011 году В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов и Б. Н. Тихомиров, подготовившие и выпустившие двухтомное «Евангелие Достоевского», стали лауреатами Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский». В. Н. Захаров удостоен званий «Заслуженный деятель науки РК», «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», «Почетный работник науки и техники РФ», отмечен Андреевской премией Головного совета по филологии МО РФ, высокой наградой Русской православной церкви – орденом Сергия Радонежского III степени.

Поздравляем Владимира Николаевича с юбилеем и желаем успехов во всех начинаниях!

ХРОНИКА

■ 23–27 сентября 2019 года в Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижь» состоялась VIII конференция по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-2019».

Начало проведения конференции «Рябининские чтения» относится к 1991 году, когда по инициативе сотрудников музея-заповедника «Кижь» на острове Кижь была проведена конференция «Фольклорные традиции и музей». В программу было включено 29 докладов специалистов из 8 городов Советского Союза – Архангельска, Иркутска, Ленинграда, Новосибирска, Петрозаводска, Суздаля, Тарту и Улан-Удэ. К началу конференции был издан сборник тезисов докладов¹. Ключевой темой конференции была рябининская былинная традиция, ей было посвящено специальное заседание. Открывал конференцию доклад Н. А. Криничной «Сказитель Т. Г. Рябинин: биография и эпическое наследие». Участники конференции решили сделать ее регулярной и проводить на базе музея-заповедника «Кижь» один раз в четыре года.

В процессе подготовки следующей конференции, которая должна была состояться в 1995 году, родилась идея назвать ее «Рябининские чтения» как дань уважения знаменитой династии былинных сказителей Рябининых, живших в Кижской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Название конференции предложил руководитель оргкомитета чтений 1995 года Б. Н. Путилов. Важную роль в продвижении идеи конференции сыграла сотрудник музея-заповедника «Кижь» Р. Б. Калашникова (1952–2005). Проведение конференции всегда активно поддерживалось администрацией музея-заповедника «Кижь».

С тех пор конференция регулярно проводится музеем-заповедником «Кижь», как и предлага-

лось, один раз в четыре года. Заседания проходят в Петрозаводске с обязательным выездом на остров Кижь, где участники возлагают цветы на могилу сказителя Т. Г. Рябинина. Всего за это время проведено семь конференций, соответственно в 1995, 1999, 2003, 2007, 2011, 2015 и 2019 годах. По итогам конференций 1995 и 1999 годов были изданы сборники докладов². Начиная с 2003 года сборники материалов конференции издаются к ее открытию³. Большое значение в становлении Рябининских чтений имела деятельность выдающихся советских и российских фольклористов Б. Н. Путилова (1919–1997) и К. В. Чистова (1919–2007) – председателей оргкомитетов в 1995 и 1999 годах. Начиная с 2003 года председателем оргкомитета является доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Т. Г. Иванова.

Значительный вклад в становление и развитие конференции внесли петрозаводские ученые: В. П. Кузнецова, И. И. Муллонен, А. В. Пигин, А. М. Пашков, Т. И. Вахрамеева, В. П. Орфинский, С. М. Лойтер, Л. П. Михайлова, В. Г. Платонов.

Первоначально Чтения носили тематический характер, например, конференция 1999 года была посвящена теме «Мастер и народная художественная традиция Русского Севера», 2003 года – «Локальные традиции в народной культуре Русского Севера», 2007 года – «Традиционная культура Русского Севера: история и современность», 2011 года – «“Свое” и “чужое” в культурных традициях Русского Севера: проблемы самоидентификации и сохранения культурного

наследия»⁴. В последних двух конференциях от такой практики было решено отказаться и определить тему всех последующих Чтений – «Традиционная культура Русского Севера», в рамках которой намечать круг наиболее актуальных проблем, рассматривающихся на секционных заседаниях.

Изначально Чтения носили мультидисциплинарный характер и объединяли специалистов, работающих в разных областях гуманитарного научного знания, – историков, этнологов, фольклористов, этномузыковедов, археографов, лингвистов, специалистов в области деревянной архитектуры и народного искусства. С 2007 года к традиционным направлениям работы добавилась актуализация народной культуры, в конференции стали активно участвовать педагоги и музейные работники.

В течение всех лет наблюдается неуклонный рост участников конференции: в 1991 году на острове Кижы собрались чуть более 30 исследователей, в 2019 году – уже более 260 ученых из 27 городов России и зарубежья. Также увеличился объем сборника материалов кон-

ференции, например, если в 1995 году было опубликовано 62 статьи участников (25 п. л.), то в 2019 году – 192 статьи (78 п. л.). Это подтверждает актуальность и значимость данного мероприятия.

Трижды – в 2003, 2007 и 2011 годах – конференция получала финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда⁵.

В разные годы в конференции принимали участие известные российские ученые. Неоднократно приезжали в Петрозаводск и выступали с докладами А. К. Байбурин, В. А. Бахтина, А. Б. Бодэ, А. Н. Власов, В. М. Гацак, В. Н. Калущков, Т. С. Канева, В. А. Лапин, М. А. Лобанов, М. И. Мильчик, С. А. Мызников, Ю. А. Новиков, А. Б. Пермилловская, В. Г. Пуцко, И. А. Разумова, А. Н. Розов, Ю. И. Смирнов, А. Л. Топорков, И. И. Шангина, Е. М. Юхименко и другие исследователи.

В настоящее время Рябининские чтения являются наиболее представительной и известной в России конференцией, посвященной традиционной культуре Русского Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фольклорные традиции и музей (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Петрозаводск, 1991. 38 с.

² Международная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения '95»: Сб. докладов / Пред. оргком. Б. Н. Путилов; Редкол. А. И. Афанасьева и др. Петрозаводск, 1997. 432 с.; Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения – 99») / Пред. оргком. К. В. Чистов; Редкол. Р. Б. Калашникова и др. Петрозаводск, 2000. 456 с.

³ Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003») / Редкол. Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др. Петрозаводск, 2003. 436 с.; Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Редкол. Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др. Петрозаводск, 2007. 498 с.; Рябининские чтения-2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Редкол. Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др. Петрозаводск, 2011. 564 с.; Рябининские чтения-2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. 596 с.; Рябининские чтения-2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Сост. и подгот.: Т. Г. Иванова (отв. ред.), И. В. Мельников. Петрозаводск, 2019. 677 с.

⁴ По итогам конференции 2011 года журналом «Антропологический форум» был проведен опрос участников. См.: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/readings2.pdf>.

⁵ См. публикацию по итогам конференции в «Вестнике» РГНФ № 4 за 2011 год.

*И. В. Мельников, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея-заповедника «Кижы»
Н. М. Мельникова, ведущий специалист по просветительской работе Музея-заповедника «Кижы»*

CONTENTS

Editorial note 7 Interview Interview with T. G. Ivanova 8 Ryabinin Readings-2019: VIII Conference on Traditional Culture of the Russian North <i>Alpatov S. V.</i> NEWS FROM HELL IN THE KARGOPOL RE- GION: PROBLEM OF CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF LOCAL TRADITION 13 <i>Bobunova M. A., Khrolenko A. T.</i> IDIOLECT OF A RUSSIAN STORYTELLER TROFIM RYABININ (DRAWING ON THE LEXI- CAL DICTIONARY OF RUSSIAN BYLINAS) 19 <i>Vlasov A. N., Eremina V. I.</i> THE BOUNDARIES OF THE RECEPTION AND INTERPRETATION OF LOCAL FOLKLORE IN THE WORKS OF LOCAL HISTORIANS (STU- DYING THE CONCEPT OF FOLK SINGULARITY) 26 <i>Mullonen I. I.</i> DOUBLET NAMES IN THE TOPONYMIC SYS- TEM OF THE LUDIC ONEGA LAKE AREA 31 <i>Mikhailova L. P.</i> BALTIC-FINNISH PHONETIC COMPONENT IN THE LEXIS OF THE ZAONEZHYE DIALECTS 38 LITERARY STUDIES <i>Zhitenev A. A.</i> MYTH ABOUT K. N. BATYUSHKOV IN RUS- SIAN POETRY FROM BETWEEN THE 1970S AND THE 2000S 44 <i>Rozanov Yu. V.</i> VASILY BELOV'S NOVEL <i>BUSINESS AS USUAL</i> IN THE SOCIO-POLITICAL SITUATION OF THE 1960S 51 <i>Litinskaya E. P., Sharapenkova N. G.</i> REMINISCENCES OF ANTIQUITY IN DOSTO- EVSKY'S NOVEL <i>THE BROTHERS KARAMA- ZOV</i>: FORMULATING THE RESEARCH PROBLEM 56	<i>Markovskaya E. V.</i> POMOR CHASTUSHKAS OF THE WARTIME RECORDED BY A. M. LINEVSKY 62 <i>Sidorenko A. Yu.</i> AN IDYLL OF STRUGGLE: LIANG BIN'S NO- VEL <i>KEEP THE RED FLAG FLYING</i> 70 LINGUISTICS <i>Dyachkova I. N.</i> QUANTITATIVE-NOMINAL COMBINATIONS IN ALEXANDER PUSHKIN'S POETIC LANGUAGE. . . . 77 <i>Zorina E. S.</i> SYNTAGMATIC DECOMPOSITION OF THE TEXT: THE MODAL ASPECT (BASED ON THE SHORT STORY <i>THE HALF-BELT OVERCOAT</i> BY M. SHISHKIN) 81 <i>Mukhina I. K.</i> REALIZATION OF CONTRAST RELATIONS IN THE SYNONYMIC AND ANTONYMIC COM- PLEX "HOT ↔ COLD" 86 <i>Novak I. P.</i> LITURGICAL TEXT AS A SOURCE OF RE- SEARCH INTO THE DIALECT SPECIFICS OF THE KARELIAN LANGUAGE 90 <i>Tverdokhlebova O. G.</i> COMBINATORIAL REPETITIONS OF SOMA- TISMS IN THE POETRY OF ANDREI BELY 96 <i>Teikin M. S.</i> ETHNONYM <i>KAMCHADAL</i> IN THE LINGUIS- TIC SPACE OF RUSSIAN NORTH-EAST 104 Anniversaries The 85th birthday anniversary of L. N. Kolesova 113 The 80th birthday anniversary of L. P. Mikhailova 114 The 70th birthday anniversary of V. N. Zakharov 115 Scientific information 116

РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРИСТЫ Библиографический словарь XVIII–XIX вв.

Пяти томный библиографический словарь «Русские фольклористы» имеет целью раскрытие определенных сторон истории русской фольклористики через биографии участников научного процесса в XVIII–XIX столетиях. В справочнике учтены не только известные собиратели и исследователи устной народной поэзии, но и провинциальные краеведы (священники, учителя, статистики и пр.), занимавшиеся записью фольклора. Заметный пласт персонажей Словаря – политические ссыльные, оказавшиеся на Русском Севере или в Сибири и сделавшие традиционную культуру русского народа предметом своих научных интересов. Словарь включает также имена писателей и композиторов, прикасавшихся к фольклору. Настоящее издание является третьим томом Словаря. Первый том Словаря вышел в 2016 году, второй – в 2017 году.

Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв. : в 5 т. / [под ред. Т. Г. Ивановой]. – Т. 3 : Краинский – О. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 880 с.

Интервью с редактором Словаря читайте на страницах 8–12

МАСТЕР И НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

С 20 по 24 сентября 1999 года в Петрозаводске состоялась III Международная научная конференция по изучению традиционной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-99». Данная конференция была посвящена теме «Мастер и народная художественная традиция Русского Севера». Значительная часть заслушанных докладов опубликована в сборнике в соответствии с названиями секций конференции: «Фольклорные традиции Русского Севера», «Народное искусство и ремесла Русского Севера», «Христианская культура Русского Севера».

Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). – Петрозаводск, 2000. – 456 с.

РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

В сборнике опубликованы материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера «Рябининские чтения – 2019» (Петрозаводск, сентябрь 2019 г.).

Рябининские чтения – 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Музей-заповедник «Кижь». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – 677 с.

О «Рябининских чтениях» читайте в рубрике «Научная информация»

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК. Выпуск 18

В 18-м выпуске сборника статей «Кижский вестник» публикуются научные материалы и исследования, связанные с изучением истории, этнографии, археологии, книжности, фольклора и иконописи региона. Несколько статей освещают вопросы музейной теории и практики. Из творческого наследия Ю. В. Линника опубликована его статья «Архетипы Русского Севера».

Кижский вестник. Выпуск 18 : [сборник статей] / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – 265 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004